

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 6 (127) / 2023

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, Э. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

- Басовец И. М.* Центрическая субъектная модель
текстовой деавторизации
(на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов).....7
- Бекреева Ю. В.* Инференция характеристики человека
в минимальной синтаксической конструкции с глаголом-предикатом ... 15
- Коленда Е. В.* Особенности семантики и системной организации
фразеологических единиц с компонентом-мифонимом
(на материале русского, белорусского и английского языков)..... 24
- Сысоева Т. А.* Фразеологические единицы как средство формирования
персонального и корпоративного имиджа
в белорусских сетевых изданиях 35
- Устименко Е. Г.* О семантике глаголов перемещения
с семой 'направление' в русском и немецком языках..... 42
- Филимонова М. С.* Имитатив китайского языка как отражение ситуации
окружающей действительности 55

Романское и германское языкознание

- Жукова А. О.* Непространственная семантика многозначных
топологических и димензиональных предлогов английского языка..... 64
- Морозова Л. П. Устинович В. В.* Просодическая репрезентация
коммуникативной структуры устного спонтанного высказывания
во французском языке 72
- Паремская С. В.* Падежное управление и семантические свойства
предлога *ab* в диахронии..... 82

Исследования славянских языков

- Котов К. А.* К вопросу о границах лексико-семантического поля
«Внешность человека» (на материале современного русского языка)..... 90

Проблемы прикладной лингвистики

- Богданова Н. А., Мельник В. А.* Этапы разработки корпусного менеджера
для анализа параллельных тегированных корпусов текстов.....104
- Ковалевская И. И.* К построению интерпретационной модели
правового дискурса.....112
- Степанова Д. В.* Программный комплекс для генерации
динамического корпуса текстов СМИ.....123
- Чжао Линьцзян.* Манифестация культурных ценностей
в образовательной рекламе131

Литературоведение

- Казанцева К. К., Рогачевская М. С.* Психологический триллер:
эволюция и жанровые доминанты.....140
- Синяк Е. П.* Роль сюжетно-композиционных особенностей повести
В. Быкова «Яго батальён» в формировании образа солдата
Второй мировой войны149

CONTENTS

General and Typological Linguistics

Basovets I. Centric Subject Model of Text Deauthorization
(on the Material of English and Belarusian Media Texts).....7

Bekreyeva Y. Inference of a Person's Characteristics in a Minimal Syntactic
Construction With a Verb-Predicate..... 15

Kolenda E. Peculiarities of Semantics and System Organization
of Phraseological Units with a Mythonim Component
(Based on the Material of Russian, Belarusian and English Languages) 24

Sysoyeva T. Phraseological Units as a Means of Forming Personal
and Corporate Image in Belarusian Online Publications 35

Ustsimenka A. Semantics of Verbs of Movement
with the Seme 'Direction' in Russian and German..... 42

Filimonova M. Imitative Word of the Chinese Language
as the Reflection of Reality 55

Romance and Germanic Linguistics

Zhukava H. Non-Spatial Semantics of Polysemantic Topological
and Dimensional English Prepositions 64

Morozova L., Ustinovich V. Prosodic Representation of the Communicative
Structure of an Oral Spontaneous Utterance in French..... 72

Paremskaya S. Preposition *ab* in Diachrony: Case Government
and Semantic Features 82

Slavonic Languages

<i>Kotau K.</i> To the Question of the Boundaries of the Lexico-Semantic Field “Human Appearance” (on the Material of Contemporary Russian Language)	90
--	----

Applied Linguistics

<i>Bahdanava N., Melnik V.</i> Steps of Developing a Corpus Manager for Analysis of Parallel Tagged Text Corpora	104
<i>Kavaleuskaya I.</i> On Modeling the Interpretation of Legal Discourse.....	112
<i>Stepanova D.</i> Software Package for Generating a Dynamic Media Texts Corpus	123
<i>Zhao Linjiang.</i> Manifestation of Cultural Values in Educational Advertising	131

Literary Studies

<i>Kazantsava K., Ragachewskaya M.</i> The Psychological Thriller: Evolution and Genre Dominants	140
<i>Siniak A.</i> Role of the Plot and Compositional Features of V. Bykov’s Short Novel “His Battalion” in Forming the Image of the World War II Soldier	149

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК (811.161.3+811.111)'42

Басовец Ирина Михайловна

докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Basovets

Post-PhD Researcher
of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
basovets@list.ru

ЦЕНТРИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНАЯ МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ (на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов)

CENTRIC SUBJECT MODEL OF TEXT DEAUTHORIZATION (on the Material of English and Belarusian Media Texts)

В работе установлено, что субъектная референция является основой построения центрической субъектной модели текстовой деавторизации, которая характеризуется определенной комбинацией структурно-семантических и референциально-прагматических признаков. Определено, что центрическая субъектная модель отличается гибридностью референциальных характеристик субъектов, тематической общностью утверждений субъектных групп и комплексностью прагматических функций конструкций деавторизации при едином доминантном прагматическом векторе. Выявлены отличительные черты анализируемой модели в англо- и белорусскоязычном медиатекстах в отношении доминантного прагматического вектора и языковых средств кодирования периферийных субъектных компонентов.

Ключевые слова: текстовая деавторизация; конструкции авторизации; конструкции деавторизации; нереферентный субъект; центрическая субъектная модель.

The paper states that subject reference is the basis for constructing of the centric subject model of text deauthorization, which is characterized by a certain combination of structural-semantic and referential-pragmatic features. It has been determined that the centric subject model is distinguished by the hybridity of the referential characteristics of the subjects, the topic unity of the statements of the subject groups and the complexity of the pragmatic functions of deauthorization structures with a single

dominant pragmatic vector. The distinctive features of the analyzed model in English and Belarusian media texts are revealed in relation to the dominant pragmatic vector and linguistic means of encoding peripheral subject components.

Key words: text deauthorization; authorization structures; deauthorization structures; non-referential subject; centric subject model.

Изучение системных связей субъектных компонентов конструкций деавторизации в медиатекстах на английском и белорусском языках является актуальным, поскольку связано с проблемами достоверности сообщаемых сведений и возможности их верификации. Кроме того, участие универсальных механизмов субъектной референции с лингвокультурными особенностями вербализации источников информации в медиаполе представляется актуальным еще и в силу онтологической природы такой взаимосвязи и ее недостаточной изученности. Цель работы заключается в построении центрической субъектной модели текстовой деавторизации на материале англо- и белорусскоязычных новостных статей с выявлением общих и отличительных признаков. Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов; метод контекстуального, семантического и лингвопрагматического анализа; метод моделирования. Материалом послужили письменные газетные тексты информационного жанра на английском (газеты *The Guardian*) и белорусском (газеты «Звезда») языках. В результате анализа способов расположения субъектных компонентов конструкций деавторизации в новостных статьях обнаружены их системные связи, которые позволили сконструировать центрическую модель, состоящую из референтного и нереферентных субъектов.

Комплексное исследование субъектных компонентов конструкций деавторизации в публицистических и научных текстах на английском и белорусском языках проводилось в современном языкознании на уровне высказывания [1]. Переход от исследования деавторизации на уровне высказывания в текстовую плоскость был подготовлен рядом лингвистических исследований последних лет ([2; 3; 4] и др.). К примеру, текстостроительную функцию деавторизации отмечает С. В. Гричин: «неавторизованные высказывания, представляющие собой конститутивные части текста, чередуясь, генерируют новые смыслы, импликации, обуславливая тем самым дальнейшее развитие текста» [5, л. 149]. Одним из недавних

исследований, в котором упоминается «языковой механизм *деавторизации текста*», является диссертационное исследование Ю. Н. Драчевой на материале научно-популярных статей. Под языковым механизмом деавторизации текста автор понимает «внесение в текст установки на неопределенное авторство» и отмечает, что при освещении научных проблем в массмедиа «наблюдается тенденция нивелировать имена исследователей, ученых» и представлять их в весьма обобщенном виде, поскольку «медиаобраз тяготеет к ономастической концептуализации, отвечающей квазиэнциклопедичности подачи информации» и «стремлению к внешней достоверности информации», что и «требует сохранения некоторых семантических компонентов (например, указания на ученых без приведения фамилий конкретных исследователей и их трудов)» [6, л. 225–226].

Наблюдения за функционированием деавторизованных высказываний в пространстве целого текста позволяют зафиксировать не только их роль в развитии повествования, вычленив разные выполняемые ими прагматические функции и установить отличительные референциальные характеристики субъектов, но и обнаружить, что субъекты в конструкциях деавторизации зачастую расположены не хаотично, а образуют системные связи. Так, согласно нашим наблюдениям, в отношении англо- и белорусскоязычных текстов информационного жанра (новостные статьи) как в англо-, так и в белорусскоязычной медиакультурах используется одна из наиболее распространенных субъектных моделей текстовой деавторизации – **центрическая**.

Строение центрической субъектной модели текстовой деавторизации сначала покажем на примере англоязычной статьи «Starmer sells himself on stability – but does that benefit the country, or just business and elites?» ‘Стармер торгуется стабильностью – но приносит ли это пользу стране или только бизнесу и элитам?’ (здесь и далее перевод наш. – И. Б.) (The Guardian, 13 October 2023). Центрическая субъектная модель представляет собой системно-структурированное образование, включающее центральный компонент как связующий элемент модели, состоящей из конструкций авторизации, и несколько относительно самостоятельных компонентов, обеспечивающих раскрытие разных граней центрального компонента, включающих конструкции деавторизации, которые на схеме расположены по периметру.

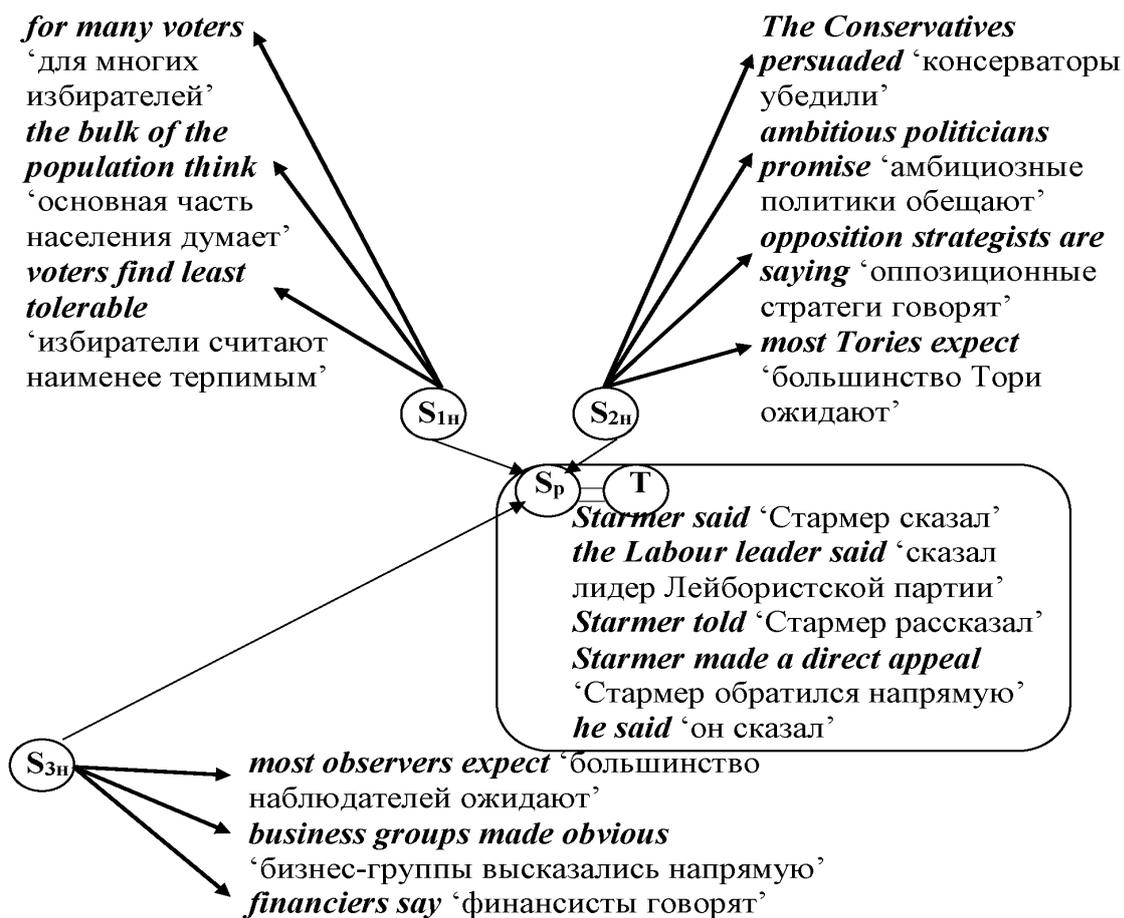

Рис 1. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Как показано на рис. 1, центральный компонент рассматриваемой модели представлен конструкциями с референтным субъектом – лидером Лейбористской партии, вокруг которого сгруппированы периферийные компоненты модели, которые включают нереферентные субъекты, принадлежащие к одной из следующих групп лиц, обнаруженных в статье: избиратели, бизнесмены, политические противники. Высказывания референтного субъекта как центрального компонента модели, обеспечивающие общую тематику обсуждений и представляющие новостной повод, влекут за собой вербальные реакции представителей периферийной области. Характер таких реакций в отношении высказанного референтным субъектом варьируется: от критических замечаний со стороны представителей политических противников, до поддержки со стороны избирателей или высказанных ожиданий со стороны бизнес-кругов. Доминантный прагматический вектор анализируемой статьи направлен на разностороннюю характеристику высказываний субъекта новостного повода с привлечением мнений разных сторон. С формально-грамматических позиций

модель демонструє наявність різних конструкцій деавторизації: предложно-падежних і глагольно-именних, в яких в якості суб'єктного компонента переважно використовуються повні референціальні вираження, кодуючі джерела інформації іменними в обобщено-збиральному значенні автономно або в поєднанні з визначниками (*many, most, bulk*). Отже, будова центральної суб'єктної моделі текстової деавторизації характеризується наступними ознаками: 1) гетерогенною природою референціальних характеристик: центральний компонент інкорпорує референтний суб'єкт, а відносно самостійні периферійні компоненти інкорпорують нереферентні суб'єкти; 2) неоднорідністю реалізуваних конструкцій деавторизації прагматических завдань (критика, підтримка, прогнозування) в межах єдиної інтенціональності; 3) тематическою общністю утверджень суб'єктних груп, об'єднаних навколо утверджень центрального суб'єктного компонента; 4) варіативністю структурної організації і змістово-смысловим наповненістю конструкцій.

Сопоставлення будови центральної суб'єктної моделі текстової деавторизації в білоруськомовній медіакulturі з розглянутою вище англійськомовною дозволяє виявити як схожі, так і відмінні риси, які ми проілюструємо на прикладі статті «Брудні Гарі. Чим шакіравалі скандальні мемуари британського принца» (Звезда, 15.01.2023).

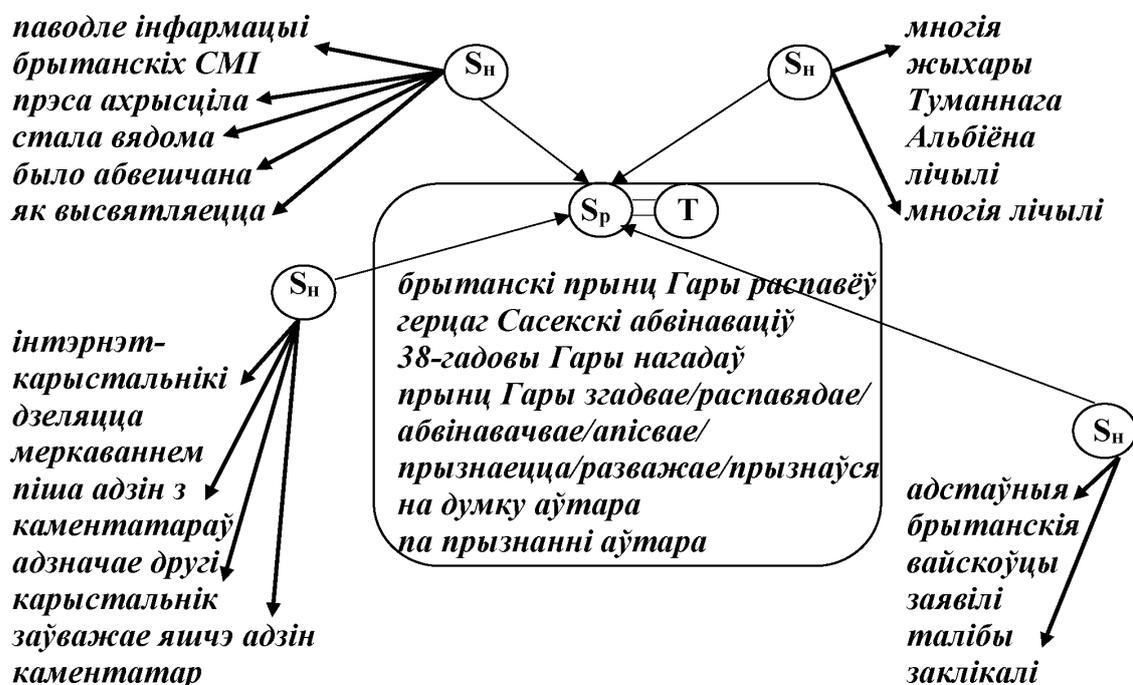

Рис 2. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Как показано на рис. 2, конструкции деавторизации, расположенные в разных частях статьи, служат основой для четырех относительно самостоятельных компонентов, сгруппированных по критерию семантической близости и нереферентности субъекта в конструкциях деавторизации. В составе глагольно-именных или предложно-падежных конструкций деавторизации субъекты кодируются полными именными группами, а в бессубъектных конструкциях деавторизации субъекты соотносятся с «третьеличным нулем» (термин Е. В. Падучевой, под которым понимается «подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект) 3-го лица, который относится к разряду субстантивных нулевых знаков» [7, с. 28]). Количество компонентов модели соответствует числу представленных в статье маркированных вербальных реакций нереферентных субъектов (представителей разных групп общества, а именно: прессы, жителей Великобритании, интернет-пользователей и участников военного конфликта в Афганистане) на высказывания референтного субъекта (британского принца Гарри). Отобранные вербальные реакции из всего многообразия существующих альтернатив и дальнейшая экспликация мыслительной операции выбора журналиста-автора в данной субъектной модели имеет последовательное текстовое воплощение и отражается в смене субъектных компонентов в конструкциях деавторизации. Последовательно презентованные в тексте вербальные реакции обобщенных или неопределенных субъектов представляют собой критические замечания и комментарии в отношении высказанного конкретным субъектом, что позволяет выделить общий прагматический вектор пропозиций, подаваемых от имени нереферентных субъектов. Очевидно, что строение центрической субъектной модели текстовой деавторизации отличается дискретностью и производится по принципу противопоставления центрального компонента, инкорпорирующего референтный субъект, с одной стороны, и относительно самостоятельных компонентов, инкорпорирующих нереферентные субъекты, с другой (S_p vs S_n). Отметим, что в анализируемой статье центрическая субъектная модель не сопровождается эксплицитной оценкой журналиста в отношении вербальных реакций обобщенных или неопределенных субъектов, однако на уровне отбора комментариев может трактоваться как имплицитно критическая на основании того, что в тексте статьи не представлены мнения тех, кто поддерживает британского принца. В таком случае конструкции деавторизации выступают в качестве метатекстовых показателей, отражающих в статье динамику авторского замысла – осветить разностороннюю критику на новостной повод. Эксплицитная

авторская солидаризация или несогласие возможны в медиатекстах, когда журналист из всех представленных альтернатив акцентирует собственную позицию при помощи языкового средства, например, оценочного прилагательного или наречия. В любом случае экспликация обобщенных точек зрения и их маркирование посредством конструкций деавторизации может сопровождаться или не сопровождаться авторской солидаризацией или критикой транслируемых альтернатив. В результате сравнения строения центрической субъектной модели текстовой деавторизации в двух медиакультурах общими оказываются следующие признаки: а) гетерогенность референциальных характеристик центрального и периферийного субъектных компонентов; б) тематическая общность утверждений субъектных групп как реакций на новостной повод. Различия фиксируются в 1) прагматическом векторе: в англоязычной новостной статье представлена разносторонняя характеристика, а в белорусскоязычной статье односторонняя; 2) большей вариативности структурной организации и содержательно-смысловой наполненности конструкций деавторизации: в белорусскоязычной статье дополнительно используются бессубъектные конструкции и нереферентные неопределенные субъекты.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что субъектная референция является основой построения центрической субъектной модели текстовой деавторизации, которая характеризуется определенной комбинацией структурно-семантических и референциально-прагматических признаков. В англо- и белорусскоязычных медиатекстах смена субъектных компонентов конструкций авторизации и деавторизации, объединенных тематически и структурированных в соответствии с авторской интенцией в текстовой плоскости, является результатом рефлексии журналиста-автора в отношении фрагмента действительности (высказываний референтного субъекта как предмета новостного повода) и маркирует границы сообщаемой нереферентными субъектами информации. Центрическая субъектная модель отличается гибридностью референциальных характеристик субъектов (референтный центральный компонент против нереферентных периферийных компонентов) и комплексностью прагматических функций конструкций деавторизации при едином доминантном прагматическом векторе. Для реализации доминантного прагматического вектора в англоязычном медиатексте используется разносторонняя характеристика центрального компонента модели и гомогенный характер языковых средств кодирования нереферентных субъектов посредством обобщенных номинаций, в то время как для белорусскоязычного медиатекста свойственно

одностороннее освещение вербальных реакций на речевые действия центрального компонента модели и гетерогенность в отношении языковых средств кодирования периферийных субъектных компонентов посредством обобщенных, неопределенных номинаций и третьеличных нулей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басовец, И. М.* Деавторизация высказывания в публицистических и научных текстах на материале английского и белорусского языков : монография / И.М. Басовец. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Acad. Publ., 2014. – 176 с.
2. *Кормилицына, М. А.* Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – М., 2007. – Вып. 9. – С. 243–249.
3. *Копытов, О. Н.* О тексте современных СМИ: взгляд со стороны модуса / О. Н. Копытов // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 1 (27) – С. 16–27.
4. *Курьянович, А. В.* Правовые риски и тактики ухода от них в условиях сетевой вербальной интеракции (на материале эпистолярных электронно-медийных текстов) / А. В. Курьянович // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2016. – Вып. 11 (176). – С. 9–16.
5. *Гричин, С. В.* Авторизационная модель научного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. В. Гричин. – Томск, 2017. – 347 л.
6. *Драчева, Ю. Н.* Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Драчева. – Вологда, 2019. – 575 л.
7. *Падучева, Е. В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2012. – С. 27–41.

Поступила в редакцию 23.11.2023

Бекреева Юлия Викторовна

кандидат филологических наук,
докторант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Bekreyeva

PhD in Philology, Post-PhD Researcher
of the Department of Speech
and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bekreyeva@mail.ru

**ИНФЕРЕНЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА
В МИНИМАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ
С ГЛАГОЛОМ-ПРЕДИКАТОМ**

**INFERENCE OF A PERSON'S CHARACTERISTICS
IN A MINIMAL SYNTACTIC CONSTRUCTION
WITH A VERB-PREDICATE**

Статья посвящена проблеме выводного знания о человеке, которое хранится в семантике глагола и актуализируется при его употреблении в речи в функции предиката. Новизна исследования состоит в эмпирическом обосновании способности глагола транслировать информацию о свойствах человека как участника обозначаемого события. Автор представляет результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление имплицитного знания о характеристиках человека, выводимого с разной долей вероятности из семантики глаголов социальных действий и отношений. Установлены степень импликации определенных характеристик человека в семантике исследуемых глаголов, интегральные смысловые опоры, задействованные испытуемыми при инференции характеристик субъекта действия, и используемые ими стратегии выводного знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инференция; глагол; характеристика человека; психолингвистический эксперимент; стимул; реакция; импликационал.

The article is devoted to the problem of inferential knowledge about a person, which is stored in the semantics of a verb and is actualized when it is used in speech as a predicate. The author presents the results of a psycholinguistic experiment aimed at identifying implicit knowledge about a person's characteristics, which is inferred with varying degrees of probability from the semantics of verbs of social actions and relations.

Key words: inference; verb; characteristics of a person; psycholinguistic experiment; stimulus; reaction; implicational.

Цель статьи – раскрыть особенности актуализации имплицитного знания о человеке при восприятии глагола-предиката со значением социального действия или отношения. Актуальность поставленной цели определяется поиском новых, научно обоснованных фактов проявления

антропоцентризма в языковых структурах. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «именно человек как познающий и как говорящий на определенном языке субъект формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде <...> и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации» [1, с. 13]. Глаголы социальных действий и отношений именуют фрагменты жизни социума и человека как социального существа, поэтому представление о человеке является естественной точкой отсчета в семантике таких единиц [2, с. 296]. Вместе с тем ввиду частеречной специфики глагольного значения (обозначение процесса, действия, события, положения дел [3, с. 234]) признаки, отражающие представление о человеке, следует рассматривать как периферийные компоненты, «индуцируемые интенционалом значения в силу импликационных связей признаков» [4, с. 164]. Таким образом, глагол социальных действий и отношений как носитель имплицитной информации о человеке «вплетается в систему живого знания и теряет статическую связь с референтом, взамен приобретая возможность динамической трансформации с учетом выводимых смыслов» [5, с. 250].

Процесс выведения информации, имплицитно представленной в значении языковых единиц, определяется как инференция [3, с. 411; 5, с. 250]. О. В. Голубева обращает внимание на эвиденциальный характер инференции: смысловое переживание значения при восприятии языковой единицы, помещенной в контекст, базируется на выводимых «свидетельствах» прежнего опыта реципиента, интегрирующих языковые и энциклопедические знания [6, с. 6]. Человек конструирует понимание о характере другого через наблюдение за действиями в пространстве и времени. Атрибуция характеристики субъекта действия представляет собой инференцию причинно-следственных связей, в результате которой наблюдаемые действия соотносятся с гипотетическими мотивами, способностями и возможностями субъекта действия [7, р. 21–22].

Словесное описание деятельности замещает непосредственное наблюдение за поведением человека и служит особым способом концептуализации, который заключается в познании личности человека, о действиях которого говорится на основе восприятия и интерпретации языковых знаков (глаголов), избранных автором высказывания для передачи мысли. Реципиент высказывания (читатель или слушатель) производит инференцию имплицитной информации, опираясь на собственные знания о значении, системных лексических связях, сочетаемости глаголов; на память о контекстах употребления глаголов из прочтенного, услышанного ранее; на «опыт жизни», связанный с наблюдением за людьми или собственным

участием в определенных ситуациях и освоенный словесно (внутренняя речь как интериоризация опыта или внешняя речь как коммуникация с другими).

Представленные тезисы послужили теоретической основой для психолингвистического эксперимента, направленного на выявление имплицитного знания о характеристиках человека, выводимого с разной долей вероятности из семантики глаголов социальных действий и отношений. В ходе психолингвистического эксперимента заданный стимул в форме вербального описания социального действия или отношения активизирует ассоциативно-смысловые связи у реципиентов (участников эксперимента), которые в соответствии с заданием производят вербальную реакцию – результат инференции.

Эксперимент проводился на материале белорусского языка в дистанционном формате на платформе psytoolkit.org [8]. В качестве стимула избрана синтаксическая конструкция, которая выступает минимальным контекстуальным условием для актуализации лексико-семантического варианта «социальное действие / отношение». Такая конструкция предполагает помещение глагола-предиката в двучленную актантную рамку, в которой позиции субъекта и объекта занимают номинации человека. Категория «Человек» является «длинным семантическим компонентом» для стимула, обеспечивающим семантическую согласованность всех его структурных частей [9, с. 257–258] и направляющим процесс инференции на отмеченную в задании «характеристику человека».

Ключевым в конструкции, ее семантическим центром, является глагол-предикат, поскольку актанты выражены максимально обобщенными и неопределенными словами (*чалавек, іншыя*), например, *Чалавек **шкадуе** іншых*.

Первое задание эксперимента было направлено на проверку инференции «посылка – вывод» и предполагало оценку смысловой связанности двух предложений: описания действия (основная стимульная конструкция) и описание характеристики человека. Последнее предложение завершалось вопросительным знаком для стимулирования оценки респондентов, например: *Чалавек ахвяруе іншым. Ён шчодры?* Респонденты отмечали «да», если считали, что описание верное, и «нет», если были не согласны с этим описанием. Время ответа было ограничено 7 секундами. Эксплицитные характеристики, выраженные прилагательными, были подобраны автором эксперимента как гипотетически вероятные или маловероятные признаки предполагаемого субъекта действия или отношения, обозначенного глаголом.

Второе задание было организовано как направленный ассоциативный эксперимент. Респондентам дали установку «назвать первую характеристику, которая пришла на ум» в ответ на стимул, представляющий собой неоконченное предложение. Для направления ассоциирования на интересующий нас признак (характеристика человека) в конструкцию стимула введен союз *які*, например, *Чалавек, які даглядае іншага...* Время ответа было ограничено 30 секундами.

В эксперименте приняли участие 100 человек в возрасте от 19 до 65 лет. В анкетных данных на вопрос «На якім узроўні вы валодаеце беларускай мовай?» 47 % респондентов ответили, что свободно владеют языком в повседневной и профессиональной жизни, из них 9 % указали, что они носители языка и разговаривают по-белорусски с детства; 40 % описали языковую компетенцию как «магу размаўляць дастаткова добра, чытаю і разумею»; 13 % отметили пассивное владение, умение читать и понимать по-белорусски. Дальнейший анализ показал, что отсутствие ответа на некоторые стимулы встречалось как у первой группы респондентов (носители языка), так и у последней группы (пассивное владение). Трое респондентов отказались отвечать после первых нескольких стимулов, их данные были исключены из дальнейшей обработки результатов. В целом все респонденты выполнили более 70 % заданий. Среднее время реакции в первом задании составило 5,5 секунды, во втором задании – 12 секунд.

Данные первого задания эксперимента показывают, что респонденты достаточно быстро оценивают смысловую связанность действия и характеристики его исполнителя. Частота определенных реакций (положительных и отрицательных) указывает на вероятность проявления отмеченной характеристики у исполнителя действия, знание о которой хранится в языковом сознании носителей.

Представим результаты первого задания эксперимента в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Регулярность реакций на стимульные фразы эксперимента

Глагол	Характеристика	Положительный ответ	Отрицательный ответ
<i>прапаноўвае</i>	<i>ініцыятыўны</i>	96 %	4 %
<i>абараняе</i>	<i>смелы</i>	93 %	7 %
<i>ахвяруе</i>	<i>шчодры</i>	89 %	11 %
<i>папярэджвае</i>	<i>клапатлівы</i>	88 %	12 %

<i>клапоціцца</i>	<i>добры</i>	83 %	17 %
<i>ваюе</i>	<i>агрэсіўны</i>	75 %	25 %
<i>змагаецца</i>	<i>дужы</i>	70 %	30 %
<i>кіруе</i>	<i>уладны</i>	70 %	30 %
<i>аддае</i>	<i>шчыры</i>	66 %	34 %
<i>вучыць</i>	<i>адукаваны</i>	57 %	43 %
<i>спрачаецца</i>	<i>агрэсіўны</i>	56 %	44 %
<i>прыстасоўваецца</i>	<i>памяркоўны</i>	55 %	45 %
<i>ратуе</i>	<i>слабы</i>	0 %	100 %
<i>ашуквае</i>	<i>сумленны</i>	0 %	100 %
<i>губіць</i>	<i>добры</i>	0 %	100 %

В табл. 1 указаны пары стимулов с высоким процентом положительных ответов (свыше 80 %): *прапаноўвае* – *ініцыятыўны*, *абараняе* – *смелы*, *ахвяруе* – *шчодры*, *папярэджвае* – *клапатлівы*, *клапоціцца* – *добры*. В контексте стохастической модели значения М. В. Никитина [4] характеристики, имеющие большую долю вероятности, можно рассматривать как признаки сильного импликационала для стимульного глагола.

К слабоимпликациональным признакам относятся характеристики с частотой положительных ответов в диапазоне от 79 до 50 %: вероятность их актуализации в обозначенной ситуации действия в равной степени возможна и проблематична (*ваюе* – *агрэсіўны*, *змагаецца* – *дужы*, *кіруе* – *уладны*, *аддае* – *шчыры*, *вучыць* – *адукаваны*, *прыстасоўваецца* – *памяркоўны*). Полагаем, что нужен более широкий контекст, чем предложенная в эксперименте стимульная конструкция. Эксперимент с другой фокус-группой респондентов, увеличение числа респондентов или данные других экспериментов, направленных на выявление имплицативных особенностей глагола, позволят уточнить тип импликации определенной характеристики и смоделировать информационный потенциал глагола.

Большой процент отрицательных ответов указывает на возможность моделирования неимпликационала для стимульного глагола, признаки которого выступают как определенного рода семантические ограничители на роль типичного или «приемлемого» субъекта действия. Три пары стимулов *ратуе* – *слабы*, *ашуквае* – *сумленны* и *губіць* – *добры* получили 100 % отрицательных ответов, что свидетельствует о наличии отмеченных характеристик в составе неимпликационала в значении соответствующих глаголов.

Результаты второго задания психолингвистического эксперимента представляют собой вербально выраженные инференции респондентов. Наиболее частотные ответы, как и в первом задании, указывают на наличие сильной импликации определенной характеристики субъекта обозначенного действия. Реакции первого ранга по частотности необходимо соотнести с общим объемом ассоциативных реакций в поле стимула. Данные о реакциях первого ранга представлены в табл. 2.

Таблица 2

Частотные реакции на стимульные глаголы

Глагол	Характеристика	Процент реакции к общему количеству ответов
<i>слухає</i>	<i>уважливі</i>	68 %
<i>дзякує</i>	<i>удзячны</i>	55 %
<i>вітає</i>	<i>ветлівы</i>	53 %
<i>рупіцца</i>	<i>клапатлівы</i>	49 %
<i>абараняе</i>	<i>абаронца</i>	41 %
<i>камандує</i>	<i>камандзір</i>	38 %
<i>дапамагає</i>	<i>добры</i>	29 %
<i>крыўдзіць</i>	<i>злы</i>	29 %
<i>аберагає</i>	<i>клапатлівы</i>	22 %
<i>вызваляе</i>	<i>вызваліцель</i>	21 %
<i>падкупляе</i>	<i>хабарнік</i>	20 %
<i>дурыць</i>	<i>хітры</i>	16 %
<i>прымушае</i>	<i>агрэсіўны</i>	14 %
<i>падтрымлівае</i>	<i>добразычлівы</i>	13 %
<i>забараняе</i>	<i>аўтарытарны, аўтарытэтны</i>	7 %

Высокая доля реакции свидетельствует о наличии устойчивой ассоциации (стереотипа) в языковом сознании носителей, поддерживаемой системной связью единиц языка [10, с. 4–6]. Такой системной связью выступают словообразовательные отношения (например, *дзякаваць* – *удзячны*, *вітаць* – *ветлівы*) или тематические отношения. В последнем случае можно предполагать закрепление устойчивых тематических ассоциаций системными синтагматическими или парадигматическими связями, представленными в лексиконе для однокоренных слов: *слухаць уважліва* – *уважливы*; *рупіцца* – *клапатлівы*, синоним *руплівы*.

При меньшей доле самой частотной реакции в поле стимула представлена широкая периферия редких (2–4 ответа) и единичных реакций. Например, в поле стимула *Чалавек, які забараняе іншым* представлено 27 различных реакций. Помимо двух ядерных реакций, которые имеют одинаковый процент частоты (по 7 % каждая), некоторые единичные реакции можно объединить в семантические группы на основе общности смысла, например, номинации человека по статусу с общим семантическим признаком ‘главный, имеющий власть’ *дыктатар, камандзёр, тыран / тэран, дарослы, бацька, дэспат*. К данной группе примыкают номинации органов власти: *улада, урад*; прилагательные, обозначающие характеристики, связанные с властью и статусом человека: *галоўны, уладарны, уладны, дэспатычны*; объяснительная конструкция *мае ўладу*. Семантическое объединение реакций позволяет выделить интегративную смысловую опору инференции [6, с. 3]: признак ‘власть’ в импликационале значения глагола *забараняць*. Данный семантический признак отражает атрибут, присущий человеку.

Еще одна группа реакций объединяется на основе общего семантического признака ‘злость’, отражающего негативное отношение к другим людям: прилагательные *злы, злосны, агрэсіўны, жорсткі, сярдзіты*. Негативное отношение к другим определяют и такие реакции как *вораг, пачвара, гадкі*. Здесь, однако, скорее, проявляется субъективность инференциального вывода как реализация стратегии «мое отношение к субъекту действия». Положительных характеристик в поле анализируемого стимула немного: прилагательные *строгі, уважлівы* и глагол *любіць*.

Приведем еще один пример актуализации интегральной смысловой опоры при инференции характеристик человека. В поле стимула *Чалавек, які падтрымлівае іншых* самая многочисленная группа реакций объединяется по признаку ‘доброта’: *добры, добразычлівы / дабразычлівы, добра-сардэчны, міласэрны, сардэчны, шчыры, гуманны, чалавечны*. Вторая по количеству членов группа объединяет номинации человека по признаку ‘близость межличностных отношений’: *сябар / сябра / сябр, пабрацім, таварыскі, таварыш*. К данной группе примыкает и реакция *сяброўства*, обозначающая форму межличностного отношения. Аналогичные группы реакций можно выделить в поле стимула с предикатом *дапамагае* по общим признакам ‘доброта’, ‘участие’: *добры, клапацлівы, шчыры, добразычлівы, зычлівы, салідарны, эмпат, альтруіст*. Отдельные респонденты указали наименования профессии *урач, псіхолаг*, занятия *валанцёр*,

мецэнат и термин родства *маці*. Указанные реакции также можно рассматривать как актуализаторы признаков 'доброта', 'участие', которые являются частью стереотипных представлений о данных категориях людей.

Выявленная общность разных реакций по определенному семантическому признаку указывает на актуализацию ассоциативно-вербальной сети ментального лексикона у респондентов от единого концептуального содержания к разным способам его вербального выражения в результате инференции. Следует также отметить значимость стратегии словотворчества, которая была реализована в каждом задании и для каждого стимула. Респонденты опирались на знание словообразовательных моделей языка при инферировании характеристики человека, например, *дапамагае – памагаты, дапаможнік, дапамагаты, памочнік*. Существующие в языке однокоренные номинации характеристики или типа личности, как правило, являются частотными реакциями, но обнаружены и единичные номинации, которые образованы по моделям словообразования для решения коммуникативной задачи «здесь и сейчас» (например, *падтрымлівае – падтрымоўца, падтрымальнік, падтрымны*).

Анализ всех полученных реакций подтверждает, что респонденты в процессе инференции характеристики человека из семантики глаголов социальных действий и отношений, помещенных в минимальную конструкцию (семантически ненасыщенный контекст), активируют опоры на лингвистические знания. К ним можно отнести парадигматические и тематические связи слов, поддерживаемые общностью семантических признаков; словообразовательные связи и синтагматические связи (для дополнения неоконченных предложений, для определения смысловой связанности двух предложений). Инференция характеристик человека при восприятии глаголов социальных действий и отношений в минимальном контексте также опирается на экстралингвистические знания общественно одобряемых и неодобряемых действий, норм поведения, на индивидуальный опыт социального взаимодействия, на основе которого выводится и вербально выражается субъективная оценка человека.

Как показал эксперимент, минимальная предикатная конструкция, в которой актанты имеют обобщенное значение, коммуникативно недостаточна для однозначного семантического вывода характеристики действующего лица (агенса). Читатели при оценке смысловой связанности действия и заданной характеристики могут обращаться к разным концептуальным моделям ситуации, «достраивая» условия и обстоятельства действия. Конкретизация контекста действия (например, введение объекта и /или обстоятельств действия, описание серии действий) позволит снять неоднозначность значения предиката и направить инферирование характеристики

по заданной концептуальной модели ситуации, однако и в этом случае результат инференции имеет вероятностную природу. Таким образом, перспективой исследования является проведение психолингвистических экспериментов на материале развернутых синтаксических конструкций и текстов, описывающих действия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н. Н.* Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н. Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. / Тамб. гос. ун-т, Всерос. обществ. орг. «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» ; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2008. – С. 11–29.
2. *Апресян, Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. / Всерос. ин-т науч. и техн. информ. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 272–298.
3. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.
4. *Никитин, М. В.* Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
5. *Суворова, Е. В.* Инференция: принцип антропоцентризма при восприятии нарративного дискурса / Е. В. Суворова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2019. – Вып. 12, № 5. – С. 249–252.
6. *Голубева, О. В.* Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. В. Голубева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2016. – 47 с.
7. *Heider, F.* The Psychology of interpersonal relations / F. Heider. – Hillsday : Lawrence Erlbaum Associates, 1982. – 322 p.
8. *Stoet, G.* PsyToolkit: A novel web-based method for running online questionnaires and reaction-time experiments / G. Stoet // Teaching of Psychology. – 2017. – № 44 (1). – P. 24–31.
9. *Степанов, Ю. С.* Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М.: URSS, 2021. – 360 с.
10. *Клименко, А. П.* Проблемы лексической системности в психолингвистическом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. П. Клименко ; МГПИИЯ. – Минск, 1980. – 41 с.

Поступила в редакцию 10.10.2023

Коленда Елена Викторовна

преподаватель кафедры фонетики
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Kolenda

Lecturer of the Department
of English Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lenakolenda@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-МИФОНИМОМ**
(на материале русского, белорусского и английского языков)

**PECULIARITIES OF SEMANTICS AND SYSTEM ORGANIZATION
OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A MYTHONIM COMPONENT**
(Based on the Material of Russian, Belarusian and English Languages)

В рамках предпринятого сопоставительного исследования фразеологических единиц с компонентом-мифонимом восточнославянской и кельтской мифологии были выявлены характеристики ключевого компонента-мифонима в их составе. Установлены семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-мифонимом восточнославянской и кельтской мифологии и определены отношения неполной эквивалентности и безэквивалентности исследуемых фразеологических единиц.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеология; мифоним; восточнославянская мифология; кельтская мифология.

The article is devoted to the comparative study of phraseological units with a mythonym component of East Slavic and Celtic mythology. In this study, the characteristics of the key mythonym component of the phraseological units of East Slavic and Celtic mythology were identified. The semantic features of the phraseological units with a mythonym component of East Slavic and Celtic mythology and the relations of incomplete equivalence and non-equivalence of the phraseological units are revealed and relations of incomplete equivalence and non-equivalence of fixing phraseological units are identified. The semantic features of phraseological units with a mythonym component of East Slavic and Celtic mythology are revealed.

K e y w o r d s: phraseology; mythonym; East Slavic mythology; Celtic mythology.

Актуальность исследования мифологической составляющей в национальной языковой картине мира, наименований мифологических реалий в сопоставительном аспекте с учетом взаимодействия языков и культур

определяется тем, что в современной лингвистике актуализируются подходы изучения языковых явлений во взаимосвязи с мышлением, национальной культурой, ценностями прежних эпох.

В национальных языках фразеологизмы возникают на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, безусловно связанный с его культурными традициями, так как субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры [1, с. 214]. Фразеологизмы составляют особую часть номинативного пространства языка и служат источником его обогащения недостающими в нем оценочно-экспрессивными средствами. Помимо этого, они помогают заполнить лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком сторон действительности. При этом главное в них то, каким образом они выполняют то или иное номинативное предназначение. Образы, которые закреплены во фразеологическом составе языка, являются отражением мировидения народа, связаны с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности [1, с. 215].

Если языковая единица может выполнять функцию носителя культурной информации, то должна быть категория, которая соотносит язык и культуру как семиотические системы и позволяет описать их взаимодействие. Как отмечает В. Н. Телия, такой категорией выступает *культурная коннотация* – интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры [1, с. 214]. Для фразеологических единиц, как знаков вторичной номинации, характерной чертой является образно-ситуативная мотивированность, напрямую связанная с мировидением народа – носителя языка.

Первой попыткой человека познать и упорядочить окружающий мир стала мифологическая картина мира, сконструированная из мифологических компонентов, которые номинируются при помощи особого класса языковых единиц. В научных трудах для обозначения языковых единиц, используемых для вербализации компонентов мифологической картины мира, встречаются такие термины, как *мифологема*, *мифема* и *мифоним*.

Профессор В. А. Маслова характеризует мифологема как инвариантные комплексы представлений, связанных с определенным сценарием, причем многие из них ориентированы на ведущих персонажей и на ситуации, которые переходят из мифа в миф. Отражая и формируя мир в сознании людей, мифологема дают возможность охарактеризовать

многие типичные, исторически сложившиеся черты национального образа мышления и особенностей национальной культуры. «Мифологема – это то, что забыто человеком, но сохранено в сокровенных глубинах слова и сознания» [2, с. 67].

Мифологическая составляющая, отраженная в языке, рассматривается А. А. Романовской как «символ – особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего. Означающее символа – наименование мифологической реалии. Означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа (выявленный смысл не содержит прямого указания на денотат). Античный символ – конденсационный по содержанию архаический знак, так как в нем осуществляется единение и аккумуляция человеческого опыта, представлений о мире; это диспонибельный знак, всегда готовый к употреблению. Мотивированность, образность, конденсационность содержания, диспонибельность, аксиологичность являются основаниями для становления античного символа как особого языкового знака» [3, л. 73].

Мифологическое значение символа представляет собой ментальную структуру, состоящую из определенным образом связанных смысловых элементов, которые актуализируются в тексте как «семантическое сообщение» и отражают функции и качества актантов, закрепленные в мифемах – синтаксических единицах уровня предложения, которые структурируются словами с двойным значением (мифологическими тропами) [3, л. 89–90].

В нашем исследовании в качестве единиц вербализации ключевых понятий мифологической картины мира выступают мифонимы. Они являются составляющими ономастического пространства, созданного наподобие реальной его части, куда входят именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т. п., в действительности никогда не существовавших [4, с. 180]. Мифонимы обладают яркой национально-культурной спецификой, поскольку их семантика связана с историей и культурой конкретного народа и отражает его мифологические представления.

Для проведения сопоставительного анализа русских, белорусских и английских фразеологических единиц с ключевым компонентом-мифонимом из фразеологических словарей русского, белорусского и английского языков, а также онлайн-словарей английского языка [5; 6; 7; 8; 9;

10; 11; 12; 13] методом сплошной выборки были отобраны фразеологические единицы, относящиеся к восточнославянской мифологии (в русском и белорусском языках) и фразеологические единицы с компонентом-мифонимом, относящиеся к кельтской мифологии (в английском языке).

Ключевыми компонентами-мифонимами фразеологических единиц в русском и белорусском языках являются *Баба-яга, Див, Кадук, Карачун, Кикимора, Кощей, Лада, Леший, Лихо, Перун, Халера, Черт*. При характеристике данных ключевых компонентов-мифонимов в составе фразеологических единиц были выявлены следующие особенности: самыми частотными компонентами-мифонимами оказались *Черт (51)* и *Халера (15)*, наименее частотными – *Баба-яга (1), Карачун (1), Кощей (1), Лада (1), Див (2), Кикимора (2)*.

Ключевыми компонентами-мифонимами фразеологических единиц в английском языке являются *banshee, bogey, Black Dog, brownie, cauldron, fairy, hobgoblin, pixie, witch*. При их анализе в составе фразеологических единиц в английском языке были выявлены самые частотные компоненты: *fairy (4), witch (3)*. Другие компоненты-мифонимы, относящиеся к кельтской мифологии, в английском языке являются малочисленными. На основании характеристик данных компонентов можно сделать вывод, что восточнославянские мифонимы *Черт* и *Халера* в русском и белорусском языках и кельтские мифонимы *fairy* и *witch* в английском языке имеют большую репрезентацию в составе устойчивых сочетаний, что отражает национально-специфическое мировидение трех этносов, указывает на различия в языковых картинах мира.

При сопоставлении английских, русских и белорусских фразеологических единиц с ключевым компонентом-мифонимом, относящихся к кельтской и восточнославянской мифологии, установлены следующие особенности семантического и общеязыкового характера.

В английском, русском, белорусском языках фразеологизмы, которые являются полными эквивалентами и могут считаться интернациональными, не выявлены. К частично эквивалентным фразеологическим единицам в английском языке относятся 11 устойчивых сочетаний: *airy-fairy, be away with the fairies, black dog, bog down, cauldron of intense emotions (a cauldron of violence/ a cauldron of repressed anger), earn/get brownie points, fairy dust, fairy godmother, play/raise hob, wail/howl/scream like a banshee, witches' brew, witch hunt* (табл. 1).

Таблица 1

Частично эквивалентные английские фразеологические единицы с компонентом-мифонимом, относящиеся к кельтской мифологии [8; 9; 10; 11]

№ п/п	Фразеологическая единица	Значение фразеологической единицы в английском языке	Значение фразеологической единицы в русском языке	Перевод	Русский эквивалент
1	Airy-fairy	Not practical or not useful in real situations	Непрактичный или бесполезный в реальных ситуациях	Воздушная фейри/фейя	Витающий в облаках
2	Be away with the fairies	To behave in a way that is slightly strange	Вести себя немного странно	Быть у фейри/фей	Витать в мире грез
3	Black dog	A way of referring to feelings of depression (=great sadness and lack of energy)	Находиться в состоянии депрессии (= испытывать печаль и недостаток энергии)	Черный пес	Депрессия/ тоска зеленая
4	Cauldron of intense emotions (a cauldron of violence/ a cauldron of repressed anger)	A situation characterized by instability and strong emotions	Ситуация, характеризующаяся нестабильностью и сильными эмоциями	Котел бурных эмоций	Кипящий котел
5	Earn/get brownie points	To get praise or approval for something you have done	Получить похвалу или одобрение за что-то, что вы сделали	Заработать / получить очки брауни	Заработать очки
6	Fairy dust	Used to refer to a hypothetical substance with magical properties that brings great success good luck or happiness (their whole life has been sprinkled with fairy dust)	Используется для обозначения вещества с магическими свойствами, которое приносит большой успех, удачу или счастье	Пыль фейри/фей	Волшебная пыль

7	Fairy godmother	Someone who helps you solve your problems, usually by giving you money	Тот, кто помогает вам решать проблемы, обычно давая вам деньги	Фейри/фея-крестная	Фея-крестная
8	Play/raise hob	Cause mischief	Причинить вред	Вызывать беспорядок	Поднять шум; раздуть скандал
9	Wail/howl/scream like a banshee	To make a lot of unpleasant noise by shouting or crying	Кричать, выть или визжать очень громко, пронзительно и тревожно	Кричать/выть как банши	Орать как резаный
10	Witches' brew	A mixture of dangerous or unpleasant things	Смесь опасных или неприятных вещей	Варево ведьм	Колдовское зелье
11	Witch hunt	The act of unfairly looking for and punishing people who are accused of having opinions that are believed to be dangerous or evil	Преследование людей, которых обвиняют в том, что они придерживаются взглядов, которые считаются опасными	Охота на ведьму	Охота на ведьм

В русском и белорусском языках к данной группе относятся 11 устойчивых сочетаний: *до черта, за каким лешим, леший дернул за язык, у черта на куличках [на рогах] / к черту на кулички [на рога], черт дернул за язык, черт ногу [голову] сломит, черт меня возьми/ черт бы меня брал, чертова дюжина, что за черт, на халеру, халера ясная* (табл. 2).

Таблица 2

Частично эквивалентные фразеологические единицы с компонентом-мифонимом, относящиеся к восточнославянской мифологии [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]

Фразеологические единицы с компонентом-мифонимом русской языковой картины мира			
№ п/п	Фразеологическая единица	Значение фразеологической единицы в русском / белорусском языке	Значение фразеологической единицы в английском языке
1	До черта	<i>Прост.</i> 1. Очень сильно, до крайней степени (устал, обозлен и т. п.). 2. Необыкновенно много, очень много	Be fed up. Be sick to death

2.	За каким лешим?	<i>Грубо-прост.</i> Зачем, для чего?	What / why / how / who the blazes
3	У черта на куличках [на рогах]. К черту (чертям) на кулички [на рога]	Очень далеко, в отдаленных, глухих местах (быть, жить, селиться и т. п.)	The ends of the earth. In the middle of nowhere. The back of beyond. In some godforsaken place
4	Черт ногу [голову] сломит	<i>Прост.</i> Невозможно разобраться где-либо или в чем-либо, невозможно ничего понять.	The devil's own time/job
5	Черт [бес, леший, нелегкая] дернул [меня, тебя, его, ее, нас, вас, их] за язык	<i>Прост.</i> Неизвестно зачем понадобилось мне, тебе и т. д. сказать что-либо. <i>Выражение крайнего сожаления, досады по поводу сказанного не вовремя, не к месту, не по существу</i>	What/where/who the blazes. Be a big mouth
6	Чертова дюжина	<i>Прост.</i> Тринадцать. <i>О ком-либо или о чем-либо в количестве тринадцати, числом тринадцать</i>	Baker's dozen
7	Что за черт [дьявол]!	<i>Прост.</i> Как это понять, что это значит?! <i>Выражение недоумения, неудовольствия и т. п. по поводу чего-либо</i>	What on earth
Фразеологические единицы с компонентом-мифонимом белорусской языковой картины мира			
8	На халеру	<i>Акал. Праст.</i> Навошта, для чаго. Сін.: да д'ябла (у 3 знач.); на воўка; на хваробу; на храна; на чорта; на які ляд; на які хрэн; на які чорт; на якога чорта; на якое ліха; на якую трасцу; на якую халеру; якога ліха (у 1 знач.); якога ражна (у 1 знач.); якога хрэна (у 1 знач.); якога чорта (у 1 знач.)	What/where/who the blazes
9	Халера ясная	<i>Мн. не ўжыв. Выкл. праст.</i> <i>Вокліч здзіўлення, захаплення, раздражнення і пад.</i> Сін.: авохці мне; бляха-муха; ёлкі зялёныя; ёлкі-маталкі; ёлкі-палкі; ё-маё; фу ты <нуты>; цьфу ты нячыстая сіла; цьфу ты <чорт>; чорт бы яго ўзяў; чорт вазьмі; чорт ведае што такое	For crying out loud

В английском и русском языках существуют эквивалентные лексические понятия для данных устойчивых сочетаний, но лексический фон, связанный с наличием в составе фразеологической единицы компонента-мифонима, не совпадает.

В английском языке выявлена группа фразеологических единиц с ключевыми компонентами-мифонимами, которые не имеют эквивалентов в русском и белорусском языках и являются яркими компонентами английской культуры. К ним относятся фразеологические единицы *bog down*, *hobgoblin of etiquette*, *manic pixie dream girl*, *the bogey of recession*, *the Wicked Witch of the West* (табл. 3). Они выражают следующие понятия: **характеристика женщины** (*manic pixie dream girl*, *the Wicked Witch of the West*); **источник страха и беспокойства** (*hobgoblin of etiquette*, *the bogey of recession*); **характеристика процесса** (*bog down*).

Т а б л и ц а 3

Безэквивалентные английские фразеологические единицы с компонентом-мифонимом, относящиеся к кельтской мифологии [8; 9; 10; 11]

№ п/п	Фразеологическая единица	Значение фразеологической единицы в английском языке	Значение фразеологической единицы в русском языке	Перевод
1	Bog down	To prevent somebody from making progress in an activity	Помешать кому-либо добиться успеха в деле	Увязнуть
2	Hobgoblin of etiquette	Something that causes fear or worry	Что-то, что вызывает страх или беспокойство	Хобгоблин этикета
3	Manic pixie dream girl	Quirky female character with supposedly endearing behaviour	Причудливый женский персонаж с предположительно милым поведением	Маниакальная девушка-мечта
4	The bogey of recession	Something that causes fear or worry	Что-то, что вызывает страх или беспокойство	Боги рецессии
5	The Wicked Witch of the West	A very unpleasant or cruel woman	Очень неприятная или жестокая женщина	Злая Ведьма Запада

В ходе анализа русских и белорусских фразеологических единиц с ключевыми компонентами-мифонимами были выявлены фразеологизмы, которые не имеют эквивалентов в английском языке. Они выражают

следующие понятия: **явления природы** (*перуны блещут; чорт з ведзьмай жэніца (жаніўся)*); **характеристика женщины** (*баба-яга [костьная нога]; кикимора болотная; ходит как кикимора / ходит кикиморой (кикиморою)*); **характеристика человека** (*вертеться как черт; ни богу свечка (свеча), ни черту кочерга; скуп как Кощей; стоять / стать как черт над душой; тянуться как черт за душой; черт не брат; черт не дремлет; чорт лазаты; чорт верыў; чорт з балота; чорт лысы; чорт дзяцей калыша*); **отрицательный опыт** (*знать / узнать, почем фунт лиха, хлебнуть лиха от пуза; словно леший водит; черт не дремлет; чорт загнаў (занёс) / чорт загоніць (занясе)*); **отношение к незванным гостям** (*черт [бес, леший, нелегкая] принес; черт несет; чорт гоніць (прыгнаў); каго / чэрці гоняць (прыгналі); халера нясе (прынесла)*); **вероятность** (*чорт даў; чем черт не шутит*); **положительная оценка** (*на диво*); **удивление** (*диву даваться/диву дацца*); **удивление/досада** (*чорт бы яго (яе, іх, цябе, вас) узяў (пабраў); чорт вазьмі (пабяры); кадук яго вазьмі (бяры)*); **количество** (*до чертиков; да халеры; ні халеры; ни лешего*); **негодование** (*черти полосатые; чорт не бярэ (не возьме); халера носіць; черт знает, что <такое>; кадук не бярэ (не возьме); ніякая халера не бярэ (не возьме); халера не бярэ (не возьме)*); **человеческие отношения** (*влюбиться как черт в сухую ракиту; лады у воды*); **смерть** (*дать (задать) карачун (карачуна); карачун пришел*); **прощание** (*не поминай лихом*); **негативные пожелания** (*халера на яго; кадук на яго*); **скорость** (*як з перуна*); **защита от нечистой силы** (*чур меня*); **равнодушие/безразличие** (*адзін чорт; адна халера; кадук з ім; чорт з ім; халера з ім (з табой, з ёй, з вамі, з імі; халера яго (яе, іх) бяры (забяры)*); **неизвестность** (*пярун яго (яе, іх) ведае; кадук яго (яе, іх, цябе, вас) ведае; халера яго (яе, іх, цябе, вас) ведае; чорт ведае; чорт ведама; перуны яго (яе, іх) ведаюць; адзін чорт ведае*); **злость** (*метать перуны*); **безысходность** (*дело лихо*); **несогласие** (*черта с два; черта лысого*).

Таким образом, в результате данного исследования было выявлено, что в составе фразеологических единиц русского и белорусского языков самыми частотными компонентами-мифонимами, относящимися к восточнославянской мифологии, являются *Черт* и *Халера*, в то время как для фразеологических единиц английского языка самыми частотными компонентами-мифонимами, относящимися к кельтской мифологии, являются *fairy* 'фейри' и *witch* 'ведьма'.

Компонент-мифоним в составе фразеологических единиц является маркером национальной принадлежности данных единиц, придает всему высказыванию эмоциональную окраску и семантическую выразительность.

В семантическом потенциале фразеологических единиц с ключевым компонентом-мифонимом отображается национальное своеобразие культуры. Мифонимы отражают культурные особенности этноса.

В семантической структуре фразеологических единиц с компонентом-мифонимом наибольшую важность имеют значения этих компонентов. В ходе анализа семантической составляющей фразеологических единиц с компонентом-мифонимов было установлено, что данные лексические компоненты в своем большинстве относятся к безэквивалентной лексике (88 единиц) и выполняют символическую функцию. Рассмотренные фразеологические единицы актуализируют жизненно важные для нации понятия, ситуации, опыт и тем самым указывают на особенности миропонимания русских, белорусов и британцев, а также на сферу духовной культуры нации. Этим объясняется их безэквивалентность или неполная эквивалентность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 285 с.
2. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. *Романовская, А. А.* Классические античные символы и их семантико-прагматические функции в современном художественном тексте : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Романовская. – Минск, 2015. – 337 л.
4. *Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – 2-е изд., испр. – М. : ЛКИ, 2007. – 368 с.
5. *Бирих, А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005 – 926 с.
6. Большой фразеологический словарь русского языка / В. Н. Телия [и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2006. – 784 с.
7. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008.
8. *Федоров, А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с.

9. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова [и др.] ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., испр. – М. : АСТ , 2001. – 512 с.
10. Collins Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/>. – Date of access: 15.03.2023.
11. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.macmillandictionary.com/>. – Date of access: 15.03.2023.
12. *Walter, E.* Cambridge International Dictionary of Idioms / E. Walter. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 604 p.
13. *Siefring, J.* Oxford Dictionary of Idioms / J. Siefring. – New York : Oxford Univ. Press, 2004. – 429 p.

Поступила в редакцию 09.11.2023

Сысоева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Sysoyeva

Phd in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speecheology and Communication Theory
Minsk State linguistic University
Minsk, Belarus
thecom@msslu.by

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ПЕРСОНАЛЬНОГО И КОРПОРАТИВНОГО ИМИДЖА
В БЕЛОРУССКИХ СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЯХ**

**PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF FORMING PERSONAL
AND CORPORATE IMAGE IN BELARUSIAN ONLINE PUBLICATIONS**

В статье определяется роль фразеологических единиц в процессе формирования персонального и корпоративного имиджа посредством медийных сообщений. На материале имиджевых публикаций из белорусских сетевых изданий выявляются характеристики субъекта (индивида или организации), которые выдвигаются на первый план за счет прагматического потенциала фразеологизмов, их образности, экспрессивности и эмоционально-оценочной окраски. Устанавливаются сходства и различия в функционировании фразеологических единиц в зависимости от того, посвящено сообщение формированию имиджа персоны или компании.

Ключевые слова: сетевое издание; персональный имидж; корпоративный имидж; построение имиджа; фразеологическая единица; характеризующая функция.

The article defines the role of phraseological units in the process of forming personal or corporate image through mass-media messages. Based on the material of image-building publications from Belarusian online media, the characteristics of a subject (an individual or an organization) are revealed, which are highlighted due to the pragmatic potential of phraseological units, their imagery, expressiveness and emotional-evaluative colouring. The similarities and differences in the functioning of phraseological units are established, depending on whether the message is aimed at building the image of a person or a company.

Key words: online media; personal image; corporate image; image building; phraseological unit; characterizing function.

В современной лингвистике особый интерес вызывает такой вид дискурса, как медиадискурс, который признан «неотъемлемой частью социальной жизни современного человека» [1, с. 325]. Поскольку СМИ, включая Интернет, формируют у аудитории представление об окружающей

действительности, имеющих место процессах и событиях, а также об участниках общественных отношений, одной из важных задач медийных сообщений является создание и поддержание имиджа индивидов либо организаций. Таким образом, «проблема формирования имиджа человека, фирмы, территории или государства выходит на авансцену гуманитарных исследований междисциплинарного характера» [2, с. 68].

Несмотря на то, что термин *имидж* в первую очередь ассоциируется с образом конкретного человека, имидж персоны – явление комплексное. Это некий конгломерат, состоящий из множества компонентов, которые включают внешность индивида (одежду, прическу, макияж, аксессуары), особенности его вербального и невербального поведения, социальные параметры личности (образование, профессию, статус, роли) и т.п. [Там же, с. 69]. Можно смело утверждать, что в имидже внешний образ должен гармонично сочетаться с внутренними качествами персоны. Однако имидж подчеркивает не всякие свойства субъекта. Он базируется на уникальных характеристиках, свойственных именно данному человеку [3, с. 118].

Одинаково важным является имидж организации (или корпоративный имидж), а также процесс его построения. Формирование положительного образа компании (будь то производственное предприятие или представитель индустрии услуг) особенно актуально для маркетинга, поскольку имидж организации выступает предпосылкой ее конкурентоспособности, «одним из важнейших условий обеспечения лояльности потребителей» [4, с. 16]. Складывающийся образ «влияет на принятие нашего решения по поводу того, будем или нет мы иметь дело с данной фирмой или компанией» [3, с. 126]. Вместе с тем современные исследования все чаще обращены к анализу имиджа не только коммерческой организации, но также некоммерческой структуры (в том числе государственной), целого региона и даже страны (см., например, [2; 5]). Важным моментом является сходство персонального и корпоративного имиджа в плане механизмов его создания и воздействия на аудиторию: «Организация с точки зрения человеческого восприятия должна обладать определенными человеческими же чертами. Только так ее имидж может проникнуть внутрь каждого из нас. Корпоративный имидж в этом плане становится подобным имиджу человека» [3, с. 125–126].

Предпосылкой создания нужного образа является максимальное соответствие сообщения «как требованиям канала коммуникации, так и требованиям аудитории» [Там же, с. 117]. В основе построения имиджа лежит «взаимодействие двух сторон – источника информации и получателя информации, целенаправленность и воспринимаемость потребителями

через чувства и эмоции» [5, с. 342]. Следовательно, «в образах особую важность имеет эмоционально-оценочная составляющая» [1, с. 325]. Именно необходимостью соблюдения данного условия объясняется тот факт, что журналисты прибегают к использованию таких ресурсов языка, как фразеология, в качестве средств формирования имиджа, поскольку фразеологическим единицам в полной мере свойственны метафоричность, экспрессивность, эмоциональность.

Материалом настоящего исследования послужили публикации, размещенные на сайте сетевого издания sb.by, зарегистрированного издательским домом «Беларусь сегодня» и включающего онлайн-версии таких газет, как «СБ. Беларусь сегодня», «Народная газета», «Рэспубліка», «Сельская газета», «Знамя юности» и т.п. Методом сплошной выборки были отобраны статьи за 2023 г., посвященные имиджу компании или конкретного человека (спортсмена, политика, ученого и т.д.). Далее выявлялись фразеологические единицы, использованные в данных имиджевых публикациях, и анализировались контексты их употребления.

Подчеркнем, что мы рассматриваем понятие фразеологической единицы широко и вслед за Н. М. Шанским относим к фразеологизмам такие сложные синтаксические структуры, как пословицы, поговорки, крылатые фразы, клише, речевые штампы [6]. Таким образом, помимо фразеологических сращений, фразеологических единств и фразеологических сочетаний, выделяемых в ставшей традиционной классификации В. В. Виноградова [7], можно говорить о фразеологических выражениях (идиоматических оборотах, афоризмах и т.д.).

Вне зависимости от своего синтаксического строения фразеологизмы выполняют целый ряд функций – константных (связанных с номинацией) либо вариативных (прагматических). Так, например, передача информации может сопровождаться выражением эмоционально-оценочного отношения говорящего к обозначаемому. Посредством фразеологической единицы можно установить контакт, усилить аргумент, выделить важную информацию, маркировать свой социальный статус и т.п. Среди многообразия функций в том числе выделяется характеризующая функция [8], которая, на наш взгляд, является ключевой при создании имиджа индивида или коллективного субъекта.

Обратимся к ситуациям использования фразеологических единиц в имиджевых статьях, опубликованных на анализируемом портале sb.by. Систематизируем признаки, акцентированные посредством фразеологизмов при создании образа конкретного человека.

Самой многочисленной группой фразеологизмов, служащих для построения персонального имиджа, являются единицы, которые подчеркивают волевые качества индивида. Эти качества позволяют человеку ставить перед собой четкие цели и успешно их достигать (30 %): *найти и не сдаваться, идти вслед за мечтой/воплощать мечты*. К ним относятся инициативность, амбициозность, выдержка, решительность, настойчивость и т.п.: *на что только ни готов идти ради..., это не пустые слова, попробовать свои силы, уверенность в завтрашнем дне*. Речь также идет о дисциплинированности, внимательном отношении к выполнению своих обязанностей, преданности любимому делу: *И если каждый будет понимать, что на своем месте нужно **работать на совесть**, с полной отдачей, тогда и будет общее процветание; Таисия переехала на остров, где **с головой окунулась** в самореализацию; Любишь свое **дело** – и оно **спорится***. Авторы статей отмечают, что путь к успеху героя публикации не был быстрым и легким, однако в конце концов приложенные усилия оправдались: *получить второй шанс, выйти на правильный путь, усилия увенчались успехом, сказать свое веское слово* (в какой-то профессиональной области), *все стало на свои места, всего добился собственным трудом*. Приведем пример из публикации: *Но **дорога** ее отнюдь **не была устлана розами**, приходилось буквально **продираться через частокол вызовов и трудностей**, тренироваться и доказывать всем (себе в том числе), что **терпение и труд все перетрут***. Следует также упомянуть, что достижения героя статьи не рассматриваются как финальная точка карьерного роста, поскольку человек выражает готовность к дальнейшему совершенствованию: *С тех пор **вошел во вкус**, хочу развиваться дальше, пополнять коллекцию наград*.

Еще одна группа фразеологизмов апеллирует к общему мнению, коллективному знанию или опыту (21 %). Строго говоря, подобные устойчивые обороты выполняют директивную функцию (совет, предостережение, нравоучение) или кумулятивную (обращение к культурному опыту, ценностям конкретной социальной группы). Однако при создании имиджа персоны их роль немаловажна. Они позволяют транслировать идею о том, что человек, чей имидж формируется в публикации, разделяет общепринятое мнение, ценности, нормы и руководствуется ими. Приведем примеры: *Кто будет возражать, что на сытый желудок и работается лучше?; Лучше один раз увидеть; Жизнь любит смелых; От греха подальше; Проще верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в Царствие Божие*.

Описывают события из жизни главного героя и передают их хронологию 16 % фразеологических единиц: *веха в истории, заложить*

фундамент, перевалить через экватор, расставить точки над «i». Конечно же, имеет место описание биографии персонажа, в том числе его семейной жизни: *найти свою половинку, свить семейное гнездышко, быть на заслуженном отдыхе, отбыть в мир иной.* В 10 % случаев фразеологические единицы указывают на неприятности, трудности, с которыми сталкивается человек: *нанести серьезный удар, сломать судьбу, судьба приготовила нелегкое испытание.* Описание процесса принятия решений при совершении действий наблюдаем в 9 % контекстов: *взвесить все за и против, сделать ставку на кого-то/что-либо.* В 4 % примеров подчеркивается принадлежность индивида к группе: *не чужой человек, работать бок о бок.*

Как известно, построение положительного имиджа протагониста может сопровождаться созданием отрицательного образа антагониста. Отрицательные характеристики соперников (противников, оппонентов) главного героя присутствует в 10 % проанализированных контекстов: *хромающая репутация, поддаваться стадному чувству, есть к чему придраться, маски сброшены.*

Далее рассмотрим фразеологические единицы, функционирующие в имиджевых статьях, которые нацелены на создание положительного образа компании. В данной подборке статей также выделим характеристики организации или ее деятельности, транслируемые посредством фразеологизмов.

Количественно преобладают фразеологические единицы, апеллирующие к успеху компании (30 %). Чаще речь идет о конкретных результатах работы или быстром темпе роста (*возымет должный эффект, результат превзошел наши ожидания, идти активными темпами, шаг вперед, творить чудеса, с лихвой восполнить, уродиться на славу, воплотить в жизнь*), реже – о популярности, известности организации: *В последнее время **на слуху** сетевые бренды потребкооперации – «ЛепимСами», «Еда&Кофе», TASTY, «Гастролавка».*

В 24 % случаев фразеологические единицы используются для того, чтобы передать мнение общественности об организации (дать положительную оценку, выразить одобрение ее деятельности): *на правильном пути, эффективное связующее звено, без пятен на репутации.* Вклад в развитие не только самой организации, но и всей отрасли, описан в 19 % случаев: *быть хорошим подспорьем, заполнить бреши [в бизнесе], стать фундаментом, подарить шанс, стать толчком [сотрудничества].* Приведем пример контекстуальной реализации подобного фразеологизма: *Белкоопсоюз традиционно **вносит свою лепту** в обеспечение продовольственной*

безопасности страны. Также подчеркиваются возможности для людей, удобство для конечных потребителей: *Зайти в магазин можно в любое время дня и ночи.*

Благоприятный внутриорганизационный климат, сплоченность коллектива, верность корпоративным ценностям отмечаются в 14 % примеров: *судьба связала [с подразделением], стоять плечом к плечу, работать на равных.* Однако цели и задачи, поставленные организацией на будущее в ходе стратегического планирования, конкретизируются всего в 5 % контекстов: ***Намеченная планка – не менее 14,5 тысячи тонн.*** Наконец, о преодолении трудностей, неблагоприятных условий функционирования организации говорится в 8 % примеров, при этом акцент делается на сопоставлении положения дел «до» и «после»: ***Картина перед глазами предстала удручающая: пустые полки и игнорирование запросов людей со стороны ответственных лиц.*** Соответственно, силами организации проблема была решена.

Подводя итог, отметим общие и специфические моменты, характеризующие использование фразеологических единиц в публикациях из белорусских сетевых изданий, призванных сформировать имидж персоны либо организации. Так, в обеих подборках статей фразеологизмы привлекают внимание к информации об успешной карьере индивида либо деятельности организации. Однако в имидже персоны выделяются качества, черты характера, необходимые для достижения успеха, тогда как в корпоративном имидже акцент делается на самих достижениях. Как в публикациях о персоне, так и о компании может рассказываться о преодолении трудностей на пути к успеху. Различием является то, что в описании карьеры индивида на первый план выходит процесс решения проблемы, а в описании организации – результат ее деятельности, сравнение ситуации «до» и «после». И персональный имидж, и корпоративный рассматриваются в контексте социокультурных параметров, а именно принадлежности субъекта к определенной социальной группе, культуре. Вместе с тем фразеологические единицы, характеризующие имидж персоны, апеллируют к общему знанию, культурному опыту, поведенческим нормам, тогда как фразеологизмы, характеризующие организацию, помогают транслировать общественное мнение о ней. Если в описании персонального имиджа фразеологизмы подчеркивают развитие личности, ее собственный прогресс, то при описании имиджа организации ключевым является вклад компании в развитие отрасли. Наконец, в создании образа персоны акцентируются факты биографии, тогда как в описании организации внимание уделяется процессам ее внешней и внутренней

коммуникации. С одной стороны, подчеркивается ее взаимодействие с другими представителями отрасли, потребителями, широкой общественностью, а с другой – описывается ее корпоративная культура, внутриорганизационный климат.

Несмотря на выявленные различия, следует признать, что роль фразеологических единиц одинаково значима в имиджевых публикациях вне зависимости от того, чей образ они формируют – индивида или компании. И в том и в другом случае фразеологизмы позволяют создать яркий эмоциональный портрет субъекта, выделив ключевые для его имиджа характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурдун, Н. В.* Фразеологические единицы как инструмент формирования образа политика в медиадискурсе / Н. В. Бурдун, А. М. Прима // Вестн. Брян. гос. ун-та. – 2017. – № 1 (31). – С. 325–328.
2. *Сладкевич, Ж. Р.* Персональный имидж: к вопросу об определении понятия / Ж. Р. Сладкевич // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 4(36). – С. 68–80.
3. *Почепцов, Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2001. – 651 с.
4. *Дубов, П. А.* Формирование корпоративного имиджа / П. А. Дубов, Р. С. Кевеян, Е. С. Рольбина // Вестн. экономики, права и социологии. – 2014. – № 1. – С. 12–17.
5. *Омельяненко, В. А.* Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе / В. А. Омельяненко, Е. Н. Ремчукова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 2, Т. 8. – С. 341–349.
6. *Шанский, Н. М.* Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Спец. лит., 1996. – 192 с.
7. *Виноградов, В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избр. тр. – М., 1977. – С. 141–161.
8. *Корман, Е. А.* Основные коммуникативные функции фразеологических единиц с анималистическим компонентом / Е. А. Корман // Изв. высш. учеб. заведений. Сев.-Кавказ. регион. Общественные науки. – 2007. – С. 43–45.

Поступила в редакцию 02.10.2023

Устименко Елена Генриховна

аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Aliona Ustsimenka

PhD Student of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
evoshhilo@mail.ru

О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
С СЕМОЙ 'НАПРАВЛЕНИЕ'
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

SEMANTICS OF VERBS OF MOVEMENT WITH THE SEME 'DIRECTION'
IN RUSSIAN AND GERMAN

В статье рассматриваются непереходные бесприставочные глаголы, обозначающие перемещение по направлениям вверх, назад, внутрь, наружу в русском и немецком языках. Установлено, что в их семантике содержится информация о среде перемещения, о характере перемещаемого объекта, о характеристиках процесса перемещения, о характере начальной/конечной точки перемещения. Выявлено, что в сравниваемых языках данные типы информации отличаются по направлениям модификаций семантических признаков, а также их комбинации в значении исследуемых глаголов. В обоих языках наибольшее количество модификаций семантических признаков обнаружено в семантике глаголов, обозначающих перемещение вверх.

К л ю ч е в ы е с л о в а: глаголы перемещения; направление перемещения; семантика; типы информации; языковая ориентация в пространстве.

The article examines intransitive non-prefixed verbs denoting movement in the directions upward, backward, inward, outward in Russian and German. It has been established that their semantics contains information about the medium, the nature of the moving object, the characteristics of the movement process and the nature of the starting / ending point of movement. It is revealed that in the compared languages these types of information differ in the directions of modifications of semantic features, as well as their combinations in the meaning of the analyzed verbs. In both languages, the largest number of modifications of the semantic features is found in the semantics of verbs denoting upward movement.

Key words: verbs of movement; direction of movement; semantics; types of information; language orientation in space.

Изучение пространства как одной из основных мыслительных категорий, репрезентированных в языке, представляет собой актуальное направление когнитивной лингвистики. Важным результатом этих исследо-

ваний является установление универсальных моделей структурирования пространства (см. подробнее [1; 2; 3; 4]). Центральное место в языковых моделях пространства занимает такой аспект, как «направление», который определяет ориентацию человека в пространстве (*смотреть вверх, жить на юге, nach Moskau fliegen* ‘лететь в Москву’, *aufs Land fahren* ‘поехать за город’). Информация о направлении входит в качестве обязательного компонента в семантику глаголов перемещения¹ (ГП) в форме открытой валентности для выражения направления с помощью предложно-падежной конструкции (*идти в школу, in den Hof fahren* ‘ехать во двор’) либо одной из сем компонентного состава (*карабкаться* (вверх), *входить* (внутри), *fallen* ‘падать’ (вниз), *aufflattern* ‘вспорхнуть’ (вверх)).

Установлено, что в семантике ГП, компонентный состав которых включает соответствующую сему, актуализируется информация о шести основных пространственных направлениях: вверх/вниз, вперед/назад, внутрь/наружу. Названные направления могут являться ингерентной частью семантики непроизводных глаголов, например, *карабкаться* (вверх), *нырять* (вниз), *пятиться* (назад), *steigen* ‘подниматься; взбираться’ (вверх), *fallen* ‘падать’ (вниз) и т.п. либо привноситься с помощью приставки в семантику производных глаголов, например, *взлететь* (вверх), *сбежать* (вниз), *выступить* (вперед), *отхлынуть* (назад), *вползти* (внутри), *выкатиться* (наружу), *aufflattern* ‘вспорхнуть’ (вверх), *herniedersteigen* ‘спускаться; слезать вниз’ (вниз), *vorrennen* ‘бежать вперед’ (вперед), *zurücklaufen* ‘бежать назад’ (назад), *hereinkommen* ‘входить’ (внутри), *ausrinnen* ‘вытекать’ (наружу). Бесприставочные глаголы перемещения привлекают интерес исследователей, поскольку являются базовыми глаголами, характеризуются большой частотностью употребления, высоким деривационным потенциалом, спецификой семантики [5, с. 73; 6; 7, с. 14].

Количественное исследование непереходных бесприставочных ГП с семой ‘направление’ выявило 45 таких единиц в русском языке, 29 – в немецком языке. Большинство из них в обоих языках обозначают перемещение вниз (38 глаголов в русском языке и 20 глаголов в немецком языке). Остальные направления представлены в количестве нескольких глаголов: в русском языке обнаружено по 2 единицы для обозначения

¹ В лингвистической литературе нет единой точки зрения относительно разграничения понятий *глаголы движения* и *глаголы перемещения*. В данной работе мы будем говорить о глаголах перемещения, обозначающих изменение местоположения объекта в пространстве.

перемещения вверх, назад, внутрь, 1 единица, указывающая на перемещение наружу; в немецком языке – 5 глаголов, обозначающих перемещение вверх, по 2 глагола для обозначения перемещения внутрь и наружу. В обоих языках не выявлены бесприставочные глаголы, описывающие перемещение вперед, в немецком языке – перемещение назад.

Анализ семантики глаголов, обозначающих перемещение по направлению вниз в русском и немецком языках, показал, что в их значении представлены те же типы информации, что и в семантике базовых ГП: о среде, о характере перемещаемого объекта и о характеристиках процесса перемещения; кроме того, определен специфичный для этой группы глаголов тип информации – характер конечной точки перемещения (твердая, жидкая, вязкая). Установлено, что в семантике русских глаголов более детально членится информация о перемещении жидкостей, а также о перемещении, сопровождающемся звуком, в семантике немецких глаголов – о перемещении осадков.

Вопрос о том, какие типы информации и их модификации актуализируются в семантике непереходных бесприставочных ГП, обозначающих другие направления в русском и немецком языках, до сих пор не становился предметом лингвистических исследований и будет рассматриваться в данной работе.

Объектом исследования являются 16 непереходных бесприставочных глаголов, обозначающих перемещение по направлениям вверх, назад, внутрь, наружу в русском и немецком языках в их первом значении, отобранные методом сплошной выборки из «Большого академического словаря русского языка» под редакцией К. С. Горбачевича [8], Малого академического словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [9] и толкового словаря Duden Onlinewörterbuch [10]. В немецком языке источником языкового материала также послужил цифровой словарь DWDS [11].

Семантический анализ изучаемых глаголов проводился на основании дефиниций из указанных словарей, а также контекстов из Национального корпуса русского языка [12], Национального корпуса немецкого языка [13].

При анализе семантики исследуемых ГП применялась схема описания, разработанная для глаголов, обозначающих перемещение вниз. На первом этапе выявлялись, какие типы информации, помимо среды перемещения, характера объекта перемещения, характеристик процесса перемещения, характера конечной точки перемещения, представлены в семантике глаголов, обозначающих перемещение по направлениям вверх, назад, внутрь, наружу, а затем устанавливались модификации данных типов

в значении каждого глагола. Такой тип информации, как «Среда перемещения», нуждается в некоторых пояснениях. Любое перемещение происходит в определенной среде, поэтому ее можно считать необходимым условием перемещения [7, с. 27]. ГП, содержащие данный тип информации, делятся на три группы: 1) глаголы, обозначающие перемещение по земле (*ходить, бегать*); 2) глаголы, описывающие перемещение в жидкой среде (*плавать, нырять*); 3) глаголы, именующие перемещение по воздуху (*лететь, парить*). Земля как среда перемещения выделяется условно: речь, скорее, идет о твердой опоре, в качестве которой могут выступить не только непосредственно грунт, но и различные вещества и материалы типа камень, асфальт, дерево и т.п. Наше исследование показывает, что опора может быть горизонтальной (*идти по дороге*) либо вертикальной (*карабкаться по скале*). Кроме того, среда перемещения может маркироваться в семантике глаголов как нейтральная, когда перемещение осуществляется в различных средах (*курсировать*). Как отмечает О. Б. Переход, «в значении глаголов, нейтральных к семантической категории 'среда перемещения', важно не само движение, а причина, побудившая к движению, или его результат» [14, л. 29].

Перейдем к рассмотрению типов информации и их модификаций, представленных в семантике исследуемых глаголов в сравниваемых языках. В русском языке выявлено всего 7 непереходных бесприставочных глаголов, обозначающих перемещение по направлениям вверх, назад, внутрь, наружу. Далее проанализируем семантику данных глаголов.

Направление перемещения «вверх» обозначается в русском языке глаголами *карабкаться, клубиться*. В значении глагола *карабкаться* актуализируется информация о характере перемещающегося объекта, о характеристиках процесса перемещения и о среде перемещения. С помощью данного глагола описывается перемещение одушевленных объектов. В его семантике содержится семантический признак 'способ перемещения' (ср. дефиницию «лезть вверх, цепляясь ногами и руками, хватаясь за что-либо» [9]). Анализ контекстов с данным глаголом показал, что в его значении также профилируется информация о преодолении трудностей при перемещении, что подтверждается возможностью сочетания глагольной единицы с операторами *бессильно, тяжело* и несочетаемостью с оператором *легко*. Что касается среды перемещения, то лексема *карабкаться* обозначает перемещение по земле по направлению вверх параллельно опоре:

(1) Они **бессильно карабкались** на насыпь, оступаясь и сползая, и Яков услышал ноющий стон [И. Ратушинская. Одесситы (1998)].

(2) Он сопел – ему было **тяжело карабкаться** вверх по неровному дну оврага [В. П. Беляев. Старая крепость, 1937–1940].

В семантике глагола *клубиться* объективируются типы информации «Среда перемещения» и «Характер перемещаемого объекта». С помощью данной глагольной единицы описывается перемещение по направлению вверх в воздушной среде, как правило, летучей (*пыли*), газообразной массы (*дыма, пара, тумана*) (пример (3)). В значении этого глагола содержится семантический признак 'форма' перемещаемого объекта, о чем свидетельствует дефиниция: *клубиться* – «подниматься, двигаться **клубами**» [9].

(3) Далеко внизу, у подножия холма, – *полынья*, над ней **клубится пар** [И. Грекова. Перелом (1987)].

Направление перемещения «назад» маркируется в семантике глаголов *вернуться, пятиться*. Глаголы, обозначающие перемещение назад, описывают два типа перемещения: 1) перемещение в направлении, противоположном ингерентной ориентации объекта перемещения; 2) перемещение в обратном направлении в исходный пункт по уже пройденному пути. Первый тип перемещения представлен в семантике глагола *пятиться*, второй тип – в значении леммы *вернуться*. В семантике глагольной единицы *пятиться* содержится два типа информации: о среде перемещения и о характеристиках процесса перемещения. С помощью данного глагола описывается перемещение по земле характерным способом (ср. дефиницию «отступать, двигаться назад, **задом**» [9]), противоположным эталонному перемещению (в норме перемещение осуществляется по направлению вперед, т. е. туда, куда смотрит человек).

Семантика глагола *вернуться* является нейтральной по отношению к среде перемещения (примеры (4)–(7)), а также к такому семантическому признаку, как 'средство перемещения' (ср. дефиницию «**прийти, приехать** назад, обратно; возвратиться» [9]), уточнение которого происходит в контексте:

(4) Турист проплыл на катере вниз по реке от одной пристани до другой, после чего сразу **пересел в лодку** и **вернулся** обратно [Образование – на выбор // «Наука и жизнь», 2007].

(5) Больше я туда не ходил, а **купил билет на самолет** и **вернулся** домой [М. Б. Бару. Принцип неопределенности // «Волга», 2015].

(6) Мама **пошла** открывать дверь и вскоре **вернулась** очень взволнованная [А. Зайцев. Братья // «Трамвай», 1990].

(7) Если вы проскочили флажок, необходимо **вернуться** и **объехать** его [В. Чистяков. Слалом // «Трамвай», 1990].

Направление перемещения «внутри» содержится в семантике лексем *соваться, юркнуть*. В значении данных глагольных единиц актуализируются три типа информации: о среде (земля), о характеристиках и о конечной точке перемещения. В семантике глаголов *юркнуть, соваться* маркируется такая характеристика процесса перемещения, как 'скорость', о чем свидетельствуют их толкования: *юркнуть* – «**быстрым, ловким движением** проникнуть куда-либо, скрыться где-либо» [9], *соваться* – «устраиваться, лезть куда-либо **с излишней поспешностью, торопливостью**» [9]. Конечной точкой перемещения объекта по направлению внутрь является «контейнер»:

(8) *Юркнув в платяной **шкаф**, который стоял в прихожей, Антон спрятался там* [Л. Дворецкий. Шакалы (2000)].

(9) *Соваться в квартиру нужно в последнюю очередь* [В. Громов. Компромат для олигарха (2000)].

Направление перемещения «наружу» представлено в значении глагола *сочиться*. Семантике данной глагольной единицы присущи все выше названные четыре типа информации. Так, исследуемый глагол обозначает перемещение жидкости по твердой поверхности в форме капли или тонкой струи (ср. дефиницию «течь, вытекать **по капле** или **тонкой струйкой** (о жидкости)» [9]). Анализ дефиниции и контекстов с глаголом *сочиться* показал, что в его значении содержится информация о невысокой интенсивности перемещения жидкости (ср. *сочиться, течь, хлынуть*), о препятствии при перемещении, а также о начальной точке перемещения, в качестве которой выступает «контейнер»:

(10) *Ухало за стеной какое-то паровое устройство. **Сочилась** горячая вода **из стены**. Я сидел на железной кровати – их тут много стояло* [С. Юрский. Бумажник Хофманна (1993)].

(11) *Домашний уют, голод, развалины, водоразборные колонки, из которых еле **сочилась** ржавая струйка, – все это стало моим третьим детством* [И. Грекова. Перелом (1987)].

(12) *Но тогда я был готов променять ропот морского прибоя на писк воды, что **сочится через** гнилые **доски** мельничной плотины где-нибудь под Костромой, сочится и брызжет на высокие папоротники* [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Бросок на юг (1959–1960)].

В обобщенном виде модификации семантики глаголов, именующих перемещение по направлениям вверх, назад, внутрь, наружу в русском языке, представлены на рис. 1.

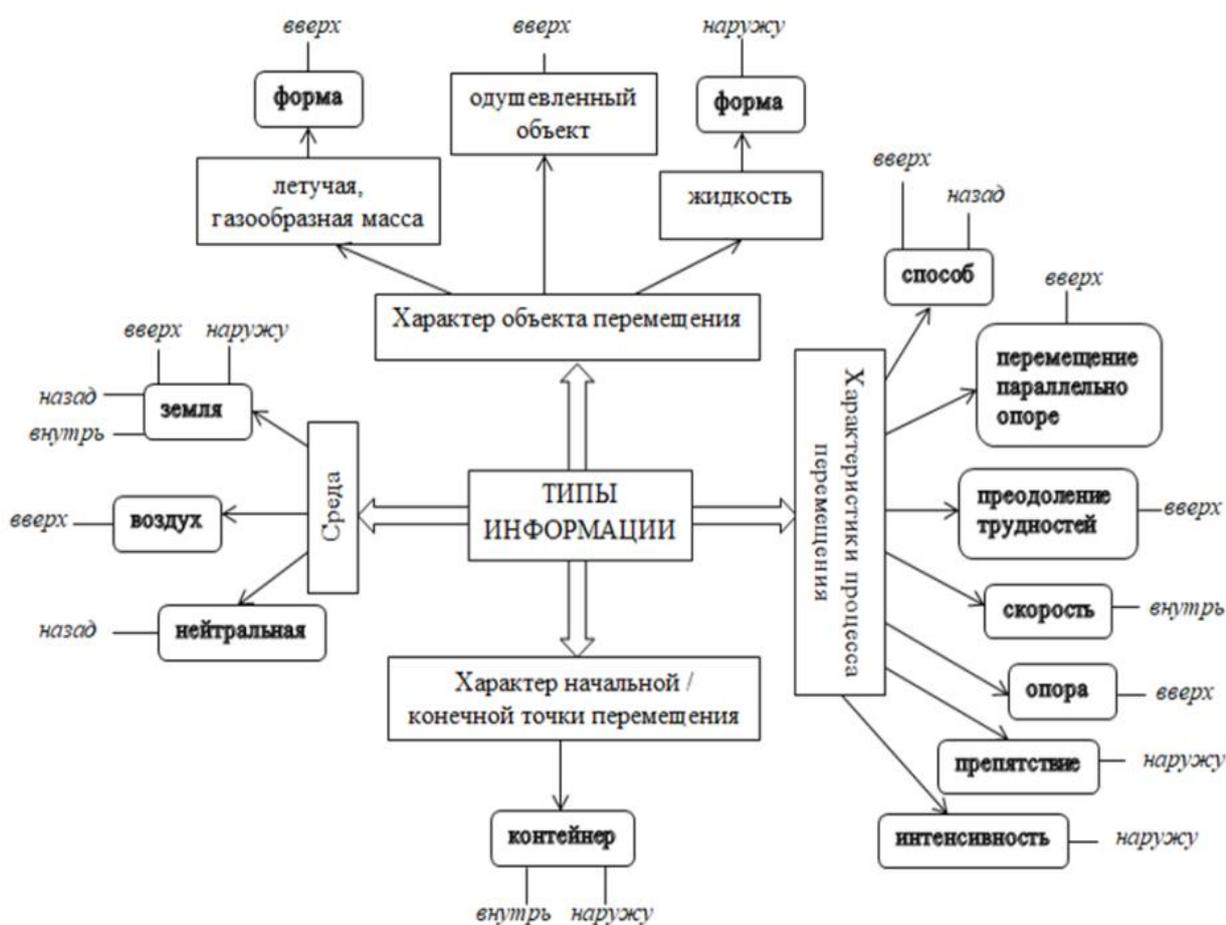

Рис. 1. Типы информации и их модификации в семантике ГП с семой 'направление' в русском языке

Таким образом, в результате анализа семантики исследуемых ГП в русском языке выявлено, что общими типами информации для них являются «Среда перемещения» и «Характеристики процесса перемещения». Тип информации «Характер объекта перемещения» актуализируется в значении глаголов, описывающих перемещение вверх и наружу. Информация о характере начальной/конечной точки перемещения содержится в семантике глаголов, указывающих на перемещение по направлениям внутрь и наружу. Наибольшее количество модификаций обнаружено в семантике глаголов, обозначающих перемещение по направлению вверх (8 семантических признаков), меньше всего – в значении лексем, именуемых перемещение по направлениям назад, внутрь (по 3 семантических признака).

Рассмотрим семантические особенности непереходных бесприставочных глаголов, описывающих перемещение по направлениям вверх, внутрь, наружу в немецком языке (всего 9 единиц). Анализ их семантики показал, что в немецком языке представлены те же типы информации, что

и в русском – о среде перемещения, о характере перемещающегося объекта, о характеристиках процесса перемещения и о характере начальной/конечной точки перемещения. Отличия наблюдаются в направлениях модификаций семантических признаков, репрезентирующих данные типы информации, а также в комбинации этих признаков в значении отдельных глаголов.

В немецком языке выявлено 5 глаголов для обозначения **перемещения по направлению вверх**: *bouldern* ‘лазить по скалам’, *klettern* ‘лезть, взбираться, карабкаться’, *klimmen* ‘карабкаться, взбираться, лезть’, *kraxeln* ‘взбираться, карабкаться’, *steigen* ‘подниматься; взбираться’. В семантике перечисленных глаголов содержится информация о перемещении параллельно опоре (примеры (13)–(15)).

(13) *Das Kind **klettert auf den Baum**, in dem Moment guckt die vor Schmerz halb wahnsinnige Mutter aus dem Fenster und kreischt* ‘Ребенок лезет на дерево, в этот момент мать, полубезумная от боли, смотрит в окно и кричит’ (здесь и далее перевод наш. – Е. У.) [Berliner Zeitung, 01.09.2003].

(14) *Sie folgte Alexandra, die **auf den Erdhügel** vor dem Grundstück **kraxelte*** ‘Она последовала за Александрой, которая карабкалась на насыпь земли перед домом’ [Jentsch, Kerstin: *Ankunft der Pandora*, München: Heyne 1997 (1996), S. 89].

(15) *Sogar in Oman habe er **auf einen Berg steigen** wollen* ‘Даже в Омане он хотел взобраться на гору’ [Die Zeit, 29.03.2007, Nr. 14].

В значении глагола *bouldern* ‘лазить по скалам’, помимо информации о среде перемещения, актуализируется информация о характере объекта перемещения и о характеристиках процесса перемещения. Из толкования данной единицы следует, что с ее помощью описывается перемещение человека без страховки по направлению вверх параллельно опоре, в качестве которой выступает скала (ср. дефиницию *bouldern* – «ohne Seilsicherung an Kletter- oder Felswänden klettern» ‘карабкаться на скалы без страховочной веревки’ [10]). В семантике глагола *bouldern* профилируются семантические признаки ‘способ перемещения’, ‘перемещение параллельно опоре’, ‘преодоление трудностей при перемещении’, репрезентирующие процесс перемещения.

Такие же семантические признаки представлены в значении глаголов *klettern* ‘лезть, взбираться, карабкаться’, *klimmen* ‘карабкаться, взбираться, лезть’, *kraxeln* ‘взбираться, карабкаться’. Информация о преодолении трудностей одушевленных объектов при перемещении маркируется в дефинициях соответствующими операторами: *über ein Hindernis gelangen* ‘преодолевая препятствие’, *mit großem Kraftaufwand* ‘с большим усилием’,

mühsam 'с трудом' [10]. Анализ контекстов с перечисленными глаголами не позволил дифференцировать их семантику. Различия наблюдаются в частотности их употребления: более частотным является глагол *klettern* (24 323 вхождений), менее частотным – *klimmen* (69 вхождений)¹. Глагол *kraxeln* толкуется в словарях с пометой 'разговорный' [10; 11].

Направление перемещения «внутри» содержится в семантике глагольных единиц *schlafen* 'залезать, забираться', *dringen* 'проникать'. Лексема *schlafen* 'залезать, забираться' обозначает перемещение животного по земле по направлению внутрь. В значении данного глагола актуализируется конечная точка перемещения («контейнер»):

(16) *Der Hund schlief in den Dachsbau* 'Собака забирается/лезет в барсучью нору' [11].

В семантике глагола *dringen* 'проникать', помимо информации о среде перемещения, актуализируется информация о такой характеристике процесса перемещения, как перемещение объекта через препятствие, а также о конечной точке перемещения, в качестве которой выступает «контейнер» (ср. дефиницию «*durch etwas an eine bestimmte Stelle gelangen*» 'попадать через что-либо в конкретное место' [10]):

(17) *Das Wasser dringt durch die Nase in den Rachen* 'Вода проникает в горло через нос' [Die Zeit, 19.05.2004, Nr. 22].

(18) *Die kämpfenden Truppen dringen in die Stadt* 'Боевые войска проникают в город' [11].

Перемещение по направлению наружу описывается с помощью глаголов *quellen* 'пробиваться, просачиваться', *sickern* 'сочиться, просачиваться, стекать каплями, капать'. В семантике единицы *quellen* 'пробиваться, просачиваться' профилируются такие семантические признаки, как 'скорость', 'интенсивность', 'начальная точка' перемещения, о чем свидетельствуют дефиниции «**[aus einer relativ engen Öffnung] in größerer Dichte [und wechselnder Intensität] hervordringen und in eine bestimmte Richtung drängen**» 'пробиваться [из сравнительно узкого отверстия] с большей плотностью [и различной интенсивностью] и устремляться в определенном направлении' [10], «**langsam und in großer Dichte aus etw. herausfließen, hervordringen**» 'вытекать из чего-либо медленно и с большей плотностью' [11]. Анализ контекстов с данным глаголом показал, что в качестве объекта перемещения может выступать не только жидкость, а также, что в его значении объективируется информация о препятствии при перемещении, характеризующая процесс перемещения:

¹ Учитывалось общее количество вхождений данных глаголов в газетном под-корпусе корпуса DWDS.

(19) *Mehlfeiner Lateritstaub quillt durch alle Ritzen, wenn wir über ein Stück abgetrocknete Piste hinwegfegen* ‘Мелкая латеритная пыль просачивается сквозь все щели, когда мы подметаем часть высохшей дорожки’ [Die Zeit, 20.10.1978, Nr. 43].

Глагол *sickern* ‘сочиться, просачиваться, стекать каплями, капать’ обозначает перемещение наружу жидкости. В семантике данной лексемы обнаруживаются такие семантические признаки, как ‘форма’ перемещающейся жидкости, а также ‘скорость’, ‘интенсивность’, ‘препятствие при перемещении’ (ср. дефиницию «(von Flüssigkeiten) **allmählich, tröpfchenweise durch etwas hindurchrinnen, spärlich fließen**» ‘(о жидкостях) просачиваться через что-либо постепенно, капельками, скудно течь’ [10]). Сема ‘форма’ является характеристикой объекта перемещения, последние три семы характеризуют процесс перемещения.

В обобщенном виде выявленные типы информации и их модификации в семантике исследуемых ГП в немецком языке представлены на рис. 2.

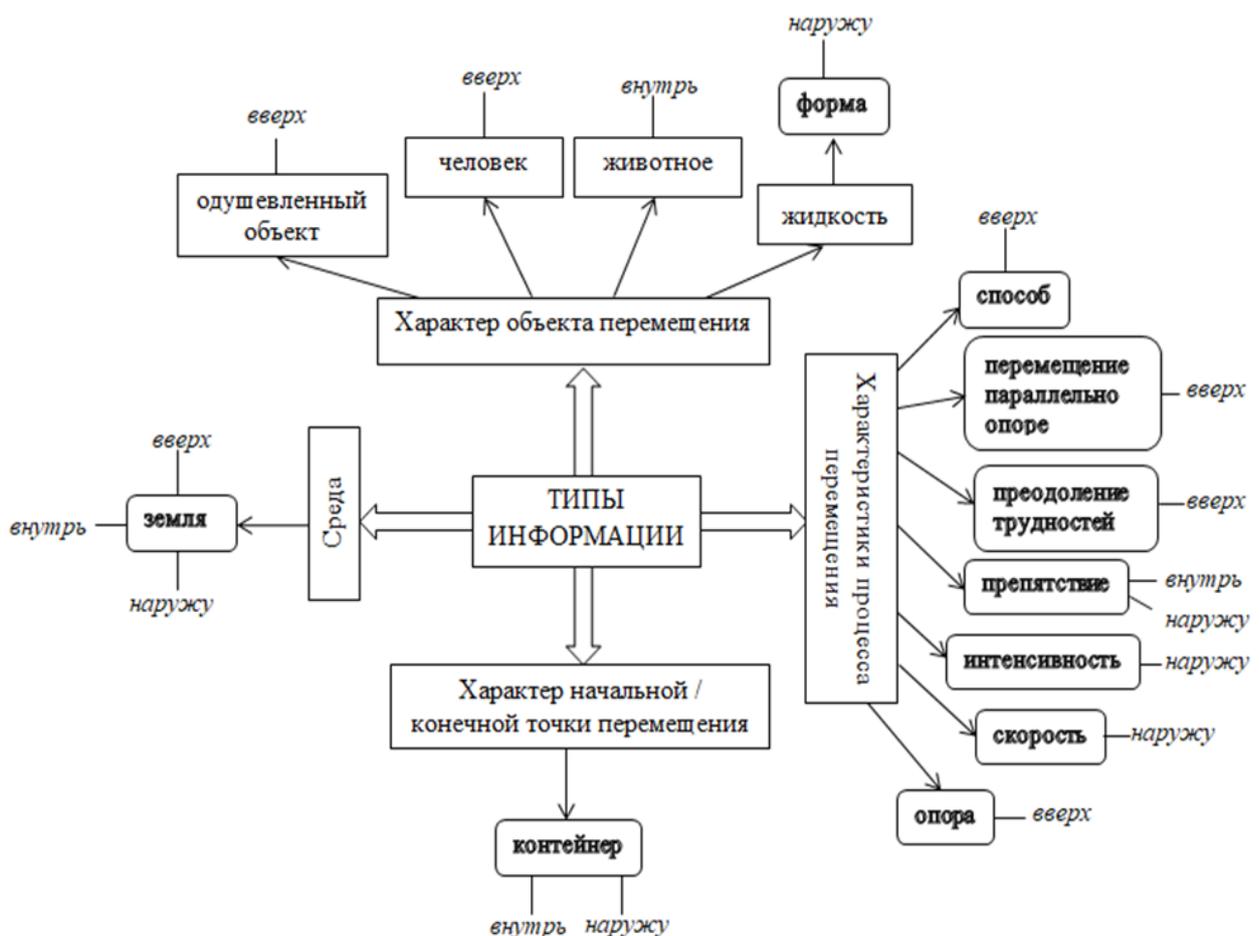

Рис. 2. Типы информации и их модификации в семантике ГП с семой ‘направление’ в немецком языке

Как следует из рисунка, общими для исследуемых глаголов в немецком языке являются такие типы информации, как «Среда перемещения», «Характер объекта перемещения» и «Характеристики процесса перемещения». Тип информации «Характер начальной/конечной точки перемещения» содержится в значении глаголов, указывающих на перемещение по направлениям внутрь, наружу. Больше всего модификаций семантических признаков выявлено в семантике глаголов, обозначающих перемещение по направлению вверх (7 семантических признаков), меньше всего – в семантике ГП, именующих направление внутрь (4 семантических признака).

Таким образом, изучаемые ГП в русском и немецком языках «схватывают» разные участки внеязыковой действительности, что также подтверждается частичным совпадением межъязыковых соответствий бесприставочных глаголов перемещения, например, переводным эквивалентом немецкого глагола *sickern* является глагол *сочиться* в русском языке. Ряд бесприставочных немецких глаголов, обозначающих перемещение по направлениям вверх, внутрь, наружу, переводятся на русский язык с помощью приставочных глаголов (*steigen* – *подниматься, взбираться*) либо описательно (*bouldern* – *лазить по скалам*) (см. рис. 3). Такая же картина наблюдается при переводе русских бесприставочных единиц на немецкий язык (*пятиться* – *rückwärts gehen*).

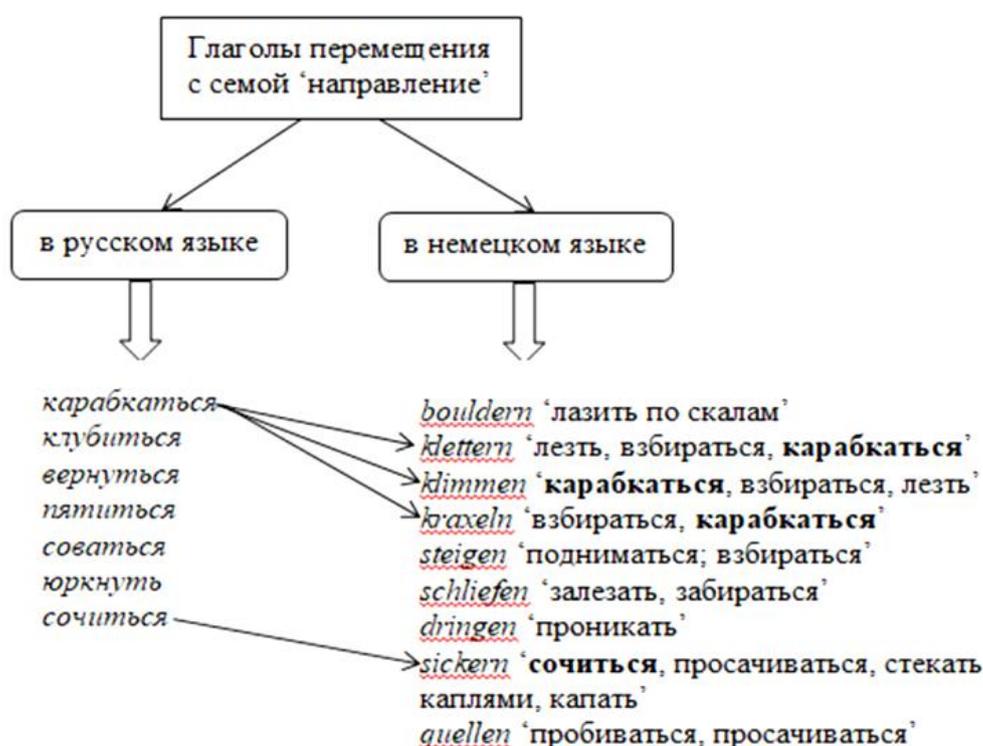

Рис. 3. Межъязыковые соответствия ГП с семой «направление» в сравниваемых языках

В результате анализа семантики непереходных бесприставочных глаголов, обозначающих перемещение по направлениям вверх, назад, внутрь, наружу в русском и немецком языках, установлено, что данные единицы репрезентируют разные характеристики перемещения. В русском языке, по сравнению с немецким языком, более детально членится информация о среде перемещения (земля, воздух, нейтральная среда в русском языке; земля в немецком языке). В сравниваемых языках отличается актуализация семантических признаков о характере перемещающегося объекта. В русском языке в качестве объекта перемещения выступают летучая, газообразная масса (*клубиться*), жидкость (*сочиться*), одушевленные объекты (человек и животное – *карабкаться*), в немецком языке – жидкость (*quellen, sickern*), только человек (*bouldern*), только животное (*schlafen*), одушевленные объекты (человек и животное – *klettern, klimmen, kraxeln*). В обоих языках подробнее, по сравнению с другими типами информации, модифицируются характеристики процесса перемещения. Как в русском, так и в немецком языке, наибольшее количество модификаций выявлено в семантике непереходных бесприставочных глаголов, обозначающих перемещение вверх (8 семантических признаков в русском языке vs 7 – в немецком языке).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Miller, G. Language and Perception / G. Miller, P. N. Jonson-Liard. – Cambridge [et al.] : Cambridge Univ. Press, 1976. – 760 p.*
2. *Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 1–2. – 897 p.*
3. *Grabowski, J. Raumrelationen / J. Grabowski. – Opladen, Wiesbaden : Westdeutscher Verl., 1999. – 299 S.*
4. *Тарасевич, Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением: на материале немецкого и русского языков / Л. А. Тарасевич. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2014. – 272 с.*
5. *Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика: синонимические средства языка. – 472 с.*
6. *Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1997. – 264 с.*
7. *Набати, Ш. Персидско-русские корреляты в системе базовых глаголов перемещения / Ш. Набати, Л. А. Тарасевич, З. А. Харитончик. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2016. – 156 с.*

8. Большой академический словарь русского языка : в 21 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. К. С. Горбачевича. – СПб. : Наука, 2004–2021. – 21 т.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.
10. Duden Onlinewörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de>. – Дата доступа: 05.06.2023.
11. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.dwds.de>. – Дата доступа: 17.07.2023.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 14.07.2023.
13. Национальный корпус немецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dwds.de>. – Дата доступа: 17.07.2023.
14. *Переход, О. Б.* Глаголы движения и перемещения в белорусском и русском языках : дис ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. Б. Переход. – Минск, 1989. – 217 л.

Поступила в редакцию 17.11.2023

Филимонова Марина Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

ИМИТАТИВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

IMITATIVE WORD OF THE CHINESE LANGUAGE AS THE REFLECTION OF REALITY

В данной статье рассматривается теория имитативов Г. Е. Корнилова относительно китайского языка. Анализируется структура китайских фоноидеограмм 吸, 吞, осуществляется их рекурсивный анализ, а также анализ структур и семантики данных логограмм как имитативов, результаты которого наглядно демонстрируют наличие у китайских логограмм имитативной функции, а именно способности отражать целостную ситуацию окружающей действительности.

Ключевые слова: *китайский язык; логограмма; фонетик; идеограф; рекурсивный анализ; имитатив.*

This article reveals G. E. Kornilov's theory of imitatives. Analyzing how it can be applied to the Chinese Language. The author analyzes the structure of the Chinese phonoideograms 吸, 吞. The recursive analysis of the Chinese logograms 吸, 吞 as well as the analysis of the structure and semantics of these imitative word shows the imitative nature of the Chinese logograms as well as their ability to reflect reality.

Key words: *Chinese language; logogram; phonetic component; ideographic component; recursive analysis; imitative word.*

Под *имитативом* вслед за Г. Е. Корниловым мы понимаем подражание с помощью звуков объектам живой и неживой природы, а также их свойствам и качествам, событиям и явлениям [1, с. 22]. В имитативную эпоху имитативы представляли собой отрезки речи, несущие в себе зародышевые состояния категорий предикативности, модальности и времени. И хотя ряд исследователей считает, что в современных постимитативных языках они имеют статус слова, согласно *теории имитативов*, чьей точки зрения придерживаемся и мы, они состоят из *идеофонов*, также выражающих единицу смысла, передаваемого в антиимитативной речи самостоятельным словом или словосочетанием-толкованием, и являющихся внутренними членами предложения-имитатива [1, с. 29]. На совре-

менном этапе своего развития имитатив обладает внутренним синтаксисом, представляя собой односоставное предложение [1, с. 29], которое может быть развернуто посредством осуществления *рекурсивного анализа*, а именно представления его в виде минимальной (ядерной) цепочки модели мира, состоящей из *субъекта (S)*, *акции (A)* и *объекта (O)*, являющихся семантическими эквивалентами подлежащего, сказуемого и дополнения в предложении [2].

Идеофоны, образующие имитатив, могут быть разложены на *кинемы*, функционально равные современным фонемам. Таким образом, имитатив отображает целую ситуацию с ее участниками (*субъект (S)*, *акция (A)*, *объект (O)*), идеофон несет в себе понятие, а кинема играет смысловозначительную роль (согласно антиимитативному языкознанию, является конкретным артикуляционным моментом или компонентом звука-фонемы) [1, с. 29–30].

В качестве примера Г. Е. Корнилов приводит основу-имитатив МАЛ-, представленный в уральских, семитских, индоевропейских, алтайских и др. языках, который имеет значение «движение губами при сосании» и производное МАЛК- «однократное движение губами при сосании, с плавным началом и четким завершением», взятого из исследования В. М. Иллич-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь».

По мнению Г. Е. Корнилова, данное сочетание согласных воссоздает целостную комплексную ситуацию бытия со своими участниками (*субъектом*, *акцией*, *объектом*), состоящую из трех этапов. Начальный этап заключается в схватывании губами объекта, при этом прохождение воздуха возможно только через носовую полость, вследствие чего из имеющихся в языке двух носовых согласных звуков /М/ и /Н/ «точнее будет употребить лабиальный /М/, поскольку необходима символизация состояния и работы губ, главного инструмента иницируемого действия» [1, с. 30]. Соответственно, *субъектом* (инициатором акции) является *некто* (*субъект* опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: ребенок, детеныш животного и т.п.), *акция 1* – *схватить губами объект*, *субъект* – *нечто* (*объект* опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: сосок груди женщины, вымени самки, косточка, из которой что-то высасывают и т.п.), *инструмент* – *губы*. Далее в рот поступает порция жидкой субстанции (молока, мозга при обсасывании кости и т.п.), что лучше всего может передать именно боковой /Л/, при его произнесении в обратном направлении движение воздуха имитирует течение жидкости по левому и правому краю языка [1, с. 30]. Здесь, соответственно, *субъектом* (инициатором акции) является тот же *некто* (*субъект*

опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: ребенок, детеныш животного и т.п.), *акция 2 – заглатывание, субъект 2 – нечто (объект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: молоко, мозг из косточки и т.п.), инструмент, он же локус – горло.* Завершающий акт глотания может быть передан любым из аллофонов задненёбных /К/, /Г/, /Х/, которые символизируют как локус (место последнего этапа глотания – заднюю часть нёба, глотку), так и его завершенность вследствие «большой степени приближения их сонорности (звучности) к нулю» [1, с. 30]. *Субъектом* (инициатором акции) является тот же *некто* (*субъект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: ребенок, детеныш животного и т.п.), акция 3 – глотание, субъект 2 – все тот же: нечто (объект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: молоко, мозг из косточки и т.п.), инструмент он же локус – глотка.*

Таким образом, данная комплексная ситуация, переданная основой-имитативом МАЛК-, представлена следующей ядерной семантической цепочкой, развертываясь следующим образом: *некто (субъект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: ребенок, детеныш животного и т.п.) с помощью губ (инструмент) захватывает, хватает (акция 1), заглатывает (акция 2) горлом/в горло (инструмент=локус), проглатывает (акция 3) глоткой/в глотку (инструмент=локус) нечто (объект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: молоко, мозг из косточки и т.п.).* Идеофонами являются /М/, /А/, /Л/, /К/, каждый из которых несет свое собственное значение, переданное соответствующими кинемами.

Приведем примеры языков, использующих для названия молока слово того же корня:

Английский	<i>milk</i>	Норвежский	<i>melk</i>
Белорусский	<i>малако</i>	Польский	<i>mleko</i>
Болгарский	<i>мляко</i>	Сербский	<i>млеко</i>
Боснийский	<i>mlijeko</i>	Словацкий	<i>mlieko</i>
Голландский	<i>melk</i>	Словенский	<i>mleko</i>
Датский	<i>mælk</i>	Украинский	<i>молоко</i>
Исландский	<i>mjólk</i>	Хорватский	<i>mlijeko</i>
Македонский	<i>млеко</i>	Чешский	<i>mléko</i>
Немецкий	<i>Milch</i>	Шведский	<i>mjölk</i>

Online Etymology Dictionary дает следующее толкование значению *milk*: «Opaque white fluid secreted by mammary glands of female mammals, suited to the nourishment of their young,» Middle English *milk*, from Old English *meoluc* (West Saxon), *milc* (Anglian), from Proto-Germanic **meluk-*

"milk" (source also of Old Norse mjolk, Old Frisian melok, Old Saxon miluk, Dutch melk, Old High German miluh, German Milch, Gothic miluks), from *melk- "to milk," from PIE root *melg- "to wipe, to rub off," also "to stroke; to milk," in reference to the hand motion involved in milking an animal. Old Church Slavonic noun meleko (Russian moloko, Czech mleko) is considered to be adopted from Germanic» [3].

Это подтверждает мысль Г. Е. Корнилова о том, что в процессе развития речи и языка имитативы порождали звуковые комплексы вторичных имитативов, производных лексических единиц, положенных в основу синтаксически нормированного постимитативного языка того или иного племени, народности, нации [1, с. 23]. Это было обусловлено тем, что в период активного формирования у древнего человека модели мира вследствие ограниченности языковых знаков включались механизмы переноса значения по смежности [4], что можно видеть на примере МАЛК- и *молоко, milk* и др. Также те же самые процессы происходили, например, в китайском языке, когда одним и тем же языковым знаком обозначали как действие, так и предмет, с помощью которого выполняли данное действие, например, 饮 'пить, глотать', 'напиток, питье'.

Помимо этого, у древнего человека включался и механизм переноса значения по сходству.

Так, например, 隆隆 (lónglóng) – древнее звукоподражание, возникшее вследствие попыток древних китайцев изобразить звук ударов грома, точнее выразить с помощью языка то, как он звучит в их представлении. Оно могло быть субъектом или объектом (*грохотание, гром*), акцией (*грохотать, греметь, гроыхать*), признаком субъекта или объекта (*грохочущий, оглушительный*). Далее происходил перенос по сходству (метафоризация), и так же стали называться и звуки грохотания пушек и т.д. (или наоборот), а впоследствии и звуки механизмов и т.д. Звукоподражание 隆隆 (lónglóng) являлось имитативом, оно могло выступать в роли *субъекта* или *объекта* 炮声隆隆 'грохотание пушек', *акции* 车间里机(器)声隆隆 'В цехе машины стучат', признака *субъекта* или *объекта* 山里响起了隆隆的回声 'мощный звук эха раскатился в горах', признаком *акции* 发动机隆隆地响 'громко режут моторы' и т.д. Мы видим, что значение данной языковой единицы актуализируется лишь в контексте, в чем проявляется неопределеннозначность, а также гибкая частеречная принадлежность звукоподражаний не только в древнем, но и в современном китайском языке.

На наш взгляд, в качестве имитативов в китайском языке также выступает целый ряд логограмм. Возьмем для примера логограмму 吸 (xī), этимологическое значение 'всасывать воздух; вдыхать, делать вдох',

значение расширилось до ‘вдыхать; всасывать; втягивать; впитывать’. 吸 является фоноидеограммой, по принципу простой рекурсии раскладывается на фонетик 及 (jí) и идеограф 口 ‘рот’. При этом данная логограмма 吸 имеет два уровня предикативной рекурсии. Актуализатором в логограмме является знак 及, его значение ‘追赶上, 抓住’ = ‘настигнуть, нагнать; схватить(ся), уцепиться, поймать (кого-л. /что-л.)’, а модификатором – 口 ‘рот’. Если рассмотреть эту логограмму как ядерную семантическую цепочку, то мы увидим, что *субъектом 1* (инициатором акции) является *некто* (человек, животное) (*субъект 1* опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира), *акция* – *схватить, поймать*, *объект* – *нечто* (воздух, молоко, пища) (*объект* опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира), *субъект 2* или *инструмент* – *рот*. Ситуация разворачивается следующим способом: *некто захватывает ртом нечто*. И значение затем расширяется до *всасывает, втягивает внутрь ртом*.

Актуализатор 及 описывает ситуацию, при которой один человек хватается другого рукой. Актуализатор здесь 人 ‘человек’, модификатор – 手 ‘рука’. (Существовала вариативность написания данной логограммы, когда слева добавлялся “彳”, снизу мог добавляться “止”, в обоих случаях для выражения значения *движения в пространстве*) (рис. 1).

1 《甲文编》119 页。2、10 《金文编》189 页。3、4、12 《汉语字形表》112 页。5、8、9 《篆隶表》196 页。6、14 《说文》64 页。7 《睡甲》42 页。11、13 《战文编》181 页。

Рис. 1. Логограмма 及

В данной ядерной семантической цепочке *субъект (инициатор акции)* опущен, *акция – схватить* (акция опущена, но может быть восстановлена с опорой на модель мира), *объект (реципиент) – человек, инструмент – рука*. Ядро значения здесь, как было уже сказано выше, ‘настигнуть, нагнать; схватить(ся), уцепиться, поймать (кого-л./что-л.)’. Семантическое значение логограммы описывается касательно объекта, то есть имеет место *обратная предикация*. Таким образом, рекурсивный анализ показал существование двух уровней предикативной рекурсии (рис. 2).

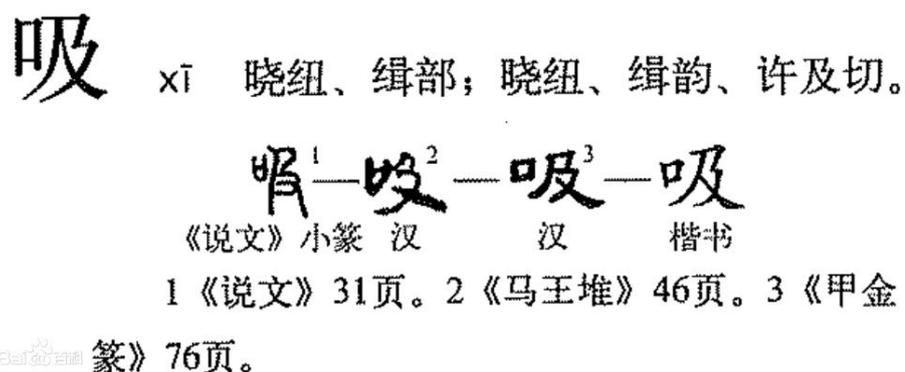
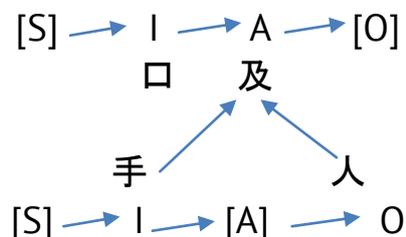

Рис. 2. Логограмма 吸

Рекурсивная схема анализа логограммы 吸 выглядит следующим образом:

Если рассмотреть звучание логограммы 吸, а именно xī, то данное сочетание воссоздает целостную комплексную ситуацию бытия со своими участниками (субъектом, акцией, объектом): *засасывание, всасывание, втягивание внутрь ртом кем-то чего-либо (воздуха, жидкости)*. Звук [х] – глухой, щелевой, среднеязычный, средненёбный, по сравнению с русским [с'] у него более широкая щель, передняя часть спинки языка сдвинута вперед, а кончик языка загнут вниз и назад [5]. Также его относят к глухим палатальным фрикативным звукам [6]. В сочетании с гласным [i] он лучше всего передает действие *всасывания, засасывания, втягивания внутрь ртом субстанции*, так как имитирует именно это действие вследствие своего места и способа образования.

Однако это действие – чисто всасывание без глотания, без перехода к нему, а иначе подключались бы другие согласные звуки. Например, 吞 tūn ‘глотать, проглатывать; сдерживать (*напр., слёзы*)’.

Логограмма 吞 является фоноидеограммой, по принципу простой рекурсии раскладывается на фонетик 天 (tiān) и идеограф 口 ‘рот’ (рис. 3).

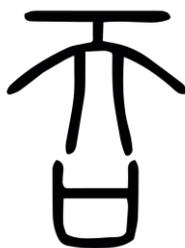

Рис. 3. Логограмма 吞

С точки зрения уровня предикативной рекурсии актуализатором в логограмме 吞 является знак 口, его значение ‘口腔器官, 嘴’ = ‘рот, клюв, пасть’, а модификатором – 天, этимологическое значение которого ‘人的头顶’ ‘макушка головы человека’ (рис. 4),

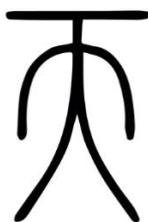

Рис. 4. Логограмма 天

который в древности в письменах 甲骨文 (Цзягувэнь) имел также и такой вид (рис. 5):

Рис. 5. Логограмма 天 в письменах 甲骨文 (Цзягувэнь)

Если рассмотреть эту логограмму как ядерную семантическую цепочку, то мы увидим, что *субъектом 1 (инициатором акции)* является человек, *акция – глотать, объект – нечто (пища)* (объект опущен, но может быть

восстановлен с опорой на модель мира), *субъект 2* или *инструмент – рот*. Ситуация разворачивается следующим способом: *человек глотает ртом нечто*.

По месту образования t [t_h] является переднеязычным альвеолярным, по способу образования в составе консонантной системы китайского языка он выделяется как глухой взрывной придыхательный [6]. Хотя по месту образования он считается переднеязычным, однако наличие придыхания качественно меняет способ образования звука. Придыхание представляет собой звуковой эффект, который создается артикуляцией более долгой смычки в сочетании с расслабленным укладом сближенных голосовых связок [7]. Благодаря этому t [t_h] становится смычным, то есть когда включается механизм перекрытия на какое-то время воздушного потока с помощью гортани, а затем под давлением воздуха данная преграда размыкается и воздух толчком выходит наружу.

Рассмотрим физиологический процесс глотания (он включает следующие фазы: ротовую, глоточную и пищеводную) [8] и как определенную ситуацию действительности. Во время *ротовой фазы* пищевой комок (объемом около 5–15 мл) перемещается на спинку языка посредством движений языка и щек, затем сокращениями языка пищевой комок прижимается к твердому нёбу и переводится на корень языка за передние нёбно-язычные дужки [8]. Вследствие чего использование переднеязычного альвеолярного t [t_h] для передачи данной ситуации представляется уместным, так как в его образовании задействованы язык, щеки, нёбо с включением спинки языка. Во время *глоточной фазы* (быстрой и непроизвольной) раздражение рецепторов корня языка вызывает сокращение мышц, приподнимающих мягкое нёбо. Во время данной фазы, сообщение глотки с носовой полостью перекрывается (во избежание попадания в нее пищи), а сам пищевой комок проталкивается в глотку движениями языка. В результате происходит сокращение мышц, смещающих подъязычную кость и вызывающих поднятие гортани [8]. Акт непосредственного глотания может быть передан с помощью механизма h -придыхания, при котором происходит перекрытие воздушного потока с помощью гортани в процессе ее поднятия и смещения подъязычной кости. Продольные мышцы-подниматели глотки сокращаются, в результате чего пищевой комок проталкивается по направлению к пищеводу. Третья фаза, *пищеводная*, является непроизвольной и более длительной, в момент глотка пищевод подтягивается к глотке и верхний пищеводный сфинктер расширяется, принимая пищевой комок [8]. Соответственно, ситуацию можно описать следующим образом: *субъектом* (инициатором акции) явля-

ется *некто* (субъект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: человек, животное), *акция* – *глотать*, *объект* – *нечто* (объект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира: пища), *инструмент* – *щеки, язык, локус* – *гортань, глотка*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары : Чуваш. книж. изд-во, 1984. – 184 с.
2. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – 156 с.
3. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.etymonline.com/search?q=milk>. – Дата доступа : 27.08.2023.
4. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков [Электронный ресурс] : лекц. курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. Каверина, В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) / В. В. Каверина // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посвящ. памяти Галины Ивановны Рожковой. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 78–92.
6. Чжу, Юцзя. Сопоставление состава согласных звуковых единиц в русском и китайском языках в контексте обучения китайцев русскому произношению / Чжу Юцзя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 2(68) : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 210–215.
7. Вводно-фонетический курс восточного иностранного языка [Электронный ресурс] : Электронный учеб.-метод. комплекс для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология». – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/253331/1/%D0%92%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE-%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0.pdf>. – Дата доступа : 01.10.2023.
8. Функциональная гастроэнтерология [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.gastroscan.ru/handbook/117/365>. – Дата доступа : 01.10.2023.

Поступила в редакцию 13.12.2023

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'37

Жукова Анна Олеговна

аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Zhukava

PhD Student of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anna.lyumi@mail.ru

**НЕПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА
МНОГОЗНАЧНЫХ ТОПОЛОГИЧЕСКИХ
И ДИМЕНЗИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА****NON-SPATIAL SEMANTICS OF POLYSEMANTIC TOPOLOGICAL
AND DIMENSIONAL ENGLISH PREPOSITIONS**

В статье освещаются результаты исследования непространственных значений, которые могут выражаться топологическими и димензиональными многозначными предлогами английского языка. Выявлено, что разные непространственные сферы обнаруживают различную степень детализации в семантике рассмотренных предлогов, проявляющуюся в модификациях и субмодификациях непространственных значений. Данные модификации и субмодификации предопределяются особенностями пространственной семантики предлогов, выражающих соответствующее значение.

Ключевые слова: *семантика; многозначность; топологический предлог; димензиональный предлог; английский язык.*

The results of the research have demonstrated that different non-spatial spheres reveal different degrees of detail in the semantics of topological and dimensional prepositions, manifested in modifications and submodifications of non-spatial meanings. These modifications and submodifications are predetermined by the peculiarities of the spatial semantics of prepositions expressing the corresponding meaning.

Key words: *semantics; polysemy; topological preposition; dimensional preposition; English language.*

Изучению пространственной семантики предлогов посвящены многие труды [1; 2; 3; 4]. Одним из ключевых результатов, полученных лингвистами, является вывод о неоднородности пространственной семантики предложных единиц. В то же время обращение к непространственной семантике предлогов как к предмету исследования наблюдается в отно-

шении отдельных непространственных значений, например, темпорального [5; 6; 7] или в отношении отдельных предлогов [8; 9]. Установлено, что разные пространственные предлоги могут выражать одинаковое непространственное значение [5; 6; 7]. Возникает закономерный вопрос, насколько детально членятся те или иные непространственные сферы. Данная статья посвящена решению этого вопроса.

В исследовании анализу подверглись 24 единицы: 13 топологических единиц, определяющих отношения в координатах оси «внутри – снаружи» и укладывающихся в четыре семантические подгруппы («включение», «исключение», «близкое расположение», «контакт»), и 11 димензиональных единиц, выражающих отношения в рамках трехмерной модели пространства с осями «сверху – снизу», «слева – справа», «спереди – сзади» и подразделяющихся на 4 семантические подгруппы («сверху», «снизу», «спереди», «сзади»).

На основании положения о негомогенности пространственного значения [2] и результатов анализа словарных дефиниций и примеров употребления исследуемых предлогов в словарях ODE [10] и LDOCE [11], контекстов из BNC [12] установлены четыре типа информации (типа семантических признаков), присущие пространственным предлогам: о регионе локализации, о мотивном статусе соотносимых объектов, о видах дистантных отношений между ними, о перцептивном статусе локализуемого объекта [2]. Признаки, связанные с мотивным статусом и дистантными отношениями, могут маркироваться как обязательные, возможные или исключаемые. Например, признак «дирекционал» в семантике предлога *out of* маркируется как возможный (ср. *He is out of town* «Он не в городе», досл. «вне города» [10] и *He got thrown out of the café* «Его выбросили из кафе» [Там же]), а в семантике предлога *outside* он исключается (*They parked outside the school* «Они припарковались возле школы», досл. «за пределами школы» [Там же]). Кроме того, в семантике отдельных предлогов информация о регионе локализации объектов может дополнительно специфицироваться. Например, предлоги *inside*, *within*, *outside* профилируют границы релятума; предлог *beside* соотносит с боковой стороной локализуемого объекта; предлог *next to* указывает на очередность следования объектов.

Как показывает данные, специфика пространственного значения предлога обуславливает тип его непространственного значения. Так, свойство предлога *next to* указывать на очередность следования объектов в пространственном значении находит свое отражение и при его упо-

треблении в значении упорядочивания для выражения степени важности одного из соотносимых объектов, например, *Next to soccer, I like playing tennis best* 'Помимо футбола, мне больше всего нравится играть в теннис'. Отсутствие у других предлогов, выражающих, как и предлог *next to*, отношение близкого расположения, подобного значения подтверждает то, что существует закономерная связь между свойствами пространственной семантики предлогов и их употреблением в непространственных сферах.

Далее, для выявления реестра отношений, выражаемых исследуемыми пространственными предлогами, нами были сопоставлены данные привлеченных словарей, а также имеющиеся в научной литературе классификации. Полагая, что обращение к русскому языку правомерно, поскольку у предлогов как класса слов, характерных для индоевропейских языков, выделяются сходные значения (ср. работы [13], [14]), для собственного списка предложных отношений мы сопоставили две классификации отношений, выражаемых предлогами в русском языке (Н. П. Кравченко [13] и В. В. Виноградова [15]) и две классификации отношений, обозначаемых предлогами в английском языке (Р. Квирка [14] и П. Сен-Дизье [16]). Из данных классификаций мы выделили 10 типов отношений, представленных, по меньшей мере, в трех из них. К ним относятся: пространственное, темпоральное, комитативное, квантитативное, посессивное, генетическое, компаративное, каузальное, модальное и делиберативное значение¹. Этот список мы дополнили такими типами предложных отношений, получающими описание в словарях, как состояние, партитивное, акциональное, лимитативное, сокрытия и упорядочивания. Аблативное значение, указывающее на лишение, удаление, отнятие чего-либо, которое выделяется во всех четырех используемых нами классификациях, не получает своего выражения в рассматриваемых предлогах и не включается в итоговый список. Таким образом, в ходе работы рассматриваются 16 предложных значений.

В результате исследования установлено, что наибольшим количеством непространственных значений обладают топологические предлоги: *on* (восемь значений), *out of* (шесть значений), *in*, *at* (пять значений). Данные единицы характеризуются общей семантикой: они не уточняют выражаемые ими отношения (ср., например, профилирование границ предлогами *within*, *inside* и отсутствие подобного свойства у предлога *in* [17]), не

¹ Объем статьи не позволяет остановиться на особенностях каждого из значений в отдельности.

выдвигают строгих требований к региону локализации (ср., например, тенденцию употребления предлога *alongside* с именами объектов вытянутой формы и отсутствие подобного требования у предлога *at* [18]). Широкая пространственная семантика предлогов, которая включает только базовые, не подлежащие уточнению признаки типа 'включение', 'контакт', 'исключение', 'близкое расположение', позволяет им развивать бóльшее число непространственных значений. У предлогов, характеризующихся специфицированной пространственной семантикой, т. е. включающей признаки, связанные с ограничением региона локализации, либо особыми требованиями к пространственной организации локализуемых объектов (*inside, outside, beside, alongside, above, on top of, below, beneath, underneath, in front of, ahead of*), количество непространственных значений ограничивается одним-двумя. В обобщенном виде непространственные значения, которые выражаются рассмотренными единицами, представлены в таблице.

Непространственные значения, выделяемые в семантической структуре топологических и димензиональных предлогов английского языка

Предлоги \ Значение	темпоральное	партитивное	состояния	акциональное	квантитативное	модальное	каузальное	делиберативное	лимитативное	генетическое	компаративное	комитативное	упорядочивания	посессивное	сокрытия
	Топологические														
<i>in</i>	+	+	+	+		+									
<i>inside</i>	+	+													
<i>within</i>	+	+							+						
<i>outside</i>	+	+							+						
<i>out of</i>		+	+	+			+			+				+	
<i>at</i>	+		+		+	+	+								
<i>beside</i>											+				
<i>next to</i>											+		+		
<i>near (to)</i>	+		+								+		+		
<i>close to</i>	+		+								+		+		
<i>alongside</i>											+	+			
<i>on</i>	+		+	+		+	+	+			+			+	
<i>astride</i>															

Димензиональные															
<i>over</i>	+		+		+	+								+	
<i>above</i>					+									+	
<i>on top of</i>													+	+	
<i>under</i>			+		+		+							+	+
<i>below</i>					+									+	
<i>beneath</i>														+	+
<i>underneath</i>															+
<i>ahead of</i>	+													+	
<i>in front of</i>	+														
<i>behind</i>	+						+							+	+
<i>beyond</i>	+		+		+				+				+		

На этапе контекстного анализа были выделены контексты, в которых предлоги употребляются в непространственных смыслах, выявлены основания для использования того или иного предлога в непространственных значениях и установлены различия в непространственной семантике предлогов при обозначении ими одного и того же значения.

Все 15 непространственных значений, присущих топологическим и димензиональным предлогам, членятся с разной степенью детальности, о чем свидетельствует количество предлогов, употребляющихся для выражения того или иного значения (таблица). Наиболее детально репрезентирована темпоральная сфера: 13 предлогов из 24 рассмотренных выражают временные отношения. Значение упорядочивания присуще 11 предлогам; значение состояния – 9 предлогам; компаративное и квантитативное значения – 6 предлогам; каузальное и партитивное значения – 5 предлогам. Модальное, акциональное значения и значение сокрытия наблюдаются в семантике четырех единиц. Комитативное и лимитативное значения присущи трем единицам. Посессивное значение обнаруживается у двух единиц. Генетическое и делиберативное значения представлены в семантике предлогов *out of* и *on* соответственно.

Большинство (13 из 15) рассмотренных непространственных значений обнаруживают комплексную структуру, в которой выделяется разное количество модификаций. Количество этих модификаций колеблется от одной до пяти. У таких значений, как генетическое и сокрытия, модификации не выявлены. В каузальном и делиберативном значении рассмотренные в исследовании предлоги имеют по одной модификации. Значение упорядочивания имеет пять модификаций (приоритет, подчиненность, иерархия,

ранжирование, степень важности), темпоральное значение – четыре (время – контейнер, время – точка, время – поверхность, время – путь), комитативное значение – три (примыкание, исключение, одновременность событий). У остальных непространственных значений наблюдается по две модификации. Например, в значении состояния исследованными предложениями могут передаваться такие модификации, как внутреннее состояние объекта (ср. *I hear that their marriage is in trouble* ‘Я слышал, что их брак в беде’ [11] и *This whole situation is getting out of control* ‘Вся эта ситуация выходит из-под контроля’ [Там же]) или состояние, обусловленное внешними факторами (ср. *The country is now at war* ‘Страна сейчас в состоянии войны’ [10] и *He was accused of driving under the alcohol* ‘Его обвинили в вождении в нетрезвом состоянии’, досл. ‘под алкоголем’ [11]).

Отдельные модификации непространственного значения выражаются как с помощью разных, так и одинаковых предлогов. Например, модификация темпорального значения «время – контейнер» наблюдается в семантике таких единиц, как *in, inside, within, outside, beyond*; модификация «время – точка» – в семантике *near (to), close to*; модификация «время – поверхность» – в семантике *on, over*; модификация «время – путь» – в семантике *in front of, ahead of, behind*. Предлог *at* обнаруживает две модификации: «время – точка» и «время – поверхность», ср. *The children go to bed at 9 o'clock* ‘Дети ложатся спать в 9’ [10] и *It was at university that he first began to perform* ‘Именно в университете он впервые начал выступать’ [Там же].

Одна и та же семантическая модификация непространственного значения в семантике разных предлогов обнаруживает субмодификации. Например, реализуя модификацию «время – контейнер», предлоги семантических подгрупп ‘включение’ и ‘исключение’ уточняют темпоральные отношения следующим образом: предлог *in* указывает на совершение действия внутри периода или через период времени; предлоги *inside, within* профилируют границы временного контейнера; предлоги *outside, beyond* обозначают совершение действия за пределами временного периода.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что разные непространственные сферы обнаруживают разную степень детализации в семантике топологических и димензиональных предлогов, проявляющуюся в модификациях и субмодификациях непространственных значений. Данные модификации и субмодификации предопределяются свойствами пространственной семантики предлогов, выражающих соответствующее

значение. Количество модификаций и субмодификаций непространственного отношения, а также количество предлогов для его выражения свидетельствуют о степени релевантности отношений в той или иной непространственной сфере в деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маляр, Т. Н.* Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Т. Н. Маляр ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2002. – 44 с.
2. *Тарасевич, Л. А.* Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.
3. *Coventry, K. R.* Saying, Seeing, and Acting: The Psychological Semantics of Spatial Prepositions. Essays in Cognitive Psychology / K. R. Coventry, S. C. Garrod. – Hove : Taylor & Francis Routledge, 2004. – 216 p.
4. *Herskovits, A.* Semantics and pragmatics of spatial prepositions / A. Herskovits // Cognitive Science. – 1985. – Vol. 9. – P. 341–378.
5. *Баринова, И. В.* Семантика предлогов, выражающих временные отношения, в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Баринова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1999. – 24 с.
6. *Хоружая, Ю. Н.* Семантические функции пространственных и временных предлогов в русском и немецком языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Н. Хоружая ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 26 с.
7. *Falck, M. J.* Temporal prepositions explained. Cross-linguistic analysis of English and Swedish unit of time landmarks / M. J. Falck // Cognitive Linguistic Studies. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2014. – P. 271–288.
8. *Юсупова, Ю. Р.* Пространственная и непространственная семантика английских предлогов *at, beside, by, near (to)* и *off* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. Р. Юсупова ; Башк. гос. пед. ун-т. – Уфа, 2006. – 18 с.
9. *Волгина, О. В.* Семантика английского предлога *beyond*: структура полисемии / О. В. Волгина // Актуальные вопросы лингводидактики и лингвистики в контексте современных исследований : сб. ст. участников

- Всерос. науч.-практ. конф., 10 апреля 2017 г. / науч. ред. Л. Н. Набилкина, отв. ред. Д. Л. Морозов. – Арзамас : Арзамас. филиал ННГУ, 2017. – С. 191–194.
10. Oxford Dictionary of English online [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lexico.com>. – Date of access : 12.03.2022.
 11. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ldoceonline.com>. – Date of access: 12.02.2022.
 12. British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc>. – Date of access: 12.02.2022.
 13. Кравченко, Н. П. Семантико- и текстообразующие функции русских предлогов (на материале языка художественной литературы и СМИ) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.01.10. – Краснодар, 2001. – 276 с.
 14. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk [et. al.]. – London : Longman, 1985. – 1791 p.
 15. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд., – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
 16. Saint-Dizier, P. PrepNet: a Multilingual Lexical Description of Prepositions / P. Saint-Dizier // International Conference on Language Resources and Evaluation. – 2006. – P. 1021–1026.
 17. Гурская, А. О. Семантическая структура многозначных пространственных предлогов, обозначающих отношения включения (*in, inside, into, within*) / А. О. Гурская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1. Филология. – Минск, 2020. – № 6 (109) – С. 42–49.
 18. Жукова, А. О. Пространственная семантика английских предлогов, обозначающих близкое расположение / А. О. Жукова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1. Филология. – Минск, 2022. – № 4 (119) – С. 56–69.

Поступила в редакцию 29.06.2023

УДК 811.133.1'342'367

Морозова Лилия Петровна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
лексикологии французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Liliya Morozova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
liliya_morozova@yahoo.fr

Устинович Вера Владимировна

преподаватель кафедры фонетики
и грамматики французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vera Ustinovich

Lecturer of the Department
of French Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ustinovich_vera@yahoo.com

**ПРОСОДИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
СТРУКТУРЫ УСТНОГО СПОНТАННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

**PROSODIC REPRESENTATION OF THE COMMUNICATIVE STRUCTURE
OF AN ORAL SPONTANEOUS UTTERANCE IN FRENCH**

В статье анализируется просодическая реализация тематического компонента коммуникативной структуры устного спонтанного высказывания. Показываются обусловленность просодических характеристик темы ее лексико-синтаксическим наполнением, а также различия в соотношении коммуникативного и внутрискруктурных факторов, определяющих просодическую организацию высказывания в зависимости от совпадения / несовпадения синтаксического и коммуникативного членений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коммуникативная и просодическая структура высказывания; тема; рема; средства выражения компонентного состава.

The article deals with the prosodic realization of the thematic component of oral spontaneous utterance in French. The conditioning of the theme prosodic characteristics by its lexical and syntactic content as well as the differences in the ratio of communicative and internal structural factors determining the utterance prosodic organization in dependence of coincidence/non-coincidence of the syntactic and information structures are shown.

Key words: information and prosodic structure of the utterance; theme; rheme; means of components expression.

Проблема взаимодействия просодии с другими языковыми уровнями в процессе порождения смысла является предметом многочисленных исследований, охватывающих разнообразные аспекты общей проблема-

тики лингвистики высказывания – «enunciation linguistics» [1]: от вклада просодии в актуализацию лексических единиц, обладающих экспрессивным значением, просодического выражения дискурсивных категорий до просодических характеристик как средства дифференциации устных жанров.

В настоящей статье анализируются просодические характеристики тематического компонента и их роль в выражении коммуникативной структуры (КС) высказывания. Целью исследования является выяснение вклада просодии в структурирование информации в дискурсе в ситуации полемической коммуникации, в частности определение соотношения лексико-синтаксической и просодической структур темы, которое, как предполагается, должно позволять коммуникантам определять / вычленять движение мысли в процессе коммуникации и способствовать эффективному взаимодействию.

Интерес к просодическому воплощению темы определяется существенной ролью, которую она играет в развертывании полемического дискурса, в обеспечении связности и логичности мысли.

Материалом для исследования послужили 112 утвердительных высказываний, имеющих синтаксическую структуру «подлежащее-местоимение / подлежащее-имя существительное (именная группа) + сказуемое (дополнения)», отсегментированных из записей французских телевизионных и радиодискуссий *Le Grand face-à-face*, *Débat du jour*, *Le débat des grandes voix*, *C Politique*, *Ça se dispute !* и др. с участием политиков и политических комментаторов (М. Скиаппа, М. Ле Пена, Э. Макрона, Ф. Олланда, Ж.-Л. Меланшона, Э. Земмура и др.).

Исходная гипотеза исследования заключается в том, что, вопреки существующему представлению, во французском языке в прототипических синтаксических конструкциях («подлежащее + сказуемое») синтаксический состав темы получает отражение в просодической организации высказывания. То есть просодия оказывается средством, указывающим на распределение синтаксических составляющих между тематическим и рематическим компонентами.

Для проверки данной гипотезы потребовалось выявить и описать просодические характеристики высказываний с различным лексико-синтаксическим наполнением темы, в частности образованной: а) местоименным подлежащим; б) именным подлежащим; в) подлежащим и сказуемым (частью сказуемого). Сравнительный анализ просодической организации данных видов высказываний был направлен на выявление различий между ними и определение коммуникативного эффекта варьирования просодических характеристик тематического компонента.

Исследование проводилось методом описания, слухового и акустического анализа.

В качестве единиц анализа просодической структуры высказываний в исследовании приняты акцентная группа – последовательность слогов, последний из которых несет ударение, и интонационная синтагма – носитель тонального контура, в структуре которого выделялись: ядро (интонационный центр) – главноударный слог синтагмы, носитель тематического / рематического тона; предцентровая часть, включающая слоги, предшествующие ядерному; заядерная часть (в высказываниях с неконечной локализацией ядра ремы).

Методологические основания исследования

Организация информации, обеспечивающая ее непрерывность и последовательность в дискурсе, анализируется в настоящее время в рамках макроединиц коммуникации (текста, дискурса). Согласно современным теориям, противопоставление между основными компонентами КС – темой и ремой – заключается в степени их активированности. Активированные элементы (контекстом, в сознании говорящих и т. д.), как правило, являются частью темы, тогда как элементы, степень активированности которых равна нулю и которые находятся вне рабочей памяти коммуникантов [2], считаются рематическими.

В настоящее время лингвисты располагают достаточно полными данными о средствах выражения КС устного высказывания и большинство авторов признают, что просодии в этом принадлежит одна из ведущих ролей [3; 4; 5; 6], т. к. она, по словам К. Гуссенховена, «...используется для того, чтобы проложить путь от семантического содержания отдельных морфо-синтаксических составляющих к семантическим категориям информационного статуса»¹ [7, р. 47].

Подчеркивая значимость просодии как средства организации информации, П. Мертенс отмечает, что она обладает определенной самостоятельностью в плане выражения КС высказывания: «Интонация позволяет предсказать информационный статус некоторых элементов без обращения к семантике сообщения или прагматическому контексту» [8, р. 121].

Эта точка зрения разделяется далеко не всеми авторами. В частности, исследователи просодии французской речи полагают, что в предложениях с прототипической синтаксической структурой («подлежащее + сказуемое»), которые характеризуются «нормальным расположением» компонентов («тема + рема»), совпадение синтаксической и коммуникативной

¹ Здесь и далее перевод выполнен авторами.

структур позволяет «минимально обращаться» к просодической сегментации [9], т. е. граница между темой и ремой не отмечается просодическими средствами.

Однако наблюдения над просодией речи показывают, что даже в самых «простых» предложениях просодия не всегда нейтральна по отношению к выражению КС. В таком случае вопрос заключается в том, какими факторами определяется степень участия просодии и посредством каких просодических признаков передается компонентный состав высказывания.

Очевидно, что участие просодии в актуализации КС высказывания предполагает обозначение границы между компонентами КС и /или специфическое просодическое воплощение тематического компонента. Действительно, несмотря на то, что информационный вес темы значительно ниже, чем у ремы, ее положение в дискурсе имеет решающее значение для обработки информации говорящими, т. к. она служит отправной точкой для содержания высказывания и подготавливает рему.

Просодические характеристики прототипической темы

Коммуникативная структура высказываний и протяженность темы определялись на основании анализа семантического и прагматического содержания высказываний с учетом контекста и синтаксической структуры.

В результате анализа установлено, что, как отмечают и другие исследователи, «бинарное деление Th/Rh <...> в большом числе случаев совпадает с разделением SN/SV» [10]:

Il montre que pour certains de nos élèves la laïcité ne protège plus, elle ne libère plus. Elle (T) est un outil de discrimination (R) ‘Это показывает, что некоторых из наших учащихся секуляризм больше не защищает, он больше не дает свободу. Он – орудие дискриминации’.

Этим объясняется тот факт, что во французском языке в нейтральной КС тема, если она соответствует синтаксическому подлежащему, квалифицируется как прототипическая.

Корпус проанализированных примеров содержит высказывания, в которых тема-подлежащее выражена именем существительным или местоимением. Высказывания с подлежащим, выраженным именной группой, были исключены из анализа, поскольку в отобранном материале не было выявлено тем, образованных именной группой и сказуемым (частью сказуемого). Именная группа и сказуемое входят в состав одного компонента только в том случае, если высказывание представляет собой цельную рему, в которой все элементы являются новыми, неактивированными.

Слуховой анализ показал, что в высказываниях с темой-подлежащим, образованным местоимением, на уровне восприятия нет тонального контраста между местоимением и следующим за ним безударным слогом – начальным слогом сказуемого, находящимся у левой границы ремы, что подтверждается акустическими данными: разница в уровне частоты основного тона (F0) между двумя слогами статистически незначима. В то же время тональный разрыв между местоимением и первым ударным слогом – последним слогом глагола сказуемого – перцептивно и статистически релевантен. Ударный слог сказуемого образует тональную вершину, мелодический пик восходяще-нисходящего тонального контура высказывания. Разница средних значений F0 ударного слога сказуемого и следующего за ним безударного слога равна 0,3 н.е.

Effective^{ment} (точка зрения), | *il* (T) *gau^{chit} son pro\gramme* (R) 'Действительно, он делает более «левой» свою программу'.

Таким образом, просодические характеристики темы, выраженной подлежащим-местоимением, показывают, что в такого рода высказываниях интонационный рисунок определяется внутрискруктурными просодическими факторами (атоническим характером местоимения, прототипической для утвердительных высказываний во французском языке восходяще-нисходящей конфигурацией тонального контура) и что просодия не участвует в обозначении компонентного состава.

Тема-подлежащее, выраженная именем существительным, образует в 60 % высказываний единую интонационную синтагму с ремой (частью ремы) и, соответственно, единый тональный контур восходяще-нисходящего типа. Инверсия направления движения мелодии, как правило, происходит на ударном слоге имени, следовательно, на последнем слоге темы.

Для проклитических слогов лексемы, являющейся темой, характерно ровное или слегка восходящее движение, значительный тональный скачок происходит на конечном ударном слоге темы.

Le confine^{ment} (T) | *est une déci'sion poli\tique* (R) 'Карантин – это политическое решение'.

Перцептивная релевантность конечного слога темы усиливается отрицательным тональным контрастом по отношению к первому слогу ремы. Разница в уровне F0 этих слогов составляет 0,43 н.е.

В 40 % проанализированных высказываний тема-подлежащее, представленная существительным, отделяется от рематического сказуемого воспринимаемой паузой и образует самостоятельный тональный контур. Ядерный слог темы является носителем ядерного тона восходящего типа, характеризующегося в большинстве реализаций равномерным измене-

нием высоты голоса в среднем регистре. Ядерный слог темы, выраженной именным подлежащим, как правило, является тональной вершиной восходяще-нисходящего контура.

Просодические характеристики широкой темы

Как было отмечено ранее, соотношение *подлежащее = тема, сказуемое = рема* не является абсолютной нормой в исследованном материале. При сохранении прототипической синтаксической структуры («подлежащее + сказуемое») высказывание может иметь расширенный тематический компонент, включающий в себя подлежащее и сказуемое (часть сказуемого). В этих случаях, несмотря на то, что тема и рема находятся в «нормальной последовательности», конгруэнтность синтаксической и коммуникативной структур нарушена и граница между темой и ремой смещается с логической, ожидаемой локализации.

Как и в случае с прототипической темой, подлежащее, входящее в состав расширенного тематического компонента «подлежащее + сказуемое (часть сказуемого)», представлено местоимением или существительным.

При подлежащем-местоимении правая граница темы проходит после глагола или после зависимого элемента глагола. В проанализированном материале были выделены две основные просодические модели высказываний, содержащих широкую тему с местоименным подлежащим: 1) структура без просодического членения с одним тональным контуром (тема и рема входят в одну синтагму и, следовательно, образуют единый контур); 2) просодическая структура с двумя и более тональными контурами, в которой развернутая тема образует самостоятельную просодическую синтагму и собственный контур.

Для одноконтурных высказываний на участке темы характерна восходящая мелодическая линия. Разница в значениях F0 конечного слога темы и следующего безударного слога статистически не значима, среднее отклонение F0 энклитического слога по отношению к конечному слогу темы – 0,19 н.е.

Je ne l'incrimine pas personnellement là. J'incrimine (T) la Cinquième République (R) 'Я не обвиняю его лично. Я обвиняю Пятую республику'.

В высказываниях, в которых тема, представленная местоименным подлежащим и сказуемым, образует самостоятельную просодическую синтагму, тональный контур тематического компонента также относится к восходящему типу. Ядерный тон темы отличается вариативностью, которая затрагивает характер изменения высоты голоса, регистр и интервал. Большинство тонов расположены в среднем регистре и характеризуются равномерным подъемом.

Il ne connaît pas les alliances. Il ne connaît /pas (T) ; le multilatéralisme (R)
‘Ему незнакомы союзы. Ему незнаком многосторонний подход’.

В исследованном материале все высказывания, тема которых включает именное подлежащее и сказуемое, образуют с ремой единый тональный контур. Мелодическая линия тематического компонента, включая конечный ударный слог, сглажена, что подтверждается акустическими данными: средние значения F0 начального и конечного слогов темы составляют соответственно 1,24 н.е. и 1,29 н.е. Акустические данные свидетельствуют также об отсутствии статистически достоверной разницы между значениями F0 последнего слога темы и первого слога ремы, которая в среднем не превышает 0,07 н.е.

La France n'a pas produit Montaigne. La France n'a pas produit (T) Michel de l'Hospital (R) ‘Франция не дала миру Монтеня. Франция не дала миру Мишеля де Лопиталья’.

Сравнительный анализ просодических характеристик прототипической и широкой тем

Для ответа на вопрос о роли просодии в обозначении границы между тематическим и рематическим компонентами были сопоставлены просодические характеристики высказываний с одинаковой синтаксической структурой, но разным лексико-синтаксическим составом темы.

Тема = местоименное подлежащее vs тема = местоименное подлежащее + сказуемое (одноконтурные структуры)

Слуховой анализ не выявил ярко выраженных перцептивных контрастов в просодической организации данных типов высказываний: в обоих случаях высказывание образует единую синтагму, тональный контур которой характеризуется типичной для утверждения восходяще-нисходящей конфигурацией, а изменение направления движения мелодии происходит после сказуемого (части сказуемого). Различия в просодических признаках рассматриваемых типов высказываний проявляются на участке между ударным слогом сказуемого, образующим мелодическую вершину высказывания, и следующим за ним слогом: в высказываниях с темой, выраженной местоименным-подлежащим, отрицательный контраст между слогами перцептивно релевантен и статистически значим, а в случае широкой темы («подлежащее-местоимение + сказуемое») – нет.

Тема = именное подлежащее vs тема = именное подлежащее + сказуемое (одноконтурные высказывания)

Сопоставление результатов слухового и акустического анализов позволило выявить специфику просодического воплощения темы, представленной именным подлежащим и сказуемым, по сравнению с именной

темой: в высказываниях с широкой темой происходит «сглаживание» мелодической линии тематического компонента и тонального контура в целом, т. е. тональный контур утрачивает характерную для утвердительного высказывания восходяще-нисходящую конфигурацию, а подлежащее – просодическую рельефность, в отличие от темы, выраженной именованным подлежащим, где оно выделяется благодаря контрасту F0 между его ударным (ядерным) слогом и следующим за ним первым слогом ремы.

Можно сделать вывод, что при соблюдении логического порядка «тема = подлежащее, рема = сказуемое» просодическая организация высказываний остается нейтральной по отношению к выражению КС: основную роль играют внутрискруктурные просодические факторы. При нарушении прототипического соотношения синтаксического и коммуникативного членения (смещении сказуемого в тематическую часть) просодия вовлекается в выражение происходящего изменения. Показательно, что модификация просодической структуры высказывания осуществляется за счет снижения просодической рельефности подлежащего, а не за счет смещения тонального пика на сказуемое – конечный элемент темы.

Поскольку в проанализированном материале отсутствуют высказывания с именованным подлежащим, в которых широкая тема выделена в самостоятельную синтагму, сравнение тональных контуров тематического компонента с разным синтаксическим составом не проводилось. Установлено, что наличие паузы, обозначающей правую границу темы, не коррелирует с расширением синтаксического состава тематического компонента. Значимыми представляются два фактора: акцентно-ритмическая структура и прагматика высказывания. Первый фактор структурного порядка вступает в действие, когда первый слог ремы несет выделительное ударение, и во избежание столкновения подряд двух ударений они разделяются паузой.

(...) *c'est qu'on se relève. On se re^{lève} (T) 'tout le _{temps} (R) '(...)* мы снова поднимаемся. Мы снова поднимаемся всякий раз'.

Ключевую роль в распределении пауз в высказывании играет прагматический фактор. Пауза после тематического компонента служит для привлечения внимания собеседника к тому, что будет сказано дальше, т. е. к реме. Она также позволяет подчеркнуть неожиданный характер информации, сообщаемой в тематическом компоненте. Так, журналистка, которая говорит, что хотела бы взять интервью у генерального секретаря полиции Виши, делает паузу, прежде чем назвать его имя, усиливая эффект неожиданности:

– *Avec quelle personnalité vivante ou disparue vous auriez aimé, vous rêveriez de croiser le fer de débat, Géraldine Mulhmann ? – (...)* J'aurais aimé

interview^{er} (T) | *René Bousquet* (R) ‘– С какой ныне живущей или ушедшей личностью Вы хотели бы, Вы мечтали бы скрестить шпаги в дебатах, Жеральдин Мюльман? – (...) Я хотела бы взять интервью | у Рене Буске’.

Выбор тематических тонов и их разновидностей связан с интеллектуальными и эмоциональными установками говорящего. Высокая повторяемость равномерно восходящего тона, расположенного в среднем (средневысоком) регистре, и его «нейтральная», неэмфатическая, семантика позволяют считать его прототипическим для тематического ядра при любом лексико-синтаксическом составе темы-подлежащего. Резко восходящий тон придает теме статус топика – периферийного компонента коммуникативной структуры «вне клаузы» [5], который находится в левой части высказывания и который затем в предложении выражается местоимением [8] (*quant à, pour ce qui est de...* ‘что касается...’):

L'Italie (T) *est un cas extrêmement intéressant à regarder* (R) ‘Италия (зд.: что касается Италии...) – очень интересный случай для рассмотрения’.

Ускоренно-замедленный восходящий тон выявлен в параллельных конструкциях, в которых он выражает желание говорящего продолжать и сохранить за собой слово.

On a eu l'orléanisme. On a eu le bonapartisme. ... On a eu (T) | *le jacobinisme* (R) ‘У нас был орлеанизм. У нас был бонапартизм... У нас было якобинство’.

Исследование просодических характеристик темы и их вариативности в зависимости от ее лексико-синтаксического состава свидетельствует о том, что во французской устной спонтанной речи просодическая структура высказывания является результатом ряда когнитивных операций. В процессе порождения и восприятия устного сообщения собеседники одновременно обрабатывают информацию разного порядка, включающую контекст, семантическое содержание и синтаксическую структуру высказываний, замысел говорящего, внутренние просодические механизмы. Можно сказать, что, когда контекст, семантика и синтаксис достаточно эксплицитны и передают иерархию информации, просодия остается нейтральной. В этих случаях просодическая структура определяется в основном внутрисктурными факторами и служит метрической, ритмической и мелодической канвой высказывания.

Напротив, при обогащении содержания имплицитными смыслами или отклонении коммуникативной структуры от прототипической, ожидаемой, именно просодия берет на себя основную роль. Так происходит в высказываниях, в которых тема в результате включения сказуемого выходит за пределы подлежащего, т. е. не соблюдается прототипическое соотношение «подлежащее = тема, сказуемое = рема». Просодическая организация

претерпевает в этом случае существенные изменения: утрачивается типичная для утвердительного высказывания восходяще-нисходящая конфигурация тонального контура, характеризующаяся перцептивно значимым тональным пиком на первом ударном слоге, сглаживается просодический рельеф тематического компонента и тонального контура высказывания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Angermuller, J.* The discourse studies reader. Main currents in theory and analysis / J. Angermuller, D. Maingueneau, R. Wodak. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2014. – 417 p.
2. *Kibrik, A.* Reference in discourse / A. Kibrik. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2011. – XXX, 651 p.
3. *Morel, M.-A.* Grammaire de l'intonation. L'exemple du français / M.-A. Morel, L. Danon-Boileau. – Gap ; Paris : Ophrys, 1998. – 231 p.
4. *Rossi, M.* L'intonation : le système du français : description et modélisation / M. Rossi. – Gap ; Paris : Ophrys, 1999. – 237 p.
5. *Beysade, C.* Prosodic Marking of Information Focus in French [Electronic resource] / C. Beysade, B. Hemforth, J.-M. Marandin, C. Portes // Actes de l'IDP (Paris, 9–11, septembre 2009). – Mode of access: <https://www.yumpu.com/en/document/read/52843131/actes-proceedings>. – Date of access: 27.06.2019.
6. *Lacheret-Dujour, A.* Schématisation discursive et schématisation intonative : question de genre ? / A. Lacheret-Dujour, M. Avanzi, B. Victorri // Approches sémantiques de l'oral. – 2014. – № 4. – P. 39–70.
7. *Gussenhoven, C.* Intonation and interpretation: phonetics and phonology / C. Gussenhoven // Speech Prosody 2002 : proc. of the first intern. conf. on speech prosody / Univ. de Provence ; ed. : B. Bel, I. Marlien. – Aix-en-Provence, 2002. – P. 47–57.
8. *Mertens, P.* Syntaxe, prosodie et structure informationnelle : une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours / P. Mertens // Travaux de linguistique. – 2008. – № 56. – P. 97–124.
9. *Durin, J.* Intonème/Syntagme / J. Durin // Revue des études slaves / Communications de la délégation française au Xe Congrès international des slavistes, Sofia 14–22 septembre, 1988. – Tome 60. – Fascicule 1. – Paris-Sorbonne, 1988. – P. 77–101.
10. *Combettes, B.* Hiérarchie et dépendance au niveau « informationnel » : la perspective fonctionnelle de la phrase / B. Combettes // L'Information Grammaticale. – 1991. – № 50. – P. 48–51.

Поступила в редакцию 03.11.2023

Паремская Светлана Витальевна
преподаватель кафедры второго
иностранного языка (немецкий)
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Sviatlana Paremskaya
Lecturer of the Department of the second
foreign language (German)
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
swetaparevskaja@yandex.ru

ПАДЕЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОГА *ab* В ДИАХРОНИИ

PREPOSITION *ab* IN DIACHRONY: CASE GOVERNMENT AND SEMANTIC FEATURES

В результате диахронного анализа предлога *ab* выявлено, что в ходе исторического развития немецкого языка произошли изменения формы предлога, падежного управления и семантики. Определена семантическая структура предлога *ab* на разных этапах развития языка. В результате сопоставительного анализа раскрыта неравномерность развития семантики предлога в процессе эволюции немецкого языка: ее расширение к ранневерхненемецкому периоду и сужение к нововверхненемецкому периоду.

Ключевые слова: предлоги; диахрония; изменения; частотность; древневерхненемецкий период; средневерхненемецкий период; ранненоверхненемецкий период; нововверхненемецкий период; семантика; пространственное значение; сужение семантики.

As a result of the diachronic analysis of the preposition *ab*, it has been revealed that in the course of the historical development of the German language there have been changes in the form of the preposition, case government and semantics. The structure of semantic structure of the preposition *ab* at different stages of language development is defined. As a result of the comparative analysis, the uneven development of the preposition semantics during the evolution of the German language was found out: its expansion by the Early New High German period and narrowing by the New High German period.

Key words: prepositions; diachrony; frequency; diachronic changes; Old High Germanic period; Middle High Germanic period; early New High Germanic period; New High Germanic period; semantics; spatial meaning; narrowing of semantics.

Предлоги являются динамически развивающимся классом служебных слов. Отвечая потребности более полного и точного выражения необходимого содержания, немецкий язык постоянно пополняется новыми словарными единицами, в том числе и предлогами. В результате этого процесса в ходе исторического развития количество предлогов в немецком языке постоянно увеличивалось [1, с. 177; 2, с. 185]. Одновременно с количественным пополнением группы предлогов происходили и каче-

ственные изменения уже имеющихся в языке лексических единиц, относящихся к данному классу слов: развивались их морфологические и синтаксические свойства, изменялась их семантика [1, с. 181].

В немецком языке развитие предлогов как служебной части речи происходило под влиянием многих факторов, прежде всего, как утверждают В. М. Жирмунский, Н. И. Филичева, В. Шмидт, вследствие их вовлеченности в происходящие изменения в строе языка, в частности, в его падежной системе [1, с. 174; 2, с. 272; 3, S. 163]. При этом, как позволяет судить анализ литературы, у разных предлогов в ходе эволюции наблюдались схожие изменения грамматических и семантических характеристик, на основании чего можно говорить о наличии определенных тенденций в развитии группы предлогов немецкого языка. Выявление и описание этих тенденций возможно только на основе диахронического анализа отдельно взятых предлогов.

Эволюционные процессы наиболее существенно затронули первичные, или, как их еще называют, первообразные предлоги, которые вошли в состав немецкого языка на самых ранних этапах его развития. Эти единицы были заимствованы в немецкий язык из других древних языков. Многие из них до сих пор функционируют в немецком языке, образуя в нем особую, относительно замкнутую группу. Важной исходной характеристикой этих первичных предлогов является непрозрачность внутренней формы. Невозможно установить, когда и из какого языка-источника они появились в германских наречиях, и в связи с этим трудно точно определить, какой деривационный путь эти словарные единицы проделали. Не случайно Я. Гримм образно называет первичные предлоги «самыми темными единицами языка» [4, S. 242].

Среди первичных предлогов выделяют группу слов индогерманского происхождения, в которую входят предлоги *ab*, *an*, *in*, *um*, *zu* [5, S. 186]. Анализ частотности этих предлогов в современном немецком языке, проведенный Л. А. Тарасевич на репрезентативном материале, показал, что предлоги *in*, *an*, *auf*, *zu* относятся к наиболее частотным, а *ab* является, по сравнению с ними, менее употребительным предлогом [6, с. 62]. При сравнении доли употреблений предлогов индогерманского происхождения в пространственном значении с общим количеством вхождений в корпус было установлено, что в настоящее время *ab* функционирует в немецком языке, в основном, как наречие и только приблизительно в каждом третьем случае употребления является предлогом [6, с. 61]. Можно предположить, что это обусловлено либо изначально меньшим семантическим объемом предлога *ab*, либо сужением его семантики в ходе исторического развития. В данной работе представлены результаты анализа

предлога *ab* в диахронии, которые могут способствовать раскрытию общих тенденций в развитии системы предлогов немецкого языка. Анализ проводился на основе следующих словарей: словаря Я. Гримма и В. Гримма [7], этимологического словаря немецкого языка [8], словарей древневерхне-немецкого языка [9], средневерхненемецкого языка [10], ранневерхненемецкого языка [11] и нововверхненемецкого языка [12].

Согласно словарным данным, предлог *ab* 'от, из' восходит к индогерманскому слову *apo* и имеет эквиваленты в некоторых индоевропейских языках, например, в латинском языке в форме *ab*, в греческом в форме *apó* и т.д. В древневерхненемецком периоде этот предлог еще сохранял внешнюю связь со своим индоевропейским прообразом и имел двойную форму – *ara* с глухим согласным *r* и *aba* со звонким *b*. Однако уже в этом периоде гласная *a* в конце слова, как указывают Я. и В. Гримм, иногда опускалась, и предлог постепенно начинал приобретать односложную структуру [7]. В средневерхненемецком периоде этот процесс продолжился, и предлог приобрел форму *ab(e)* с факультативным и более слабым в фонетическом отношении гласным *e* [7].

Важным синтаксическим свойством предлогов является их способность выступать средством управления при глаголах, существительных и прилагательных. Лингвисты говорят в этой связи о валентности предлогов, которая реализуется во внутренней структуре предложных конструкций [6, с. 23]. Анализ предлога *ab* в диахронии показал, что его правая, активная валентность в ходе исторического развития немецкого языка постепенно менялась. В древневерхненемецком и средневерхненемецком периодах *ab* управлял только одним падежом – дательным. В современном немецком языке предлог *ab* управляет уже двумя падежами – дательным и винительным. При этом при некоторых значениях, а именно во временном значении и при указании на порядок следования существительное может употребляться после *ab* в обоих падежах, в дательном и винительном, например: *ab kommendem/(auch:) kommenden Montag* 'со следующего понедельника'. В грамматиках фиксируется также употребление *ab* с именительным падежом: *Abfahrt 7.20 Uhr ab alter Bahnhof* 'Отъезд в 7.20 со старого вокзала' [13, S. 702].

Следует отметить, что в некоторых нормативных грамматиках *ab* относят еще и к группе предлогов «с неопознаваемым падежом» (*Präpositionen ohne erkennbaren Kasus*) [14, S. 360]. Это касается случаев, когда существительное употребляется без артикля и определения и не имеет окончания, напр.: *ab Werk, ab Lager: Der Preis des Wagens beträgt ab Werk 4300 Euro* 'Цена автомобиля с завода-поставщика составляет 4300 евро'. Такие предложные конструкции являются устойчивыми и используются в профессиональной терминологии.

Анализ контекстов показал, что в ходе эволюции немецкого языка многие глаголы и существительные перестали употребляться с предлогом *ab*, а начали вместо него сочетаться с другими предлогами: *über*, *vor*, *von* и *aus*. Например, *der könig grosz verwundern ab dem ritter nam* → Теперь: *der König wunderte sich über den Namen des Ritters* 'Король удивился имени рыцаря', *die fischer haben ein grosze forcht ab solchen fischen* → Теперь: *die Fischer haben große Angst vor solchen Fischen* 'Рыбаки очень пугаются при виде таких рыб'.

Во многих случаях в ходе развития языка произошла замена предлога *ab* на предлог *von*, например, в древневерхненемецком периоде: *daz sie mih aba uuege ne leiten* 'что они меня не уводят с дороги'; *er nam sie aba des unrehtes wege* 'он забрал ее с неверного пути'; *nemen sie aba der erdo* 'они берут с земли'; *ih kieng aba uuege* 'я ушел с дороги'; в средневерхненемецком периоде: *entkummt niht ab dem bette* 'не уходит с кровати', *das vingerlin ab der hant gewinnen* 'получить, заслужить пальчик руки', *ab ir munde ein küssen versteln* 'украсть поцелуй с ее губ', *ich wird ab aller leide erlöst* 'меня освобождают от всякого страдания', *ab dem pferde si da trat* 'она слезла с лошади', *ab dem esel saz er da* 'он слез с осла'. В современном языке вместо *ab* может употребляться и предлог *aus*, например, *ab augen*, *ab herzen*, сейчас это *aus den Augen* 'из вида, с глаз', *aus dem Herzen* 'из/от сердца'.

Как следствие данных изменений отмечается снижение употребительности предлога *ab*. На ранних этапах предлог «широко господствовал» в языке, но в средневерхненемецком периоде его употребительность начала постепенно уменьшаться. Я. Гримм и В. Гримм в этой связи писали, что уже в средневерхненемецком периоде предложная сила *ab* начала угасать и уступать более молодому предлогу *von* [7]. К такому же выводу приходит и С. Вандельбергер, которая провела исследование данного предлога на материале средневерхненемецкого языка. По данным автора, предлог *ab* встречается в исследуемом материале только 43 раза, а предлог *von* более 7 000 раз [15, S. 12]. В дальнейшем эта тенденция сохранилась.

Значительные изменения произошли и в семантике предлога *ab*. Как показывает анализ языкового материала, содержащегося в указанных выше лексикографических источниках, *ab* являлся на протяжении всей истории развития немецкого языка многозначным предлогом. Согласно Э. Г. Граффу, *aba* имел в древневерхненемецком периоде пространственную семантику. Пространственное значение предлога было негомогенным и включало в себя несколько компонентов значений, а именно: направление или движение от чего-то, происхождение вещи или лица, удаление или отделение вещи или лица от другой вещи или лица. Э. Г. Графф описывает оттенки пространственного значения предлога *ab* с помощью

конструкций «*von – weg*», «*von – hinab*», «*von – her*»: *daz sie mih aba uuege ne leiten* 'что они меня не увели от дороги', *nehmen sie aba der erdo* 'они берут с земли', *aba in (den Bergen) chumet si (die Sonne)* 'с гор пришло солнце', *der aba dero erda in den mere geuorfen uuord* 'который с земли был брошен в море'. Э. Г. Графф отмечает, что в древневерхненемецком периоде предлог *ab* употреблялся в основном в пространственном значении. Уточняющее пространственное значение «происхождение вещи или лица», по мнению Е. Г. Граффа, описываемое с помощью конструкции «*von – weg*», уже изначально несло в себе сему каузальности, которая могла служить основой для использования предлога при обозначении средства или причины, т.е. была основой становления каузального значения как отдельного, что предопределяло многозначность предлога. По мнению Е. Г. Граффа, отдельные случаи употребления этого предлога в некоторых диалектах также свидетельствуют о том, что он мог обозначать в древневерхненемецком периоде не только пространственные, но и каузальные отношения, например: *ich hör vil liuten ab iuh klagen* 'я слышал, многие люди жаловались на него' [16, S. 216].

В средневерхненемецком и ранненововерхненемецком периодах предлог *ab* еще сохранял каузальное значение. В нововерхненемецком периоде это значение в семантической структуре предлога уже не фиксируется. Так, если ранее употреблялись выражения *nicht erschrecken ab wirbeln* 'не пугаться бурления', *er zitterte ab diesen worten* 'он дрожал от этих слов', *so tapfer und menlich, dazs man sich oft ab seiner gegenwertigkeit entsetzt* 'такой храбрый и мужественный, что от его присутствия приходят в ужас', *ab solcher strengheit erschracken sie* 'от такой строгости они испугались', то в современном немецком языке в подобных контекстах употребляются предлоги *vor* и *über*.

В современном немецком языке предлог *ab* используется для обозначения пространственных отношений при указании на исходный пункт действия или движения, например: *ab Berlin* 'от/из Берлина', *ab Bayrischer Bahnhof* 'от/с Баварского вокзала'. В семантической структуре этого предлога появилось временное значение, и он начал употребляться при указании на момент или время отсчета действия, например: *Jugendliche ab 18 Jahren/Jahre* 'молодые люди, начиная с 18 лет'. В качестве отдельного в словарях фиксируется еще и новое значение очередности: *ab nächster/nächste Ausgabe* 'начиная со следующего издания' [17].

Таким образом, анализ значений предлога *ab* в разные периоды развития немецкого языка позволяет проследить динамику развития значения данного предлога. В обобщенном виде семантическая структура предлога *ab* в разные периоды развития немецкого языка представлена в таблице.

Семантика предлога *ab* по периодам развития немецкого языка

Значение	Компонент	Древне- верхне- немецкий	Средне- верхне- немецкий	Ранненово- верхне- немецкий	Ново- верхне- немецкий
пространствен- ное	направление	+	+	+	
	происхож- дение	+			
	удаление	+		+	
	исходный пункт				+
временное					+
каузальное		+	+	+	
инструмен- тальное				+	
порядка следования					+
предмета речи				+	

Как следует из таблицы, на разных временных срезах предлог *ab* демонстрирует разное количество значений: по два значения в древневерхненемецком и средневерхненемецком периодах, четыре значения в ранненововерхненемецком периоде и три значения в нововверхненемецком периоде.

В древневерхненемецком периоде у данного предлога выделяются два значения – пространственное и каузальное, причем пространственное значение включает в себя три компонента: направление, происхождение и удаление.

В средневерхненемецком периоде в словарях зафиксирован только один компонент пространственного значения предлога *ab*, а именно направление. Каузальное значение предлога сохраняется.

В ранненововерхненемецком периоде число значений предлога *ab* расширяется: он начинает выражать, кроме пространственного и каузального, еще и инструментальное значение, а также значение предмета речи. Пространственное значение включает в этом периоде два компонента – направление и удаление.

В словаре нововверхненемецкого периода зарегистрировано два новых значения предлога *ab*, а именно временное и порядка следования. По сравнению с ранневерхненемецким периодом семантика *ab* сужается.

В семантической структуре предлога исчезают ранее отмечавшиеся пространственные значения, инструментальное и предмета речи. Начиная с этого периода, предлог *ab* также не используется больше для выражения каузальных отношений. Меняется исконно присущее ему пространственное значение: он больше не выражает отношения направления, происхождения и удаления, но используется для обозначения исходного пункта.

Таким образом, диахронное исследование немецкого предлога *ab* показало, что в ходе исторического развития произошли существенные изменения его морфологических и семантических свойств. Изменились звуковая и начертательная формы слова. Расширилась падежная палитра, т. е. увеличилось число падежей, которыми управляет данный предлог: он стал употребляться не только с дательным падежом, но и с винительным и именительным падежами.

Сопоставительный анализ семантики предлога *ab* в разные исторические периоды показал, что развитие его семантической структуры характеризуется разнонаправленными тенденциями – от сужения к расширению и наоборот. Установлены также существенные изменения пространственного значения предлога *ab* в сторону редукции его компонентов.

Данные словарей свидетельствуют о том, что предлог *ab* сузил свои семантические свойства. Можно предположить, что он был вытеснен другими предлогами, что требует дальнейшего исследования.

Установленные в ходе диахронного анализа изменения предлога *ab* в сфере его управления и его семантики позволяют поставить на повестку дня вопрос об изменении в сферах его действия (расширение и сужение). Это указывает на возможность разнонаправленных тенденций в эволюции предлогов. Для выявления этих тенденций необходим анализ каждого отдельно взятого предлога. Это поможет установить, как формировалась система предлогов немецкого языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский, В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. – 300 с.
2. Филичева, Н. И. История немецкого языка : учеб. пособие / Н. И. Филичева. – М. : Академия, 2003. – 304 с.
3. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik : Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre / W. Schmidt. – 3., verb. Aufl. – Berlin : Volk und Wissen Volkseigener Verl., 1967. – 323 S.
4. Grimm, J. Deutsche Grammatik. Th. 3 / J. Grimm. – Gütersloh : Bertelsmann, 1890. – 746 S.

5. *Hoffman, L.* Funktionale Grammatik und Sprachvergleich / L. Hoffman, V. Naumovich, L. Selmani. – Berlin : Erich Schmidt Verl. Gmbh & Co., 2018. – 235 S.
6. *Тарасевич, Л. А.* Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением : на материале нем. и рус. яз. : моногр. / Л. А. Тарасевич ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.
7. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Electronic resource] // Woerterbuchnetz. – Mode of access: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#0>. – Date of access: 09.08.2021.
8. Duden : Das Herkunftswörterbuch : in 12 Bd. – 7., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim : Dudenverl., 2006. – Bd. 7 : Etymologie der deutschen Sprache / Hrsg. von der Dudenred. – 960 S.
9. Althochdeutsches Wörterbuch [Electronic resource] // Woerterbuchnetz. – Mode of access: http://awb.saw-leipzig.de/cgi/WBNetz/wbgui_py?sigle=WB. – Date of access: 06.06.2023.
10. Mittelhochdeutsches Wörterbuch [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mhdwb-online.de/wb.php?buchstabe=A&portion=0>. – Date of access: 12.06.2022.
11. Ab Präposition [Electronic resource] // Frühneuhochdeutsches Wörterbuch. – Mode of access: <https://fwb-online.de/search?q=ab&type=&search>. – Date of access: 12.06.2022.
12. Ab Präposition [Electronic resource] // Duden. – Mode of access: – https://www.duden.de/rechtschreibung/ab_Praeposition. – Date of access: 04.07.2022.
13. *Engel, U.* Deutsche Grammatik / U. Engel. – 2., verb. Aufl. – Heidelberg : Groos, 1991. – 888 S.
14. *Helbig, G.* Deutsche Grammatik : Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – 6. unveränd. Aufl. – Leipzig : VEB Verl. Enzyklopädie, 1980. – 629 S.
15. *Wandelberger, S.* Präpositionen und Präpositionalphasen im Mittelhochdeutschen / S. Wandelberger. – Tuebingen : Max Niemeyer Verl., 2009. – 241 S. – (Studien zur Mittelhochdeutschen Grammatik ; Bd. 3).
16. *Graff, E. G.* Die althochdeutschen Präpositionen : Ein Beitrag zur deutschen Sprachkunde und Vorläufer eines althochdeutschen Sprachschatzes nach den Quellen des 8ten bis 11ten Jahrhunderts / E. G. Graff. – Königsberg : Gebruder Bortrager, 1824. – 330 S.
17. Duden : Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. den Mitarb. der Dudenred. unter der Leitung von G. Drosdowski. – 2., völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1989. – 1816 S.

Поступила в редакцию 10.10.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.1'373

Котов Кирилл Алексеевич

аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Kiryl Kotau

PhD Student of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
Kirillkotov298857746@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»
(на материале современного русского языка)

TO THE QUESTION OF THE BOUNDARIES
OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD "HUMAN APPEARANCE"
(on the Material of Contemporary Russian Language)

Статья посвящена определению границ лексико-семантического поля «Внешность человека» в современном русском языке. Анализируются подходы к понятию внешности в различных науках: психологии, криминалистике, литературоведении, языкознании и т.п. Рассматривается соотношение наименований элементов внешности человека и соматизмов. На основании классификаций элементов внешности в криминалистической габитоскопии и частотного исследования в художественном дискурсе формируется реестр анатомических элементов внешности человека, подчеркивается специфика партитивных отношений между этими элементами. В заключении статьи формулируется обобщенное определение понятия внешности человека.

Ключевые слова: внешность человека; лексико-семантическое поле; границы; частотность; дискурс.

The article is dedicated to defining the boundaries of the lexico-semantic field "Human Appearance" in contemporary Russian language. It analyses various approaches to the notion of appearance in different fields of science, including psychology, criminology, literary studies, linguistics, etc. The article explores the relationship between the names of human appearance elements and somatisms. Based on the classifications of appearance elements in forensic habitoscopy and frequency analysis in artistic discourse, a set of anatomical elements of human appearance is established. The article emphasizes the specificity of partitive relationships between these elements. In the conclusion, a generalized definition of human appearance is formulated.

Key words: human appearance; lexico-semantic field; boundaries; frequency; discourse

В современной науке системный подход к изучению действительности занимает центральное место как один из основополагающих методологических принципов.

В лингвистике системный подход находит свое воплощение в теории поля, которая является важным инструментом анализа языковых явлений. Теория поля рассматривает язык как систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых имеет свое место и функцию. В современном языкознании выделяют лексико-семантические, лексико-грамматические, функционально-семантические, коммуникативно-прагматические, словообразовательные и другие виды полей. В основе такого разнообразия лежит комплексный характер языка как объекта исследования. В нашей работе мы оперируем понятием *лексико-семантическое поле* (далее ЛСП) и понимаем его, вслед за Ю. Н. Карауловым, как «группу слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [1, с. 57].

В качестве соответствующего лексико-семантического поля может быть представлена совокупность лексических единиц, актуализирующих в языке внешность человека. Однако применение полевого подхода сопряжено с некоторыми трудностями. Так, говоря о проблематике теории поля, Ю. Н. Караулов отмечает, что поле является результатом исследовательского произвола, детерминируемого лишь задачами описания, то есть единственного разделения языка на семантические поля не существует [2, с. 34]. Более того, поле представляет собой незамкнутую систему, набор конститuentов которой может варьироваться.

В связи с вышеупомянутыми сложностями цель данной статьи – выработать подход к определению границ ЛСП «Внешность человека» в современном русском языке и установить реестр его конститuentов.

Внешность человека оказывает значительное влияние на различные аспекты жизни, включая социальное взаимодействие, возможности достижений, самооценку и т.п. Как отмечает С. Н. Яременко, «чтобы жить и быть в мире, человек должен, прежде всего, быть воплощен в этом мире, занимать в нем определенное пространство, быть осязаемым, зримым, телесным. Кроме разума, совести, долга и т.п., у человека есть плоть, голос, походка, мимика, жесты, он облачает свое тело в одежду, надевает на него украшения и т.п.» [3, с. 4]. То есть человек имеет внешнее проявление, которое составляет важную часть его идентичности.

Являясь значимым фактором в жизни человека, внешность становится объектом исследования широкого круга наук – психологии, социологии, криминалистики, правоведения, этнологии, антропологии, культурологии, философии, литературоведения, языкознания и т.п. Каждая наука рас-

смаатривает данный феномен под свойственным ей углом зрения и фокусируется на тех или иных аспектах с учетом своих специфических целей и задач. Например, психологи изучают внешность как отражение внутреннего мира человека, его характера и эмоционального состояния. В социологии внешность понимается как проявление социальной принадлежности, статуса и роли. В рамках криминалистики внешность выступает инструментом идентификации личности. Этнологи понимают внешность как набор физических признаков, которые позволяют определить этническую принадлежность индивида. В контексте культурных традиций и различий внешность исследует культурология. В литературоведении внешность является одним из средств создания образа персонажа и т.п.

Таким образом, в различных областях знания рассматриваются разные аспекты внешности человека, поэтому не существует универсального, общего для всех наук определения этого феномена. Так, психология часто оперирует понятием *внешний облик*, поскольку «внешность сама по себе является конфигурацией анатомо-физиологического конструкта телесной организации человека. Однако в психологическом познании заметную роль во внешнем облике играют ее динамические проявления и оформление одеждой и косметикой. За счет этого представление о внешности человека расширяется до понятия “внешний облик”» [4, с. 41]. Внешний облик (ВО), в свою очередь, определяется многими учеными-психологами «как образование, состоящее из компонентов, которые отличаются степенью изменчивости: 1) устойчивый компонент ВО (индивидуально-конституциональные характеристики человека: лицо, телосложение); 2) среднеустойчивый (оформление ВО: прическа, косметика, украшения, одежда) и 3) динамический компонент (экспрессивное, невербальное поведение, сопряженное с состояниями и отношениями личности)» [5, с. 13]. Таким образом, к понятию *внешность* в психологии относят индивидуально-конституциональные характеристики человека, представляющие собой наиболее устойчивый, стабильный компонент его внешнего облика. Однако остается открытым вопрос о том, насколько возможно провести границы между выделенными в психологии компонентами, руководствуясь предложенным принципом изменчивости, поскольку и лицо, и телосложение в течение жизни человека могут подвергаться изменениям, в том числе значительным.

В правоведении также применяется понятие *внешний облик*, однако его трактовка уже таковой в психологии: внешний облик – «нематериальное благо, принадлежащее гражданину от рождения, неотчуждаемое и не пере-

даваемое иным способом» [6, с. 14]. Из этого определения следует, что среднеустойчивые и динамические компоненты (в приведенных выше терминах психологии) – прическа, косметика, одежда, украшения, невербальное поведение и т.п. – в правоведении не включаются в понятие внешнего облика, так как не принадлежат человеку от рождения и могут быть подвергнуты отчуждению.

В криминалистической габитоскопии («криминалистическое учение о внешнем облике человека» [7, с. 7]) понятие *внешность* отождествляют с понятием *внешний облик человека*, а ключевым фактором ограничения понятия для многих ученых-криминалистов выступает фактор зрительного восприятия: под внешним обликом человека понимается «совокупность зрительно воспринимаемых внешних данных» [8, с. 15; 9]; «система элементов (частей, деталей), которые можно вполне определенно выделить при визуальном изучении объекта» [10, с. 3]. Некоторые ученые-криминалисты включают в понятие внешности также речь и голос [7, с. 20], расширяя его границы за счет привлечения других модусов перцепции.

В рамках лингвистического исследования, однако, важно рассмотреть внешность человека как феномен, получивший широкую репрезентацию в языке. Словесная репрезентация внешности человека исследуется в литературоведении и языкознании.

Так, в литературоведении внешность, как правило, выступает в качестве одного из элементов портрета персонажа, который также может включать в себя, например, психологическую характеристику: «портрет – это отображение внешних черт облика героя, стиля его поведения, описание его поступков, строя его мыслей» [11, с. 6]. То есть «в литературе внешность выступает в качестве вспомогательного определения, не претендующего на терминологическую самостоятельность» [12, с. 64] и является частью так называемого словесного (художественного) портрета.

В качестве самостоятельного объекта исследования языковая репрезентация внешности человека широко представлена в современном языкознании, в рамках которого существует множество определений этого феномена. Например, согласно узкому определению, к внешности относят лишь анатомические параметры, понимая под внешностью человека отражение аспектов его физиологической характеристики [13, л. 221–222].

При широком понимании внешности, помимо анатомических, авторы также выделяют функциональные параметры (голос, мимика, жесты, манеры, походка, осанка, речь) и социальные параметры (одежда, украшения, косметика) [14, л. 15–16; 15, с. 97].

Как и ученые-криминалисты, некоторые лингвисты оперируют фактором зрительного восприятия в качестве средства ограничения понятия: «Внешность – совокупность всех разнообразных черт наружности, доступных зрительному восприятию» [16, с. 4; 17, с. 77]. Однако автор в зависимости от задач может привлекать и другие модусы перцепции, включая в понятие внешности «все, что доступно чувственному восприятию», в том числе характерные привычки [18, с. 6].

Значительное число отличных по своему содержанию дефиниций внешности в лингвистических работах заставляет нас в поисках обобщенного определения обратиться к толковым словарям, в первую очередь академическим, как содержащим наиболее подробные и полные толкования слов. Так, «Словарь современного русского литературного языка» определяет внешность следующим образом: «наружный вид, наружность» [19, с. 471]. В Большом академическом словаре внешность трактуется как «внешний облик, черты лица, наружность» [20, с. 645]. Словари, направленные на широкий круг читателей, дают аналогичные определения. Например, толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова и толковый словарь под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой толкуют внешность как «наружный облик человека» [21, с. 137; 22, с. 88]. Таким образом, при толковании внешности авторы рассмотренных словарей обращаются к понятию наружного, то есть доступного непосредственному наблюдению.

Иной подход представлен в словаре под редакцией Д. В. Дмитриева: «Внешность – это лицо человека, его фигура, одежда, совокупность характерных особенностей его облика» [23, с. 131]. Автор выделяет во внешности ряд содержательных компонентов. Однако из данного определения неясно, каковы составные элементы лица, фигуры, одежды? Входят ли в понятие внешности конечности (руки и ноги)? Если одежда относится к внешности, то принадлежат ли к внешности аксессуары и украшения? Что именно следует причислять к характерным особенностям облика человека?

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой организации внешности человека: следует ли рассматривать внешность как целостное образование или как совокупность отдельных взаимосвязанных компонентов (и каков их состав).

В лингвистике уже отмечалось, что внешность человека может быть описана как в партитивном (совокупность отдельных компонентов), так и в целостном виде [24] как результат сукцессивного (последовательного) или симультанного (одномоментного) узнавания соответственно [7, с. 5].

При сукцессивном узнавании, по мысли Т. В. Ульяновой, общий образ человека формируется на основе выделения и дифференциации отдельных признаков внешности. Именно сукцессивное узнавание, согласно автору, лежит в основе отождествления с конкретным лицом, образ которого сохранился в памяти другого человека [25, л. 39]. Несмотря на то, что сложный образ не сводим к сумме своих признаков [26], партитивный подход к описанию внешности человека нам кажется более подходящим для достижения поставленной цели, поэтому мы рассматриваем внешность человека как состоящую из отдельных компонентов.

Однако возникает закономерный вопрос: какие именно компоненты включает в себя внешность человека? Мы считаем целесообразным относить к внешности только наружные анатомические признаки человека, так как они доступны внешнему наблюдению, являются более устойчивыми (стабильными) во времени по сравнению с другими (функциональными, социальными), и, как было показано выше, присутствуют в абсолютном большинстве существующих в разных науках определений внешности.

В попытке установить реестр наружных анатомических признаков внешности мы обратились к идеографическим и тематическим словарям. Однако их авторы не приводят отдельное лексико-семантическое поле «Внешность человека», выделяя при этом такие ЛСП, как «Человеческий организм» [27, с. 276], «Тело и организм человека» [28, с. 17], «Части тела, органы» [29, с. 471] и т.п. Это может быть связано с не вполне структурированным и субъективным характером понятия внешности и заставляет задуматься о соотношении наименований наружных анатомических признаков человека и наименований частей человеческого тела (соматизмов). Соматические объекты – неоднородный лексический класс, включающий в себя «части тела», «части частей», «органы», «покровы», «отверстия», «места» и т.п. [30]. Ученые классифицируют соматическую лексику с опорой на разные принципы и подходы: I) функциональные признаки и противопоставление «внешнее/внутреннее»: 1) названия частей и областей тела; 2) названия внутренних органов; 3) названия составляющих скелета; 4) названия органов чувств [31]; II) на основе топологических параметров тела Л. Талми: 1) общие обозначения тела, скелета и его частей, жидкостей; 2) верхняя зона тела человека; 3) центральная зона тела; 4) нижняя зона тела [32] и т.п. Анализ существующих классификаций показывает, что языковеды относят к соматизмам не только внешние анатомические признаки, но и внутренние органы, скелет, жидкости, покровы, а в некоторых случаях душу [33].

Более того, необходимо отметить, что внешность человека не может отождествляться с простой совокупностью наружных анатомических признаков, поскольку их наличие в равной степени характерно, если не для всех, то для абсолютного большинства людей. Как отмечает В. А. Плунгян, «всякое нормальное человеческое тело непредставимо без ног, рук, глаз, подбородка», поэтому соответствующие лексемы, согласно автору, обладают пресуппозицией обязательного существования, то есть объект, ими обозначенный, «обязательно присутствует в качестве составной части некоторого другого объекта» [34, с. 40]. Поэтому внешность человека формируют не наружные анатомические признаки сами по себе, а в сочетании с их качественно-количественными характеристиками, на основе которых происходит выделение человека из множества других лиц, оценка его наружности и т. п., то есть реализация функций внешности (подробнее о функциях внешности человека см. в [35]).

Таким образом, предложения вида «у человека есть глаза» или «у человека есть руки» ничего не сообщают нам о его внешности и могут существовать в тех случаях, когда выражают иной смысл: у человека есть глаза – человек обладает способностью видеть и может этой способностью воспользоваться: *А человек, которого я толкнул, – это наш учитель и классный наставник. – Ах, извините, – говорю я. – Я вас не заметил. – Надо замечать, – сердито говорит учитель. – Для этого **у тебя есть глаза*** (М. М. Зощенко. Перед восходом солнца, 1943) [36].

Поэтому неслучайно криминалистическая габитоскопия, исследуя внешность в контексте реализации одной из важнейших ее функций – когнитивной (внешность как средство категоризации и идентификации личности) [35], выделяет обширный комплекс признаков, который позволяет с достаточной степенью точности описать тот или иной элемент внешности. При этом, как пишет ученый-криминалист Т. Ю. Османов, введение в описание того или иного элемента внешности зависит от нескольких факторов, одним из которых выступает значение элемента для индивидуализации лица [37, с. 15], то есть необходимо, чтобы элемент внешности привлекал внимание наблюдателя, а присущие ему признаки должны позволить выделить человека из множества других лиц.

Обратимся к одной из классификаций анатомических элементов внешности человека, существующей в современной криминалистической габитоскопии: *голова в целом, лицо в целом (лоб, брови, глаза, ресницы, веки), нос (переносье (переносица), спинка носа, крылья носа, кончик носа, ноздри), рот (носогубный фильтр (выемка), губы, зубы), скулы, щеки, подбородок, кожа (морщины); ухо в целом (завиток, противозавиток, козелок, противокозелок, мочка); волосы в целом, прическа, лысина, усы,*

борода, бакенбарды; затылок, шея; туловище в целом (плечи, грудь, живот, спина, талия, таз, бедра); руки в целом (кисти, ногти); ноги в целом (стопы, пятки) [7; 10].

Осмысление приведенной классификации вызывает закономерный вопрос: все ли выделенные анатомические элементы внешности действительно имеют значение для индивидуализации лица? Действительно ли *затылок, талия, козелок, противокозелок, завиток* значимы в той же мере, что и *глаза, нос, губы, волосы*?

Для ответа на этот вопрос мы провели анализ частотности употребления наименований анатомических элементов внешности по данным подкорпуса художественных текстов Национального корпуса русского языка. При этом мы опирались только на нейтральные наименования, представленные в габитоскопической классификации, и не прибегали к их стилистически окрашенным синонимам, например, с пометами *грубо, разг., ласк., сниж.* и т. п.

В частотном исследовании применяется методика, предложенная А. Н. Барановым, которая позволяет оценить степень репрезентативности и сопоставимости корпусов текстов [38], что помогло ограничить объем используемого корпуса без потери его репрезентативности. Ограничение объема корпусных данных дало возможность более детально проанализировать каждый контекст, содержащий наименование элемента внешности, чтобы не принимать в расчеты те наименования, которые 1) употребляются в своих вторичных значениях, не связанных с внешностью человека, 2) применяются в отношении животных или неодушевленных предметов, 3) выступают в качестве компонента фразеологизма или паремии.

Частотность употребления наименований анатомических элементов
внешности человека в современном русском языке по данным
художественного подкорпуса НКРЯ

№ п/п	Наименование элемента внешности	ipm ¹	№ п/п	Наименование элемента внешности	ipm
1	глаза	1214,74	27	ресницы	31,5
2	лицо (в целом)	1051	28	веки	25,93
3	руки (в целом)	1022,81	29	ногти	22,7
4	голова (в целом)	986,04	30	ноздри	22,03

¹ ipm – instances per million words – число употреблений на миллион слов корпуса.

5	ноги (в целом)	523,13	31	талия	16,22
6	губы	265	32	лысина	13,27
7	волосы (в целом)	226,78	33	скулы	12,99
8	грудь	219,81	34	морщины	11,25
9	рот	202,26	35	пятки	10,48
10	тело (в целом)	201,37	36	прическа	9,73
11	пальцы	195,54	37	бедро	8,14
12	спина	192,34	38	переносица	8,09
13	плечи	178,2	39	кисти	6,9
14	нос	176,97	40	бакенбарды	6,44
15	зубы	152,37	41	таз	3,14
16	шея	143,42	42	стопы	2,92
17	лоб	137,46	43	кончик носа	2,45
18	щеки	93,71	44	мочки	0,95
19	брови	91,79	45	крылья носа	0,48
20	борода	88,85	46	завиток	0,026
21	уши (в целом)	78,19	47	козелок	0
22	кожа	68,55	48	спинка носа	0
23	усы	61,2	49	носогубный фильтр (выемка)	0
24	затылок	52,49	50	противозавиток	0
25	подбородок	47,15	51	противокозелок	0
26	живот	43,33			

Полученные результаты показывают, что наименования анатомических элементов внешности человека в современном русском языке характеризуются существенными различиями в частотности употребления и, следовательно, отличаются по степени значимости для носителей языка. То есть одни элементы (*глаза, лицо, руки, голова, ноги* и т. д.) привлекают к себе несравнимо большее внимание наблюдателя, чем другие (*таз, стопы, кончик носа, мочки, крылья носа, завиток*), а такие элементы, как *козелок, спинка носа, носогубный фильтр (выемка), противозавиток, противоказилок*, выделенные криминалистической габитоскопией, вообще не находят репрезентации в художественном дискурсе (см. таблицу). Это, по-видимому, объясняется спецификой задачи, решаемой криминалистической габитоскопией: идентификация незнакомого (в большинстве случаев) лица по образу, сформированному у человека в нестандартных

обстоятельствах. Поэтому, чтобы избежать ошибки, важна точность, в связи с чем некоторые нюансы внешности (особенности строения уха или носа) в определенной ситуации могут иметь большое значение.

Существенные отличия в частотности употребления анатомических элементов внешности свидетельствуют об их неравнозначной роли в формировании у носителя языка представления о внешности человека, что позволяет исключить элементы с низкой частотностью. Порог частотности был установлен условно на основе подсчета средней частотности слов русского языка, представленных в электронной версии Нового частотного словаря русской лексики [39]. Объем словаря составляет 52 139 лемм. Средняя частотность 18,32 ipm. Соответственно, все элементы внешности, частотность которых ниже данного числа, исключаются из списка как низкочастотные.

Результаты частотного анализа подводят нас к еще одному важному размышлению, которое касается характера семантических отношений внутри ЛСП «Внешность человека». Ранее было показано, что элементы данной ЛСП во многом пересекаются с соматической лексикой. Как известно, соматизмы являются прототипом меронимов в системе языка и входят в ядро языковой категории меронимии (Дж. Лайонз, М. В. Никитин, А. А. Шавель, Ю. Н. Русина, Е. В. Материнская, Д. А. Круз и др.) [40]. В этой связи возникает вопрос: насколько данный тип отношений характерен для наименований анатомических элементов внешности? Частотные данные демонстрируют, что в большинстве случаев наименование целого обладает большей частотностью, чем наименование части: *руки (в целом)* более частотны, чем *пальцы*, а *голова (в целом)* более частотна, чем, например, *нос* или *рот*. Тем не менее это не всегда так. Мы можем наблюдать случаи, когда название части характеризуется более высокой частотностью употребления по сравнению с названием целого: *глаза* более частотны, чем *лицо*, а *лицо*, в свою очередь, обладает большей частотностью, чем *голова*. Также *руки (в целом)* более частотны, чем *тело (в целом)*, и *губы* имеют более высокую частотность, чем *рот* (см. таблицу). В связи с этим можно сделать вывод о том, что паритивные отношения, присущие соматической лексике, в ЛСП «Внешность человека» реализуются только отчасти, то есть некоторые наименования анатомических элементов внешности не воспринимаются носителями языка в качестве составных частей более крупного образования, а находятся в отношениях соположенности и занимают в сознании носителя равноправное положение. Это происходит в силу их особой значимости для индивидуализации лица.

Подводя итог исследованию границ ЛСП «Внешность человека» в современном русском языке, мы можем сделать следующие выводы.

1. Внешность человека – это присущая конкретному человеку совокупность наружных анатомических элементов, а также их признаков, которые могут быть восприняты органами чувств и являются значимыми для индивидуализации человека и его выделения из множества других лиц. Иные элементы или группы элементов внешности, предложенные различными науками (функциональные элементы, социальные элементы), в силу их изменчивости и неустойчивости во времени, мы считаем возможным отнести к сопутствующим элементам, которые служат для оформления внешности, но не конституируют ее непосредственно.

2. С точки зрения языка внешность человека представляет собой комплексную языковую категорию, которая включает в себя наименование элемента внешности и его дескрипцию, поскольку наименования элементов внешности в силу пресуппозиции обязательного существования не обеспечивают индивидуализацию лица сами по себе. Индивидуализация возможна только в сочетании с наименованием того или иного признака.

3. Не все элементы ЛСП «Внешность человека» включаются в партитивные отношения. Элементы, обладающие высокой значимостью для индивидуализации лица, не воспринимаются носителями языка в качестве части целого и находятся с целым в отношениях соположенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов, Ю. Н.* Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
2. *Караулов, Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
3. *Яременко, С. Н.* Внешность человека в культуре : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / С. Н. Яременко ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д., 1997. – 41 с.
4. *Панферов, В. Н.* Внешность и личность – проблема психологического познания человека / В. Н. Панферов, С. А. Безгодова, А. В. Микляева // Лицо человека: познание, общение, деятельность / отв. ред.: К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. – М., 2019. – С. 38–60.
5. *Капитанова, Е. В.* Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов своим внешним обликом : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Е. В. Капитанова ; Юж. федер. ун-т. – Ростов н/Д., 2017. – 24 с.

6. *Гаврилов, Э. П.* Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина / Э. П. Гаврилов // Хоз-во и право. – 2015. – № 10. – С. 13–25.
7. *Топорков, А. А.* Словесный портрет : практ. пособие / А. А. Топорков. – М. : Юристь, 1999. – 111 с.
8. *Белкин, Р. С.* Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М. : БЕК, 1997. – 342 с.
9. *Головастиков, Г. Ю.* Проблемы, связанные с оценкой признаков внешности человека при проведении портретной экспертизы / Г. Ю. Головастиков, Р. В. Бондаренко // Энцикл. судеб. экспертизы. – 2018. – № 4 (19). – С. 77–83.
10. Криминалистическое описание внешности человека : учеб. пособие / В. А. Снетков [и др.] ; под ред. В. А. Снеткова. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1984. – 128 с.
11. *Сорокина, Л. К.* Художественные функции портрета героя в чувашской прозе 1950–2000-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Л. К. Сорокина ; Чуваш. гос. ун-т им. И. В. Ульянова. – Чебоксары, 2008. – 23 с.
12. *Найденова, В. М.* Внешность героев как средство психологического анализа / В. М. Найденова // Вестн. Луган. гос. пед. ун-та. – 2021. – № 2 (56). – С. 64–67.
13. *Коняхина, О. В.* Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Коняхина. – Тамбов, 2005. – 250 л.
14. *Робертус, М. М.* Характеристика лица в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. М. Робертус. – М., 2005. – 210 л.
15. *Валюкевич, Т. В.* Концепт ВНЕШНОСТЬ в домене ЧЕЛОВЕК / Т. В. Валюкевич // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф., Белгород, 11–13 апр. 2006 г. : в 2 ч. / под ред. О. Н. Прохоровой, С. А. Моисеевой. – Белгород, 2006. – Вып. 9. – Ч. 1. – С. 96–100.
16. *Натх, М. Р.* Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Р. Натх ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1985. – 22 с.
17. *Арсентьева, Е. Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 125 с.
18. *Вольф, А. С.* Стилистические средства создания образа человека в романах Лиона Фейхтвангера : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10 663 / А. С. Вольф ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1971. – 22 с.

19. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965. – 1951. – Т. 2. – 1393 с.
20. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистических исследований. – М. ; СПб. : Наука, 2005. – Т 2. – 658 с.
21. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1534 с.
22. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 сл. и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е. изд. – М. : А ТЕМП, 2006. – 944 с.
23. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель : АСТ. – 2003. – 1582 с.
24. Аюпова, Г. К. К вопросу о когнитивных моделях в описании внешности человека / Г. К. Аюпова, Б. Х. Галиева // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, 29 апр. – 3 мая 2019 г. / редкол.: Н. А. Боженкова [и др.]. – СПб., 2019. – С. 371–375.
25. Ульянова, Т. В. Словесный портрет как речевая технология : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Ульянова. – Ростов н/Д., 2008. – 157 л.
26. Кубрякова, Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е. С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 2003. – Вып. 2. – С. 67–75.
27. Баранов, О. С. Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. – М. : ЭТС, 1995. – 814 с.
28. Саяхова, Л. Г. Тематический словарь русского языка : ок. 25 000 сл. / Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин : под ред. В. В. Морковкина. – М. : Рус. яз., 2000. – 556 с.
29. Русский семантический словарь. Толковый словарь. Систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / РАН, Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2002. – Т 1. – 2002. – 800 с.
30. Крейдлин, Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов / Г. Е. Крейдлин, С. И. Переверзева // Вопросы филологии. – 2010. – № 2 (35). – С. 42–52.
31. Старых, О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка / О. В. Старых // Вестн. ПСТГУ. – 2011. – Вып 2 (24). – С. 80–85.
32. Ульянова, О. Б. Семантический потенциал соматизмов в диахронии / О. Б. Ульянова // Вестн. ТГПУ. – 2018. – № 5 (194). – С. 51–57.

33. *Вайнтрауб, Р. М.* Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках / Р. М. Вайнтрауб // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1975. – Вып. 288. – С. 157–162.
34. *Плунгян, В. А. I.* Коммуникативная информация и порядок слов. II. Пресуппозиции в словообразовании прилагательных / В. А. Плунгян // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та рус. яз. АН СССР. Предварительные публикации. – М., 1983. – Вып. 149. – 52 с.
35. *Рягузова, Е. В.* Социокультурная обусловленность восприятия внешности незнакомого другого / Е. В. Рягузова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4. – Вып. 2 (14). – С. 167–169.
36. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – М., 2003–2012. – Режим доступа : <http://www.ruskorpora.ru/search-paraen.html>. – Дата доступа : 03.10.2023.
37. *Османов, Т. Ю.* Применение метода словесного портрета в следственной и оперативной деятельности (методологические и психологические аспекты проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 ; Рос. федер. центр судеб. экспертизы при М-ве юстиции РФ / Т. Ю. Османов. – М., 2000. – 31 с.
38. *Баранов, А. Н.* Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафорики) [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов. – Режим доступа : <https://drive.google.com/file/d/1RF7ID6TX-lcwS0TbLUjC-5YdS2r6Nih/view>. – Дата доступа : 15.05.2023.
39. *Ляшевская, О. Н.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. – Дата доступа : 25.09.2023.
40. *Кузьменко, Н. В.* Холо-меронимическая структура как модель концептуализации тела человека / Н. В. Кузьменко // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, № 5. – С. 125–130.

Поступила в редакцию 01.11.2023

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**УДК 811.113.6 '33****Богданова Наталия Альбертовна**

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики
и грамматики немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natallia Bahdanava

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Phonetics
and Grammar of the German Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
albertowna@mail.ru

Мельник Виталина Андреевна

преподаватель кафедры теории
и практики перевода
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vitalina Melnik

Lecturer at the Department of Theory
and Practice of Translation
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
vitalinasmolskaya@gmail.com

**ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ КОРПУСНОГО МЕНЕДЖЕРА ДЛЯ АНАЛИЗА
ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕГИРОВАННЫХ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ****STEPS OF DEVELOPING A CORPUS MANAGER FOR ANALYSIS
OF PARALLEL TAGGED TEXT CORPORA**

В статье рассматриваются определения и типология текстовых корпусов, описываются процесс создания параллельного тегированного корпуса текстов на базе отрывка трилогии А. Линдгрена о Малыше и Карлсоне в оригинале и в переводе на белорусский язык, а также этапы создания и принцип работы корпусного менеджера для обработки параллельного тегированного корпуса текстов. Приводятся предварительные результаты, полученные в ходе автоматической обработки созданного корпуса.

Ключевые слова: корпус текстов; система тегов; семантическая разметка; дескриптор; тегированная текстовая модель.

The article deals with the definition and typology of text corpora, describes the process of creating a parallel tagged text corpus based on an excerpt of A. Lindgren's trilogy about the Little Brother and Karlsson-on-the-Roof in the original and translated into Belarusian language, as well as the stages of creation and the principle of operation of a corpus manager for processing a parallel tagged corpus of texts. Preliminary results obtained in the course of automatic processing of the created corpus are described.

Key words: text corpus; tagging system; semantic markup; descriptor; tagged text model.

Лингвистическое исследование неизбежно опирается на анализ языковых данных. Сегодня этап сбора лингвистических данных для последующего анализа значительно упростился в связи с развитием современных информационных технологий и появлением корпусов текстов. *Корпусная лингвистика* представляет собой «раздел компьютерной лингвистики, который занимается разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов с применением компьютерных технологий» [1, с. 5]. Это направление основывается на том, что достоверная информация о языке и речи может быть получена только из довольно большого объема текстов. Одним из важных преимуществ корпусного исследования является значительная экономия времени, благодаря чему текстовые корпуса активно применяются во многих областях лингвистики: лексикографии, переводоведении, психолингвистике, социолингвистике, сравнительном языкознании, литературоведении и других. Необходимость исследователей располагать как можно большими объемами лингвистического материала и послужила причиной такого широкого применения корпусов текстов [2].

Существует множество определений корпуса текстов как феномена. А. Н. Баранов понимает под *корпусом текстов* «вид корпуса данных, единицами которого являются тексты или их достаточно значительные фрагменты, включающие, например, какие-то полные фрагменты макроструктуры текстов данной проблемной области» [3, с. 115]. В. П. Захаров определяет корпус текстов как «большой, представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [4, с. 3]. Т. МакЭнери и Э. Вилсон рассматривают *корпус* как «собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка» [5]. Таким образом, можно понимать корпус как «уменьшенную модель языка или подъязыка» [4, с. 5].

Лингвист Э. Финеган под корпусом текстов понимает «репрезентативное собрание текстов» [6]. Репрезентативность по отношению к проблемной области является важнейшим свойством любого корпуса текстов. По мнению А. Н. Баранова, репрезентативность – это «способность корпуса текстов отражать все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в проблемной области» [3, с. 118].

Исходя из приведенных выше определений понятия корпуса текстов можно сделать вывод, что к основным характеристикам современных

лингвистических корпусов относятся следующие: машиночитаемый вид, цель, репрезентативность. Кроме того, рассмотренные определения корпуса свидетельствуют о двойственной природе корпусной лингвистики. С филологической точки зрения корпус рассматривается как совокупность текстов, т. е. содержит языковой материал. С технической же точки зрения корпусы могут полноценно функционировать только с использованием современных компьютерных технологий.

В настоящее время для разметки лингвистических корпусов могут в том числе применяться инструменты обработки естественного языка (англ. natural language processing – NLP), которые позволяют максимально автоматизировать процесс сборки необходимых языковых данных; эта область корпусной лингвистики пересекается с исследованиями искусственного интеллекта и активно развивается [7; 8].

В зависимости от материала, входящего в корпус, способа его организации, а также целей и задач применения корпуса выделяются различные типы лингвистических корпусов. Так, например, существуют многоцелевые и специализированные, исследовательские и иллюстративные, динамические и статические, размеченные и неразмеченные, одноязычные, двуязычные и многоязычные, национальные и сбалансированные корпусы [4; 9].

Особым типом корпуса текстов является параллельный корпус. Корпусы параллельных текстов содержат как исходный текст, так и его перевод на другой язык. Для проведения исследования нами был создан двуязычный параллельный корпус текстов на материале первых трех глав трилогии шведской писательницы А. Линдгрэн о Малыше и Карлсоне на шведском языке¹ и в переводе на белорусский язык².

Целью исследования являлось создание программно-лингвистической платформы для построения и сопоставительного исследования моделей литературного персонажа в оригинале и переводе с применением разработанного параллельного корпуса текстов. Объем нашего корпуса представляется достаточным для иллюстрации возможностей применения корпусной методологии в рамках подобного сопоставительного исследования.

В процессе создания параллельного корпуса тексты прошли несколько основных этапов обработки. Сначала отобранный текстовый материал был приведен в машиночитаемую форму, чтобы стать распозна-

¹ *Lindgren, A. Lillebror och Karlsson på taket / A. Lindgren. – Uddevalla : Bohuslänningens AB, 1968. – Kap. 1–3. – S. 5–46.*

² *Ліндгрэн, А. Малы і Карлсан, які жыве на даху / А. Ліндгрэн. – Мінск : Папурсы, 2019. – Гл. 1–3. – С. 7–54.*

ваемым для компьютера. Путем сканирования бумажные версии текстов были переведены в формат «.pdf», после чего последовала конвертация текстов из формата «.pdf» в машиночитаемый формат «.docx».

На следующем этапе при помощи программы temoQ параллельные тексты были автоматически выровнены на уровне предложений с целью установления соответствий между текстом оригинала и переводным текстом. Далее автоматическое выравнивание было отредактировано вручную, так как не для всех шведских предложений были автоматически найдены белорусские соответствия. Полученным 116 пустым целевым вариантам предложений соответствия были установлены вручную. В результате был получен корпус текстов в виде таблицы, состоящей из 618 строк, число которых соответствует количеству предложений произведения оригинала.

Далее отобранный и прошедший все необходимые этапы обработки текстовый материал подлежит тегированию, т. е. разметке. В нашем исследовании для сравнительного описания литературного персонажа мы разработали собственную систему семантических тегов, включающую два вида дескрипторов: характеристики персонажа и способы выражения этих характеристик. Было выделено 16 основных характеристик персонажа: национальность; гендерная принадлежность; внешний вид; возраст; условия жизни; социальный статус; образ жизни; физические способности; интеллектуальные способности; эмоциональное состояние; психологическая характеристика в момент речи; убеждения; личностные качества; пристрастия и привычки; отношения с другими героями; поступки. К способам выражения характеристик были отнесены 5 видов речи, в которых содержатся данные характеристики: авторская речь; прямая речь персонажа; внутренняя речь персонажа; прямая речь других героев; внутренняя речь других героев.

Система семантических тегов включает, соответственно, коды каждого из двух видов дескрипторов. Названия дескрипторов-характеристик персонажа представляют собой начальные буквы каждой характеристики на английском языке. Например, действия и поступки – `<act>`, интеллектуальные способности – `<int>` и т. д. Теги для способов выражения характеристик представляют собой цифры от 1 до 5. Все теги заключаются в угловые скобки в соответствии с правилами языка разметки HTML. Для проведения разметки необходимы открывающие и закрывающие теги. Закрывающие теги отличаются наличием в угловых скобках слэша перед названием тега. Например, `</ap>` – для внешности героя; `</hab>` – для привычек; `</1>` – для авторской речи; `</5>` – для внутренней речи других героев произведения.

Нами была проведена семантическая разметка параллельных текстов с применением разработанной системы тегов. Каждый фрагмент, содержащий выделенные нами характеристики персонажа, в обоих текстах маркируется двумя открывающими и двумя закрывающими тегами: характеристика персонажа и способ выражения характеристики. Тегированию подлежали как отдельные слова (*маленькі, самаўпэўнены, прылятаў*), так и словосочетания (*незвычайная асоба, забыўся на дамок, спрытна сханіў*) и предложения (*Спакойна, толькі спакойна!*). Например, тегированный фрагмент, который мы отнесли к убеждениям Карлсона, содержащийся в его прямой речи, выглядит следующим образом: `<bel><2>Det är en världslig sak</2></bel>` ‘`<bel><2>Гэта з’ява банальная</2></bel>`’.

Отметим, что при проведении семантической разметки возникло множество спорных моментов, связанных с невозможностью однозначного толкования тех или иных контекстов: некоторые текстовые фрагменты можно было отнести сразу к нескольким характеристикам персонажа. Однако для достижения точного результата мы придерживались наиболее очевидной трактовки контекстов и относили их лишь к одной из возможных характеристик. Вместе с тем в отобранном нами объеме материала в процессе проведения семантической разметки существенных расхождений между текстом оригинала и текстом перевода не наблюдалось, так как в большинстве случаев теги расставлялись «симметрично».

Необходимой частью практически любого корпуса текстов является *корпусный менеджер* – встроенная в корпус поисковая система, которая позволяет пользователю в простой и удобной форме извлекать статистические данные [3, с. 6]. Именно благодаря ему осуществляется управление текстовыми данными в корпусе и извлекается лингвистическая информация для последующего анализа.

Совместно с международной группой IT-компаний SoftTeco нами был разработан корпусный менеджер, представленный в ограниченном доступе в сети Интернет в виде приложения.

При разработке проекта корпусного менеджера мы ориентировались на решение двух видов задач:

- 1) получать статистическую информацию по метаданным (абсолютную и относительную частоту тегов);

- 2) получать информацию по языковым данным (какое вербальное выражение получил тот или иной тег, а также какова абсолютная и относительная частота отмеченных тегами текстовых фрагментов). Первоначально данная информация была оформлена нами в виде таблиц (в том числе с использованием инструментов Microsoft Excel), которые впослед-

ствии и стали основой для создания приложения. Работа приложения апробирована на материале созданного нами параллельного корпуса текстов.

Для работы в приложение загружаются представленные в виде таблицы параллельные тексты на двух языках, выровненные на уровне предложений и размеченные при помощи разработанной нами системы семантических тегов.

Программа имеет функцию представления так называемой «тегированной модели текста», т. е. выводит на экран только тегированные текстовые фрагменты в том порядке, в котором они следуют в тексте. Это позволяет проанализировать, какие лингвистические средства использует автор оригинального произведения и каким образом данные средства трансформируются при переводе на другой язык. Эта функция доступна во вкладке «Main statistics». Текстовые фрагменты, не отмеченные тегами, на экран не выводятся. Так, нами был выявлен ряд различий в вербальном оформлении тегированных текстовых фрагментов в двух текстах. В частности, автор белорусского перевода активно использует уменьшительно-ласкательные суффиксы с целью снижения категоричности описаний (*lilla trinda kropp* ‘маленькая круглявая постаць’; *ett särskilt litet hus* ‘у малюпа-сенькім дамочку’; *farbror* ‘дзядзечка’), а также перефразирует сложные для детского восприятия слова шведского языка (*världens bästa konstflygare* ‘найлепшы ў свеце лятун’; *världens bästa ångmaskinsskötare* ‘найлепшы ў свеце запускарнік паравых машын’; *världens bästa motorskötare* ‘найлепшы ў свеце змазвальнік матораў’).

Во вкладках приложения «Tags using swe» и «Tags using bel» доступна информация об абсолютной частоте (т.е. количестве упоминаний) тегированных текстовых фрагментов в оригинале и в переводе, что позволяет проследить, какие вербальные выражения наиболее типичны для той или иной характеристики персонажа. Кроме того, при нажатии на тот или иной фрагмент, относящийся к какой-либо характеристике персонажа, во всплывающем окне пользователю доступен и контекст, в котором данный фрагмент употреблен. Сравнительный анализ показал, что при описании внешности Карлсона в оригинальном тексте наиболее частотными являются следующие фрагменты: *liten* (F=5), *tjock* (F=4), *lagom tjock* (F=3). В белорусском тексте наибольшую частотность имеет словосочетание *пульхай ручкай* (F=3) и прилагательные *таўсматы* (F=3), *маленькі* (F=2), *узорна тоўсты* (F=2). Это позволяет заключить, что акцент в описании внешнего вида персонажа в обоих текстах делается на его полном телосложении. Вместе с тем в шведском тексте более частотным, чем

в белорусском тексте, является прилагательное *liten*, которое упоминается 5 раз, в то время как его белорусское соответствие *маленькі* встречается всего 2 раза. Таким образом, в оригинальном тексте автор в сочетании с полнотой Карлсона выделяет еще и его миниатюрность.

Наконец, приложение предоставляет данные об абсолютной и относительной частоте тегов в обоих текстах. Эти данные доступны во вкладках «Tags statistics swe» и «Tags statistics bel» для оригинального и переводного текстов соответственно. В результате проведенного исследования было установлено, что в оригинальном тексте содержатся 946 тегов, а в тексте перевода на белорусский язык – 928 тегов. В оригинальном тексте наибольшее количество характеристик персонажа представлено в авторской речи и в прямой речи самого персонажа. Так, авторская речь в оригинальном тексте составляет 43 % от всех видов речи, а прямая речь персонажа – 33 %. Ситуация в белорусском переводе практически идентична: 44 % от всех видов речи составляет авторская речь, а 33 % – прямая речь персонажа. В обоих текстах описания автора доминируют в характеристиках внешности, национальности персонажа, а также его психологической характеристики в момент речи. Прямая речь Карлсона доминирует в описаниях его возраста, образа жизни, интеллектуальных и физических способностей, убеждений, привычек и поступков. При этом о своих способностях персонаж говорит исключительно с положительной стороны, что свидетельствует о его эгоистичной, самовлюбленной натуре. Вместе с тем в исследуемом объеме материала совершенно не представлена внутренняя речь персонажа, что позволяет судить о Карлсоне как о довольно поверхностном герое, лишенном определенной глубины эмоций и суждений.

Доминирующими характеристиками в нашем корпусе текстов являются отношения между персонажами (26 % в оригинальном и 27 % в переводном тексте), психологическая характеристика в момент речи (19 % и 18 % соответственно для оригинального и переводного текстов) и эмоциональное состояние персонажа (12 % от общего количества характеристик в обоих текстах).

Основываясь на данных, полученных с использованием корпусного менеджера, можно заключить, что в сформированном корпусе параллельных текстов не было выявлено значительных различий в частотном распределении тегов между оригинальным и переводным текстом, что объясняется высокой точностью белорусского перевода по отношению к оригинальному тексту на шведском языке. Однако ряд различий в вербальном наполнении тегов свидетельствует о стремлении переводчика

смягчить возможные отрицательные описания персонажа и упростить текст для детского восприятия, в результате чего Карлсон становится более понятным и привлекательным для детей героем.

Разработанный корпусный менеджер позволяет исследовать параллельные и непараллельные тегированные тексты разных жанров, автоматически получать статистическую информацию по разным видам дескрипторов, предоставляя исследователю данные для изучения оригинала и перевода/переводов текста, с целью интерпретации текста, а также выявления индивидуальных особенностей авторского стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Захаров, В. П.* Корпусная лингвистика : учеб. пособие / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.
2. *Мамонтова, В. В.* Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме [Электронный ресурс] / В. В. Мамонтова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-lingvistika-v-sovremennoy-yazykovedcheskoj-paradigme>. – Дата доступа: 13.12.2022.
3. *Баранов, А. Н.* Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – Изд. 5-е. – М. : URSS, 2017. – 368 с.
4. *Захаров, В. П.* Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие / В. П. Захаров. – СПб., 2005. – 48 с.
5. *McEnery, T.* Corpus Linguistics / T. McEnery, A. Wilson. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 1996. – 209 p.
6. *Finegan, E.* Language: its structure and use / E. Finegan. – N. Y. : Harcourt Brace College Publishers, 2004. – 546 p.
7. *Горожанов, А. И.* Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений / А. И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 1616–1620.
8. *Горожанов, А. И.* Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смек и Малыш») / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2022. – № 4 (119). – С. 7–13.
9. *Горожанов, А. И.* Интерпретация художественного произведения: корпусный подход / А. И. Горожанов, Д. В. Степанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 203–208.

Поступила в редакцию 24.11.2023

УДК: 81'23

Ковалевская Ирина Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой межкультурной
экономической коммуникации
Белорусский государственный
экономический университет
г. Минск, Беларусь

Iryna Kavaleuskaya

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Intercultural
Economic Communication
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus
kovalevskaya@bseu.b

К ПОСТРОЕНИЮ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

ON MODELING THE INTERPRETATION OF LEGAL DISCOURSE

В статье предлагается комплексный подход к интерпретации правового дискурса посредством сочетания классических и неоклассических методов, позволяющих описать его объектные, субъектные и инструментальные характеристики. На примере отдельных пунктов русскоязычного и англоязычного брачных договоров демонстрируется возможность формализации их предметного содержания с использованием методики денотатного графа, позволяющего отразить системные связи между правовыми концептами.

Раскрывается и обосновывается идея интегрирования когнитивного и нормативного аспектов анализа правового дискурса как диалога, в качестве основных инструментов которого выделяются и описываются стратегии фактуализации и коррекции модели мира адресата.

Ключевые слова: интерпретация; правовой дискурс; брачный договор; денотатный граф; концепт; диалог; коммуникативная стратегия.

The article suggests an integrated approach to interpretation of legal discourse by combining the classical and neoclassical methods to identify its objective, subjective and instrumental characteristics. Some clauses of the marriage contracts in Russian and English are provided to describe the procedure of the formalization of their contents using the method of denotation graph that illustrates the systemic relations among the legal concepts.

The article reveals and justifies the idea of integration of cognitive and normative aspects of legal discourse analysis as that of a dialogue the main instruments of which are highlighted and described in terms of such strategies as factualization and the addressee's world model improvement.

Key words: interpretation; legal discourse; marriage contract; denotation graph; concept; dialogue; communicative strategy.

Правовой дискурс занимает в коммуникативном пространстве институционального общения в настоящее время важное место ввиду его активного использования в контексте разных дискурсивных практик. Тем не менее он представляет собой еще недостаточно изученный объект познания в теоретическом и практическом плане.

Интерпретация дискурса, понятие которого находит широкое применение не только в гуманитарных науках, но и в политической, массовой и деловой сферах, традиционно рассматривается как предшествующий процесс пониманию, являющемуся необходимым условием научного познания.

Ответы на вопросы, связанные с интерпретацией дискурса и обусловленные временем и социально-культурным контекстом, предлагают представители герменевтического направления (Х. Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, П. Рикер, Ж. Деррида). Их главной задачей стала разработка стратегии «интерпретативного разума». В процессе решения данной задачи был раскрыт и обоснован диалогический характер глобальной интерпретативной стратегии, проявляющийся в отказе в отличие от законодательного разума от претензии на монолог и от возможности «высшего», «лучшего» понимания, то есть стремления корректировать здравый смысл и те варианты понимания, которые возникают в повседневной жизни [1, с. 16].

Интерпретативная традиция лежит в основе современной этнометодологии, феноменологии, интерпретативной социологии и других научных школ, объединяющим началом которых является отказ от причинных моделей и методов анализа, характерных для классического типа научного познания, и применение методологии, направленной на включение в процесс познания индивидуальных особенностей личности, т.е. субъективности.

Широкое применение интерпретативного подхода в социально-гуманитарных науках является результатом осознания зависимости человеческого познания от специфики языка, которым владеет познающий субъект. В период становления данного подхода во второй половине XX в. пересматривается видение объекта исследования, многие проблемы переводятся в сферу языка и решаются на основе анализа языковых средств и выражений. Главной предпосылкой «лингвистического поворота» считается введение Э. Бюиссансом в научный оборот в работе «Язык и дискурс» (1943 г.) понятия дискурса, под которым подразумевался «механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь». Дискурс был включен в классическое противопоставление языка и речи в качестве третьего члена [2, с. 6].

Несколько позднее понятие дискурса было выведено за рамки грамматики предложения на уровень текста Э. Харрисом и использовалось после в лингвистике как синоним текста или речи [3].

В настоящее время применяются различные подходы к интерпретации дискурса – лингвистические, кротологические, семиотические, социокоммуникативные, постмодернистские и критический дискурс-анализ, которые фокусируются на том или ином аспекте и носят взаимодополняющий, а не альтернативный характер [2, с. 5–6].

Особое методологическое значение для решения проблемы интерпретации дискурса имеют подходы, которые в условиях перехода в последней трети XX в. от постиндустриального общества в общество информационное расширяют поле рефлексии над собственно речевой деятельностью и отражают суть «постнеклассического» типа научной рациональности. Данный тип научного познания «начинает пониматься в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, определяемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками» [4, с. 9–10].

Наибольший интерес среди выделенных выше подходов к интерпретации дискурса заслуживает его анализ с позиций лингвистики. В подобных работах предусмотрено одновременное исследование коммуникативной адекватности речевых действий, «ментальных процессов участников коммуникации: этнических, психологических, социокультурных стереотипов и установок, а также стратегий понимания и порождения речи» [5, с. 27]. Это достигается сочетанием значительного количества методов: классических (фонологического, синтаксического, лексического и семантического; анализа речевых и коммуникативных актов; риторического; стилистического; структурного, т. е. анализа специфики разных жанровых структур) и неоклассических (конверсационного; семиотического; психологического – особенно когнитивного). Такое сочетание методов «дает возможность изучать не только внешние, но и внутренние структуры сознания, обращаться к таким сложным, социально-когнитивным практикам, как право, мораль, дискриминация ...», а также использовать более гибкие, чем количественные методы и гипотетико-дедуктивный метод, и релевантные задачам дискурс-анализа методы феноменологической дескрипции и индукции [6, с. 32].

Существующие в лингвистике подходы к анализу дискурса предлагается свести к изучению его *объектных, субъектных и инструментальных* характеристик [7, с. 73], что возможно посредством сочетания классических и неоклассических методов.

Анализ объектных характеристик правового дискурса сводится к его проблемно-тематическому изучению, то есть характеристике топика общения, которая с точки зрения его интерпретации является стартовым моментом в его объяснении.

На примере следующего фрагмента брачного договора рассмотрим его объектные характеристики:

... **Имущество**, совместно нажитое в период брака, вне зависимости от того, на чьи финансовые средства оно было приобретено, **является общим (общей собственностью)**.

Имущество, принадлежащее на правах собственности каждой из сторон до заключения брака, а также имущество, которое супруги получили в рамках договора дарения или наследования, **является индивидуальной собственностью**.

На момент заключения настоящего соглашения гражданину ХХХХ **принадлежит**:

- квартира, площадь которой составляет ХХХХ квадратных метров, расположенная по адресу: ХХХХ.

- автомобиль ХХХХ, номер двигателя ХХХХ, номер кузова ХХХХ, государственный номер ХХХХ, зарегистрированный в ХХХХХХ.

- мебель, драгоценности, украшения, которые прилагаются к списку настоящего соглашения.

Гражданке ХХХХ **принадлежит**:

- квартира, площадь которой составляет ХХХХ квадратных метров, расположенная по адресу: ХХХХ.

- мебель, драгоценности, украшения, которые прилагаются к списку настоящего соглашения.

- К совместно нажитому имуществу **относятся**: заработная плата, пенсии, пособия и иные денежные выплаты...

Из приведенного выше текста брачного договора видно, что его топиком выступает *имущество*, считающееся центральным объектом гражданского правового регулирования. Из всех имеющихся в доктрине и гражданском законодательстве дефиниций имущества наиболее близкой к обыденной его трактовке представляется определение, согласно которому под «имуществом» понимаются «внешние блага ... составляющие, по отношению к личности человеческой, внешнюю ее принадлежность, внешнее ее дополнение» [8, с. 158]. Можно предположить, что заинтересованность в заключении брачного договора всё более возрастающего числа молодоженов, в том числе представителей русской лингвокультуры, обусловлена как раз смещением акцентов на подобного рода внешние

атрибуты. Это подтверждается результатами проведенного сопоставительного исследования содержания ассоциативных полей слова-стимула *брак* у носителей русского языка 1980–1990-х гг. с данными ассоциативного эксперимента, относящимися к более позднему периоду. Согласно этим данным, внутреннее содержание концепта «брак», определяемое такими важными понятиями, как семья, союз и любовь, «тем не менее, отодвинулось на второй план» [9, с. 252].

Посредством рассмотрения объектных характеристик дискурса достигается предварительное понимание коммуникативной ситуации в целом. Для более наглядного отражения предметного содержания дискурса предлагается построение его «денотатной структуры» как инварианта смыслового свертывания текста [10, с. 115].

В качестве опорных денотатов, раскрывающих предметное содержание, можно выделить: ‘имущество’, ‘квартира’, ‘автомобиль’, ‘мебель’, ‘драгоценности’, ‘украшения’, ‘заработная плата’, ‘пенсии’, ‘пособия’ и ‘иные денежные выплаты’.

Выделенные денотаты указывают на подтемы, соответствующие различным аспектам содержания и сменяющие одну на другую. Относящиеся к определенной подтеме денотаты могут выступать как субподтемы и образовывать следующий уровень связей. Соотношение подтем и субподтем становится ясным в ходе анализа предметных связей между их денотатами. С учетом специфики этих связей может быть представлен денотатный граф брачного договора (рис. 1).

Рис. 1. Денотатный граф русскоязычного брачного договора

С опорой на формализованное предметное содержание брачного договора возможно исследование его субъективных параметров. К ним относят участников коммуникативной ситуации, цель дискурса, его хронотоп, ценности, коммуникативные стратегии, жанры и дискурсивные формулы [7, с. 73].

Образы участников конкретной коммуникативной ситуации предстают многогранными и сложными. С одной стороны, инициаторами регламентации брачных договорных отношений всегда выступают сами супруги; с другой стороны, активное участие в оформлении брачного договора принимают их юристы и нотариус, чей вклад необходим для обретения документом юридической силы и который обладает правом и полномочиями вносить в документ изменения, поправки и дополнения.

Коммуникативная цель приведенного выше фрагмента брачного договора как разновидности правового дискурса подчинена общей жанровой интенции, заключающейся в уточнении законного режима имущества супругов для максимального приспособления этого режима к их потребностям.

Специфика отражения фактов и их организация в сознании субъектов договорного дискурса обусловлена его временными и пространственными характеристиками, то есть хронотопом, который устанавливается при обязательном учете субъективности, поскольку ее существование невозможно вне пространства и времени.

В дискурсивном пространстве допускается возможность обнаружения множества хронотопов и сложных, специфических для данного произведения или автора взаимоотношений между ними, «причем обычно один из них является объемлющим, или доминантным. Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях» [11]. Хронотопы могут выступать средствами репрезентации концептов, отражающих как специфический фрагмент языковой картины мира, так и культурно-этнические ценности социума в целом.

Ядерным концептом анализируемого брачного договора, исходя из денотатной структуры его предметного содержания, выступает концепт «имущество», репрезентирующий предмет договора.

Ввиду культурно-исторической обусловленности правовых норм формы проявления концепта «имущество» в брачном договоре в контексте разных лингвокультур могут не совпадать, что можно обнаружить на примере следующего фрагмента англоязычного брачного договора:

Each of the parties does hereby **convey, waive and release** unto the other the following:

(a) all rights which he or she may at any time have during the life or after the death of the other under the laws of the State of Maine or any other jurisdiction (including those jurisdictions not within the United States of America) by reason of the marriage between them with respect to any **property, real, personal or mixed**, of whatsoever kind or nature, now owned or hereafter acquired by the other, through gift, inheritance or by any other means...

Если в русскоязычном договоре дифференцируются *общее имущество* и *индивидуальное имущество*, то содержание концепта “property” в англоязычном брачном договоре конкретизируется в рамках определения таких его основных видов, как *real property* ‘недвижимая собственность’, *personal property* ‘движимая собственность’ и *mixed property* ‘имущество смешанной формы собственности’. Описание системных связей (сходства, различия и иерархии) между указанными концептами осуществляется путем анализа имущественных правоотношений в отечественном договорном праве и в английском имущественном праве (Property Law) как особой правовой отрасли. Совокупность этих отношений соответствует концептуальной модели правового дискурса. Выявление связей между ее элементами лежит в основе концептуализации правового дискурса, процедура которой является непременным условием его наиболее полной интерпретации [12, с. 12].

Исходя из предметного содержания англоязычного договора его денотатный граф можно представить следующим образом (рис. 2).

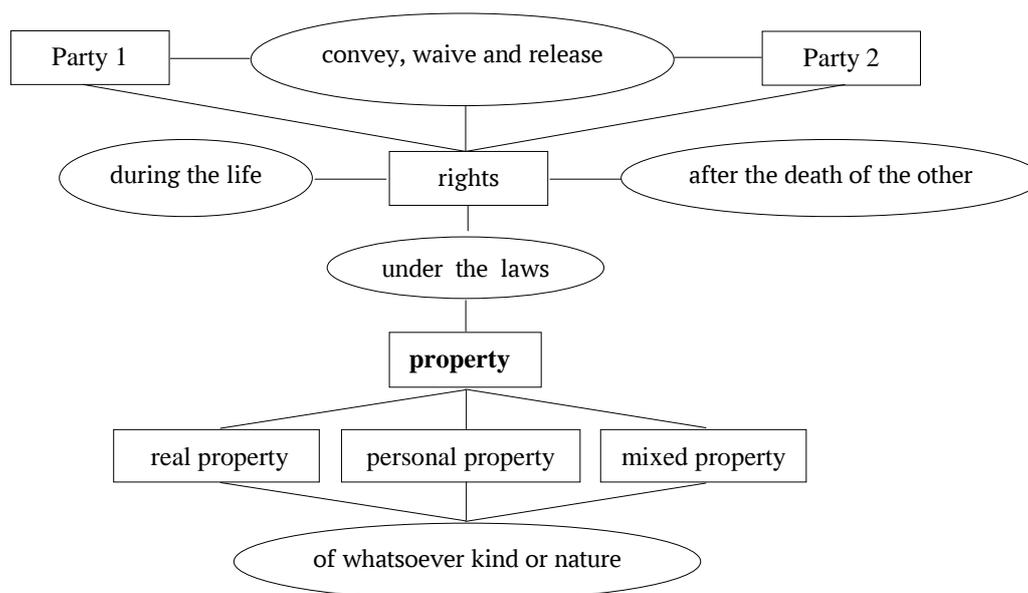

Рис. 2. Денотатный граф англоязычного договора

Различия понятийно-содержательных и параметральных характеристик ядерных концептуальных образований и системного множества других специализированных концептов, через которые в правовом дискурсе реализуются первые, обусловлены историко-культурными, социально-этическими, политико-экономическими, идеологическими и морально-нравственными факторами.

Немецкий философ Г. Гадамер отмечает неспособность современной теории герменевтики проводить последовательно различения когнитивного, нормативного и репродуктивного истолкования, на которых она основывается: во-первых, из-за возникновения трудностей при подведении языковых феноменов под отдельное из них; во-вторых, из-за того, что проникновение в смысл правового дискурса и применение полученного знания к конкретному случаю включает не два отдельных акта, но единый процесс [13, с. 188].

Поддерживая позицию ученого, считаем, что не достаточно подводить истолкование правового дискурса только под когнитивную или нормативную функцию, и допускаем возможность более полного и комплексного анализа правового дискурса посредством выявления его ценностей и норм наряду с описанием в соотнесении с ними его инструментальных параметров. Таковыми выступают коммуникативные действия субъектов общения. Совокупности этих действий описываются в терминах коммуникативных стратегий, которые варьируются исходя из их ведущих интенций.

Ценностно-нормативная специфика дискурса фиксируется и определяется концептами, описание и уточнение структурно-содержательных параметров которых предполагает интерпретацию научных фактов и сведений в различных областях гуманитарного знания. Допускается возможность интегрирования имеющих к ним отношение известных фактов и теорий в рамках общей лингвистической концепции, сфокусированной на изучении языкового сознания, текстов, культур в аспекте принципа диалогизма, пришедшего на смену принципам антропоцентризма, неофункционализма и экспланаторности.

Принцип диалогизма, утверждаемый в качестве общей методологической установки в работах М. Бубера, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина и их последователей, сводится не к объединению, смешению или слиянию разных аспектов диалогичности дискурса, обусловленной его социальной детерминированностью, а в установлении отношений между ними, т. е. взаимодействия.

Диалогическая природа дискурса раскрывается посредством изучения «метамодусных категорий – авторизации и адресации», которые соотно-

сятся с позицией отвечающего и с метатекстовым (металингвистическим, по М. М. Бахтину) аспектом высказывания (текста) и реализуются с помощью языковых средств, выражающих субъективное отношение носителя языка к предмету речи [14, с. 17]. Их выбор имеет прямое отношение к наличию адресата, поскольку осуществляется с учетом определенных социально-психологических и культурно значимых факторов и обусловлен диалогичностью дискурса, которая служит объединяющим началом для когнитивного, нормативного, а также репродуктивного аспектов его истолкования. Выделенные аспекты интегрируются в рамках общей интерпретационной модели, предполагающей анализ стратегического устройства дискурса и его структурируемости согласно авторской диалогической установке.

Среди коммуникативных стратегий правового дискурса, характеризующих его в инструментальном плане, ведущими в брачном договоре представляются фактуализация и коррекция модели мира адресата.

Фактуализации подлежат все юридические акты, составленные в письменном виде в соответствии с законом и содержащие общенормативные или индивидуальные предписания, согласно которым определяются способы ее реализации. В частности, в русскоязычном договоре имущественные отношения между супругами устанавливаются посредством действий, выраженных недесемантизированными перформативами *является, принадлежит, относятся*.

Путем употребления эксплицитно выраженных перформативов *convey* 'доводят до сведения', *waive* 'отказываются', *release* 'освобождают' в англоязычном фрагменте договора осуществляется смещение акцента с объекта договора на его субъектов.

Коррекция модели мира адресата договора достигается посредством обоснования определенных юридических актов. Так, в русскоязычном брачном договоре для обоснования принадлежности конкретных объектов имущества к общему или индивидуальному приводятся аргументы, отражающие культурно-этнические ценности социума в целом (*совместно нажитое в период брака; принадлежащее на правах собственности каждой из сторон до заключения брака; которое супруги получили в рамках договора дарения или наследования*).

В англоязычном фрагменте договора аргументация осуществляется посредством обоснования имущественных прав, которые сохраняются за супругами как при жизни, так и после смерти одного из них (*all rights which he or she may at any time have during the life or after the death of the other*). Предложенные аргументы представляются достаточно вескими в силу их

обусловленности культурно-этническими ценностями, поскольку право признается только «тогда эффективным и реальным, когда оно несет в себе признанные ценности, то есть ценности, которые действуют не на уровне внешнего навязывания, а становятся внутренним нравственным императивом каждого отдельного человека» [15, с. 31].

Культурно-этнические ценности социума служат основанием для формирования общекультурных и институциональных (в частности, правовых) норм, под которыми подразумеваются предписания, требования, пожелания и ожидания соответствующего (т. е. одобряемого обществом) поведения. Правовые нормы представляют собой элементы определенной системы права и считаются результатом общей воли общественного союза и поэтому соответствующими общим убеждениям и настроениям.

Исходя из представления о праве как ценностно-нормативной системе, допускаем возможность комплексного анализа стратегического устройства правового дискурса и его структуры посредством соотнесения характерного для его разновидностей коммуникативного инструментария (стратегий, тактик, приемов и т. п.) с ценностями и нормами соответствующих областей права. Поскольку связующим звеном между ценностями и нормами выступают концепты, одновременно относящиеся и к тем, и к другим, выявление и определение связей между правовыми концептами как элементами единой системы способствует более полному описанию ценностно-нормативного содержания соответствующих областей права и, следовательно, более качественной интерпретации правового дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гильмутдинова, Н. А.* Интерпретация и понимание в социально-гуманитарном познании / Н. А. Гильмутдинова // Вестн. УлГТУ. – 2005. – № 3. – С. 15–18.
2. *Русакова, О. Ф.* Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса / О. Ф. Русакова // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2007. – Вып. 7. – С. 5–34.
3. *Harris, Z. S.* Discourse Analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – № 1. – P. 1–30.
4. *Поляков, А. В.* Общая теория права : учеб. [Электронный ресурс] / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПбГУ, 2017. – Режим доступа : <https://iknigi.net/avtor-andrey-polyakov/145936-obschaya-teoriya-prava-uchebnik-andrey-polyakov/read/page-1.html>. – Дата доступа : 10.09.2023.

5. *Темнова, Е. В.* Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 24–32.
6. *Пантыкина, М. И.* Дискурс-анализ в исследовании индивидуального правосознания / М. И. Пантыкина // Правоведение. – 2017. – № 1. – С. 28–51.
7. *Карасик, В. И.* Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В. И. Карасик // Изв. ВГПУ. Сер.: Филологические науки. – 2015. – № 1(96). – С. 73–79.
8. Предпринимательское право России : учеб. / В. С. Белых [и др.] ; отв. ред. В. С. Белых. – М. : Проспект, 2009. – 656 с.
9. *Афанасик, Д. А.* Концепт «брак» в сознании носителей современной русской лингвокультуры: динамический аспект / Д. А. Афанасик // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 4 (793). – С. 242–252.
10. *Новиков, А. И.* Семантика текста и его формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 211 с.
11. *Бахтин, М. М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
12. *Ковалевская, И. И.* Концептуализация дискурса договорного права и ее применение в переводе / И. И. Ковалевская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2023. – № 1 (122). – С. 7–14.
13. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
14. *Шпильная, Н. Н.* Принцип диалогизма и его объяснительный потенциал при описании лексической системы русского языка / Н. Н. Шпильная // Диалогическая лингвистика : коллектив. моногр. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – С. 7–21.
15. *Горобец, К. В.* Аксиосфера права: философский и юридический дискурс : моногр. / К. В. Горобец. – Одесса : Фенікс, 2013. – 218 с.

Поступила в редакцию 17.11.2023

Степанова Дарья Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и практики английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Darya Stepanova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Theory
and Practice of English Speech
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
daryastepanova79@gmail.com

ПРОГРАММНЫЙ КОМПЛЕКС ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ
ДИНАМИЧЕСКОГО КОРПУСА ТЕКСТОВ СМИ

SOFTWARE PACKAGE FOR GENERATING
A DYNAMIC MEDIA TEXTS CORPUS

Статья посвящена проблеме создания динамического лингвистического корпуса точными методами в автоматизированном режиме. Рассматриваются возможность и эффективность использования современных программных инструментов для генерации репрезентативного размеченного корпуса текстов СМИ. Написанные на языке программирования Python коды с применением библиотеки обработки естественного языка spaCy позволили разработать процедуру накопления базы данных корпуса и получить количественные и качественные параметры по заданным запросам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: корпусная лингвистика; динамический лингвистический корпус; корпусный менеджер; база данных; обработка естественного языка.

The article deals with the problem of dynamic linguistic corpus automated creation based on precise methods. The article examines the possibility and efficiency of using modern software tools generating a representative tagged corpus of media texts. The developed Python library programs based on the spaCy natural language processing allow the author of the article to develop the procedure of creating and maintaining a database and to obtain quantitative and qualitative parameters for specified queries.

К e y w o r d s: corpus linguistics; dynamic linguistic corpus; corpus manager; database; natural language processing.

Одной из актуальных проблем современной прикладной лингвистики является совершенствование методов автоматической обработки естественного языка на основе лингвистических корпусов.

В русле решения данной проблемы в 2023 г. совместным коллективом учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» и федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный

лингвистический университет» был реализован международный научно-исследовательский проект «Разработка метода генерации лингвистического корпуса инструментами обработки естественного языка» (№ государственной регистрации 20230455 от 12.04.2023).

В рамках данного проекта проведено исследование, целью которого является создание в автоматизированном режиме и апробация репрезентативного размеченного динамического корпуса текстов для решения различных лингвистических задач.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить способ разметки большого массива текста с помощью библиотеки обработки естественного языка spaCy высокоуровневого языка программирования Python, которая в обычном случае допускает загрузку текстового файла объемом не более 1 МБ;

2) построить в автоматизированном режиме корпус текстов объемом не менее 1 млн токенов;

3) протестировать созданный корпус на предмет целостности базы данных;

4) посредством запросов извлечь из полученного корпуса данные о тематическом наполнении публикаций.

Материалом для проведения данного исследования послужили тексты статей немецкоязычного периодического издания Spiegel, который в силу широкого тематического охвата и высокого качества языка публикаций является популярным объектом различных лингвистических исследований [1; 2; 3; 4].

Методами исследования выступают алгоритмизация (в части построения программного решения), автоматический программный анализ и синтез полученных в результате данных.

Для решения первой задачи нами были внесены модификации в спроектированный ранее модуль автоматической генерации лингвистического корпуса по правилам библиотеки обработки естественного языка spaCy [5, с. 1617]. Решение состоит в том, чтобы последовательно создавать корпус из N текстовых массивов (файлов txt) объемом менее 1 МБ, т. е. пополнять корпус новым лингвистическим материалом.

Решение второй задачи потребовало организовать процедуру регулярного отбора текстов рассматриваемого периодического издания. Данная процедура осуществлялась в несколько этапов: определение рубрики-источника, автоматизация отбора материала, разработка технологии отбора заголовков статей, построение базы данных лингвистического корпуса.

В качестве рубрики-источника был выбран раздел Schlagzeilen (заголовки), который ежедневно пополняется десятками новостных статей различных тематик, например, обзор событий в глобальной сети Интернет, экономика, политика, культура, спорт, международные события, наука, история и другие.

В целях исключения «ручного» режима копирования текстов была написана программа на языке программирования Python, которая в автоматизированном режиме осуществляет отбор заголовков статей по заданным параметрам и создает нормализованный текстовый массив [6, с. 8–9]. При этом следует обращать внимание на то, чтобы размер файла не превышал 1 МБ.

Для обеспечения возможности построить динамический корпус и регулярно пополнять лингвистическую базу новыми текстами была разработана технология, которая при первом запуске программы предусматривает отбор в автоматизированном режиме заголовков журнала, а при втором и последующих запусках – добавляет только новые заголовки для формирования текстового массива, состоящего из новых текстов. Таким образом, после каждого запуска программы вносятся дополнения в общую базу с заголовками и формируется корпус текстов статей по новым заголовкам. Отбор текстов осуществляется без метаданных и без разделения на абзацы.

Полученные текстовые файлы один за другим подвергаются автоматической обработке генератором корпуса. Количество файлов, подлежащих процедуре обработки за один цикл, не ограничено. Получаемый в процессе такого формирования данных лингвистический корпус может иметь значительный объем, превышающий один миллион токенов. База данных корпуса состоит из двух таблиц: таблицы токенов и таблицы предложений [7, с. 3383–3384].

Для решения следующей задачи – тестирования лингвистического корпуса на предмет целостности – была проанализирована база данных в части присвоения числовых идентификаторов. В случае, если последнее предложение корпуса имеет номер N , то при добавлении предложений из нового текстового массива очередному предложению должен быть присвоен номер $N+1$. То же должно быть верно и для токенов, но с той разницей, что при соотнесении токена с предложением в таблице предложений все номера должны быть корректно синхронизированы.

Приведем в качестве пояснения фрагмент кода для добавления текста в соответствующий лингвистический корпус (листинг):

```

# Заполнение новой db из нескольких файлов
elif " " not in self.ui.lineEdit_corpusName.text() and self.weCanStartMult
== True:
    dbName = self.ui.lineEdit_corpusName.text() + ".db"
    self.createANewDB(dbName)
    ## Структура таблицы
    table01 = """
        CREATE TABLE IF NOT EXISTS sents (
            id integer PRIMARY KEY,
            sentnum integer NOT NULL,
            senttext text NOT NULL,
            sentoption01 text DEFAULT 'NONE',
            sentoption02 text DEFAULT 'NONE',
            sentoption03 text DEFAULT 'NONE',
            sentoption04 text DEFAULT 'NONE',
            sentoption05 text DEFAULT 'NONE'
        );
    """
    ## Структура таблицы
    table02 = """
        CREATE TABLE IF NOT EXISTS tokens (
            id integer PRIMARY KEY,
            tokennum integer NOT NULL,
            sent_num integer NOT NULL,
            tokentext text NOT NULL,
            tokenpos text,
            tokenlemma text,
            tokenattr text,
            tokenoption01 text DEFAULT 'NONE',
            tokenoption02 text DEFAULT 'NONE',
            tokenoption03 text DEFAULT 'NONE',
            tokenoption04 text DEFAULT 'NONE',
            tokenoption05 text DEFAULT 'NONE',
            FOREIGN KEY (sent_num) REFERENCES sents (id)
        );
    """
    self.createATable(table01, dbName)
    self.createATable(table02, dbName)
    # Открывает библиотеку для всех файлов один раз
    nlp = spacy.load(self.ui.comboBox_selectLang.currentText())
    # Счетчик предложений устанавливается на 1 или на текущую позицию,
если идет добавление в имеющуюся БД
    conn = sqlite3.connect(dbName)
    indexSent = int(self.getStrSQL(conn.execute("SELECT COUNT (*) FROM
sents")))
    if indexSent == 0:
        counterSent = 1
    else:
        counterSent = indexSent + 1
    conn.close()
    # Открывает папку с текстовыми файлами для корпуса
    fileNames = os.listdir(self.TXTNameFolder)
    # Прибавочный индекс для счета токенов
    index = 0
    # Перебирает все файлы из папки

```

```

    for file in fileNames:
        fileTemp = open(self.TXTNameFolder + "/" + file, "r",
encoding="utf-8")
        text = fileTemp.read()
        fileTemp.close()
        # Все одинарные кавычки заменяются на звездочки
        text = text.replace("'", "*")
        # Заполнение таблиц базы данных из текстов по очереди
        doc = nlp(text)
        # Блок полосы прогресса - пока для каждого файла отдельно,
показано имя текущего файла
        self.cancelled = False
        self.progress = QtWidgets.QProgressDialog(file + " сборка...",
"Стоп", 0, len(doc))#, self.ui.action_freq)
        self.progress.setWindowModality(QtCore.Qt.WindowModal)
        self.progress.setMinimumDuration(10)
        i = 0
        # Подключение к базе данных
        conn = sqlite3.connect(dbName)
        # Запрос текущего количества токенов в базе
        index = int(self.getStrSQL(conn.execute("SELECT COUNT (*) FROM
tokens")))
        # Цикл для перебора каждого токена
        for token in doc:
            # Блок полосы прогресса
            self.progress.setValue(i)
            i += 1
            if self.progress.wasCanceled():
                self.cancelled = True
                return
            # Все кавычки в лемме заменяются на описательные слова
            if token.text == "'":
                lemma = "quote"
            elif token.text == '"':
                lemma = "doublequote"
            else:
                lemma = token.lemma_
            if token.is_sent_start:
                conn.execute("INSERT INTO sents VALUES(NULL, %d, '%s',
NULL, NULL, NULL, NULL, NULL)" % (counterSent, token.sent))
                conn.commit()
                conn.execute("INSERT INTO tokens VALUES(NULL, %d, %d,
'%s', '%s', '%s', '%s', NULL, NULL, NULL, NULL, NULL)" % (token.i+index,
counterSent, token.text, token.pos_, lemma, token.morph))
                conn.commit()
                if token.is_sent_end:
                    counterSent += 1
            elif token.is_sent_end:
                conn.execute("INSERT INTO tokens VALUES(NULL, %d, %d,
'%s', '%s', '%s', '%s', NULL, NULL, NULL, NULL, NULL)" % (token.i+index,
counterSent, token.text, token.pos_, lemma, token.morph))
                conn.commit()
                counterSent += 1
            else:
                conn.execute("INSERT INTO tokens VALUES(NULL, %d, %d,
'%s', '%s', '%s', '%s', NULL, NULL, NULL, NULL, NULL)" % (token.i+index,
counterSent, token.text, token.pos_, lemma, token.morph))
                conn.commit()

```

Генерация корпуса проводилась в период с 31.05.2023 г. по 22.06.2023 года. Общий объем текстового массива составил 6,58 МБ в 21 файле размерами от 82 КБ до 902 КБ. Количество включенных статей журнала Spiegel оказалось равным 3015.

После автоматического преобразования текстового массива в базу данных был получен лингвистический корпус объемом 63 578 предложений и 1 107 262 токена. Техническая апробация базы данных лингвистического корпуса показала, что порядковые номера предложений и токенов не имеют дублирований или разрывов. Таким образом, задача по разработке корпуса текстов объемом не менее 1 млн токенов в автоматизированном режиме была успешно выполнена.

В рамках решения задачи по извлечению данных о тематическом наполнении публикаций посредством запросов из полученного корпуса текстов был построен частотный словарь имен собственных, который показал следующие результаты (приводятся первые 25 позиций словаря с указанием количества их употреблений в созданном корпусе):

1. Ukraine : 1173
2. Deutschland : 1128
3. Russland : 974
4. China : 550
5. USA : 538
6. Trump : 523
7. SPIEGEL : 486
8. Berlin : 360
9. Scholz : 311
10. SPD : 310
11. Moskau : 308
12. Europa : 292
13. Putin : 282
14. Kiew : 263
15. Bayer : 252
16. Biden : 247
17. Selenskyj : 235
18. Twitter : 218
19. München : 217
20. EU : 190
21. FDP : 180
22. Erdoğan : 177
23. Frankreich : 171
24. CDU : 169
25. Türkei : 168

Полученные результаты позволяют сделать вывод о наиболее актуальных вопросах общественной и политической жизни, освещаемых в рассматриваемом периодическом издании.

В качестве дополнительных возможностей созданного корпуса текстов рассмотрим некоторые результаты анализа данных, полученных посредством формирования различных запросов. К примеру, в целях определения доли токенов, которым присуще свойство «sub», т. е. «употребление в конъюнктиве», построим запрос к базе данных:

```
SELECT COUNT (*) FROM tokens WHERE tokenattr LIKE '%=sub%'
```

По результату данного запроса было получено 12 627 лексических единиц, что составляет 1,14% от их общего количества в корпусе. Таким образом, суммарная доля глаголов, которые употребляются в наклонениях конъюнктив I и конъюнктив II, находится на уровне одного процента от всех токенов. При этом общее количество глаголов в корпусе составляет 87 739 единиц.

В рамках решения задачи по установлению особенностей употребления лексических единиц с атрибутом «женский род» построим запрос к базе данных:

```
SELECT COUNT (*) FROM tokens WHERE tokenattr LIKE '%=fem%'
```

Аналогичным образом сформируем запросы для установления единиц с атрибутами «мужской род» и «средний род». В результате были получены следующие данные: доля лексических единиц с атрибутом «женский род»: 178 690 (16,14 %); для мужского: 179 435 (16,21 %); для среднего: 118 799 (10,73 %). Полученные данные позволяют сделать вывод о практически полном равенстве «мужского» и «женского» в текстах статьей рассматриваемого издания Spiegel.

Приведенные данные свидетельствуют об эффективности предлагаемого способа отбора текстов для создания лингвистического динамического корпуса и его использования для решения различных задач.

Таким образом, в результате проведенного исследования был построен и апробирован динамический лингвистический корпус новостных текстов периодического журнала Spiegel объемом 1 107 262 токена. При этом удалось решить проблему преобразования текстового файла объемом более 1 МБ средствами библиотеки spaCy. Полученная база данных, которая составляет основу лингвистического корпуса, не обнаружила ошибок целостности. Для дополнительной апробации разработки был сгенерирован частотный словарь имен собственных, который позволяет получить ясное представление о тематическом наполнении публикаций. Также были продемонстрированы возможности корпуса для анализа различных язы-

ковых явлений. В качестве перспективного направления исследования представляется целесообразным разработать схожие корпуса текстов на других языках для проведения сопоставительных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьева, В. Э. Постколониальная тематика на страницах европейской прессы / В. Э. Соловьева // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал : материалы V Всероссийской науч.-практ. конф., посвящ. памяти Г. М. Соловьева, Краснодар, 02 дек. 2022 г. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2023. – С. 310–315.
2. Езан, И. Е. Лингводискурсивный корпусный анализ лексики пандемии коронавируса в онлайн-версии журнала Der Spiegel / И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова, Л. Н. Григорьева // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Язык и литература. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 760–779.
3. Мишин, А. В. Языковой образ России в жанре интервью (на материале рубрики «Spiegel-Gespräch» журнала «Der Spiegel») / А. В. Мишин // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. – 2022. – Т. 32, № 4. – С. 822–827.
4. Василькова, М. В. Стилистика проблемного интервью (на материале журнала «Spiegel») / М. В. Василькова // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 72-й Региональной науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 20 фев. 2020 г. / редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2020. – С. 110–112.
5. Горожанов, А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений / А. И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 1616–1620.
6. Горожанов, А. И. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смук и Малыш») / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1., Филология. – 2022. – № 4 (119). – С. 7–13.
7. Горожанов, А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса / А. И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 10. – С. 3382–3386.

Поступила в редакцию 28.11.2023

Чжао Линьцзян

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Zhao Linjiang

PhD Student of the Department
of Specheology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
brandon.zhao@yandex.by

**МАНИФЕСТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ**

**MANIFESTATION OF CULTURAL VALUES
IN EDUCATIONAL ADVERTISING**

The article sheds light on the peculiarities of cultural value appeal in the texts which advertise educational services provided by middle schools in China, Great Britain and Belarus. Material and spiritual values reflected in Chinese-, English- and Russian-language advertising are determined, similarities and differences in their manifestation are unveiled. Research results can be used as recommendations aimed at improving educational advertising in different languages addressed to different cultural communities.

Key words: educational advertising; value appeal; cultural value; material value; spiritual value.

В статье выявляются особенности апелляции к культурным ценностям в рекламе образовательных услуг, предоставляемых средними школами Китая, Великобритании и Беларуси. Определяются материальные и духовные ценности, нашедшие отражение в рекламных сообщениях на китайском, английском и русском языках, устанавливаются сходства и различия в их манифестации. Полученные результаты могут быть полезны в качестве рекомендаций по составлению образовательной рекламы на разных языках, адресованной различным культурным сообществам.

Ключевые слова: образовательная реклама; апелляция к ценности; культурная ценность; материальная ценность; духовная ценность.

Mass media is the main means of disseminating cultural values. As a form of mass media, advertising is a symbol of consumer society that shapes the landscape of our daily life. With social development, as the cultural significance of products increases, advertising naturally becomes one of the carriers of cultural values.

The concept of culture itself is very rich, but it is the values held by people that can best reflect the culture of a country. Cultural values affect people's beliefs and attitudes and guide their behavior. They are the product of society, a way of thinking that a certain person shares with other members of society.

S. A. Belskaya gives the opinion that “the concept ‘cultural values’ is used to designate objects of the material and spiritual world that have cultural significance in the society’s view” [1, c. 4]. Cultural values are seen as a combination of moral and aesthetic ideals, norms and patterns of behavior, languages and dialects, national traditions and customs, arts and crafts, folklore, buildings and objects of historical and cultural significance, works of art, results of scientific research, etc. [2].

By collecting data from 73 countries, Sh. Schwartz validated his theory of seven cultural value orientations that are interconnected and form three cultural value dimensions. He mentions that “cultural value emphases shape and justify individual and group beliefs, actions, and goals. Institutional arrangements and policies, norms, and everyday practices express underlying cultural value emphases in societies. <...> The preference element in cultural value orientations – values as ideals – promotes coherence among the various aspects of culture” [3, p. 139].

Scholars in China pay more attention to exploring the relationship between cultural values and people. Guo Lian believes that “values are the deepest part of culture, it is a set of enduring beliefs about what is the best behavior, it is acquired by people in the process of socialization, it dominates people’s beliefs, attitudes, opinions and actions, and becomes a guide for people’s actions” [4, p. 53]. Xu Chunliang and Guo Guangyin point out that the development of cultural value has undergone the process of self-validation in “cultural proposition”, “cultural interpretation” and “cultural return”. They considered the role of people in this process, emphasizing that “culture is based on humanization” [5, p. 25].

In short, cultural values are accumulated and formed over a certain period of time in a specific social environment. They are firmly ingrained in a culture, which is reflected through various aspects of the society. As the basic cultural values guide a nation’s behavior and cognitive norms, they will inevitably be reflected in advertising and its language.

Advertising is a common type of discourse and is generally associated with the techniques and practices used to bring products, services, opinions, or causes to public notice for the purpose of persuading the public to respond in a certain way toward what is advertised [6]. The advertising text itself and the information carried by the words strive to achieve this purpose. Advertising is not just about the commercial promotion of branded products, but can also enhance the image of an individual, group or organization. As a result, advertising no longer operates on a single level, “instead, advertising texts are seen as potentially involving complex notions of audience, where

readers have to work hard to decode messages” [7, p. 8]. The addresser and addressee of advertising gradually build up the same cultural background in order to communicate effectively through the text. That is, only advertising under the same culture is mutually understood by both the participants, who jointly accept the cultural value orientation contained in the message.

Scholars have numerous viewpoints when discussing the relationship between advertising and culture. The three classic theories are as follows. 1. Mirror theory: advertising is a mirror of society and reflects the existing life and concepts [8]. 2. Shape theory: advertising is not just a reflection, it is a powerful force that shapes social life and changes culture [9]. 3. Distorted mirror theory: advertising exaggerates one part of our lives while devaluing another [10]. All these viewpoints reveal the relationship between advertising and culture to a certain extent, but they are all short-sighted. There is an interactive relationship between advertising and culture, and they influence and promote each other. The aim of advertising is to make products known to consumers through the power of communication, improve the popularity of enterprises, expand consumer groups, and thus achieve ideal marketing results. In this process, from the creation of advertising to the final evaluation of effect, every link is affected by culture. In fact, advertising is not only an activity, but also a cultural form. Advertising does not only reflect the public's concepts in real society, but will also gradually change the public's values.

Thus said, cultural values are getting close attention in modern advertising research. With the development of society, when the cultural significance of products is growing, advertising will naturally become the most favorable means of constructing the value of products. In other words, advertising itself is the embodiment of cultural values. “Advertising occupies a special position among the factors that directly affect the formation and change of personal value systems” [11, p. 31]. Consequently, one of the main functions of advertising is to spread and strengthen cultural values. Advertising either reveals the value hidden in the product, or associates value with the products, brands and company names.

The overarching goal of advertising is to persuade the addressee, and this purpose is usually achieved through advertising appeal. Therefore, to explore the cultural values contained in advertising, we should focus on value appeal as a tactic. Advertising appeal is “the rhetorical modes of persuasion underlying the implicit psychology of advertisements” [12]. It is a common strategy used by the addresser to generate the addressee's purchasing behavior. The tactics aimed to achieve the advertising appeal strategy

typically include emotional appeal, rational appeal, authority appeal, value appeal, etc. When studying the cultural values contained in advertising, value appeal tactic is particularly worth exploring.

Advertising under the same cultural values has certain commonalities. Naturally, values under different cultures must have certain peculiarities. By studying advertising texts in different languages, we can explore value manifestation in different linguocultures. This paper focuses on Chinese-, English- and Russian-language educational advertising texts and applies methods of contextual and comparative analysis. The corpus analyzed comes from online advertising on the official websites of middle schools in China, Great Britain and Belarus.

The same cultural values appealed to in all the three languages include the value of *family* and the value of *students' innovative development*. The value of family is connected with the people's beliefs about family affairs as well as the family members' attitude to the outside world. For students, family is a label of warmth and security. Thus, educational advertising appeals to the value of family, which can help students overcome their fear and pressure of study. The embodiment of this value appeal in Chinese-language advertising can be seen in the text: *欢迎加入承德普臻中学这个大家庭, 学校的老师们已经做好充分准备迎接你们的到来, 未来几年, 这里就是你们的家, 老师会像家人一样陪伴你们成长.* 'Welcome to join the big family of Chengde Puzhen Middle School. The teachers of the school are fully prepared to welcome you. In the next few years, this will be your home, and the teachers will accompany you to grow up like family members'. This advertising introduces the concept of family, comparing school to home and teachers to family members. A comfortable and pleasant atmosphere is created for students. We can also see this value appeal in English-language educational advertising published by a senior school on its website: "A **home** away from **home**" may be a cliché but we do believe that Wrekin should be a second **family**, and a second **home** for those who stay with us. Similarly, this advertising mentions the concepts of home and family. Wrekin Senior School is home, and everyone in the school is a family member. In Russian-language educational advertising, we can refer to the following publication: *Средняя школа № 110 города Минска – наш большой гостеприимный дом. Это мирное место, полное исследований, открытий, дружбы и любви. Мы гордимся быть частью этого дома и приглашаем вас в нашу большую дружную семью!* 'Minsk Middle School № 110 is our big hospitable home. This is a peaceful place full of exploration, discovery, friendship and love. We are proud to be part of this home and invite you to join our big friendly family!' This advertising appeals to a peaceful family life full of friendship and love.

Next, let's turn our attention to the value of students' innovative development. Innovation is a kind of thinking activity, which can not only help improve individual potential and competitiveness, but also create a better life and promote social progress and development. Therefore, cultivating students' innovative development is a universal value appeal in educational activities. For Chinese-language advertising, let's provide an example about the well-known Chengdu Shude Middle School: *成都树德中学光华校区的教育理念是“立足当下,放眼未来”.在实现这一理念的过程中,光华校区坚持以人为本、全面发展、因材施教、个性化培养等多重原则,注重学生综合素质和创新能力的培养.* 'The educational philosophy of Guanghua Campus of Chengdu Shude Middle School is "Based on the present and looking to the future". In the process of realizing this philosophy, Guanghua Campus adheres to multiple principles such as people-oriented, comprehensive development, teaching students in accordance with their aptitude, and individualized training, and pays attention to the cultivation of students' comprehensive quality and innovative ability'. This advertising introduces the school's specific philosophy and objectives for cultivating students, and each part of it appeals to the value of students' development, bringing expectations to students and their parents. This value appeal can be reflected in the following English-language educational advertising: *Our priority is to ensure Dedworth Middle School continues to aim to become an outstanding school where every child can achieve their full **potential** in their academic, **creative**, personal, physical and moral **development**. Our focus is all about enabling children to learn and make **progress** experiencing the highest quality teaching and learning within a happy and safe environment.* This advertising introduces detail about the progress of students' academic, creative, personal, physical and moral aspects. The example from Russian-language educational advertising is as follows: *Целью деятельности государственного учреждения образования «Погостская средняя школа Березинского района» является **формирование** необходимых **знаний, умений, навыков** и интеллектуальное, нравственное, творческое и физическое **развитие личности** учащихся.* 'The aim of the national educational institution "Pogostskaya Middle School in Berezinsky District" is to cultivate the necessary knowledge, skills and intellectual, moral, creative and physical development of students' personalities'.

The specific cultural values reflected in the educational advertising in the three languages are the values of *pragmatism* and *idealism*, as well as *tradition* and *inclusiveness*. "Ideal" and "practical" are opposing categories. Pragmatism refers to accurately depicting the nature or real life,

emphasizing practicality. In Chinese-language educational advertising, the value appeal of idealism is more obvious, though, as we can see from the advertising of Chengdu Middle School № 9: *为高校输送基础宽厚、品性优秀、具有创新潜质的优秀学生, 为培养未来社会的领军人物和领袖人才奠定坚实的基础*. 'Provide colleges and universities with excellent students who have a broad foundation, excellent character, and innovative potential. And lay a solid foundation for cultivating future leaders and leadership talents of society'. This advertising describes the students' ideal life after graduating, that is, cultivating students into social leaders. From practical point of view, we know that leaders are in the minority, so the advertising appeals to an idealistic value. When considering English-language educational advertising, let's quote an example of Church Hill Middle School: *We will empower our children to become respected citizens to enable them to make **valuable contributions locally, globally and to contribute to our world's sustainable future***. The goal of the school is to educate students that are valuable to the local and global communities, This is an ambitious, idealistic goal. As for Russian-language educational advertising, we can refer to the text published on the website of Minsk Middle School № 15: *И, наконец, самая главная причина – знание немецкого **открывает многие двери. Программы обучения, стипендии, магистратуры, исследования, стажировки в компаниях, гранты, просто работа, в конце концов. Для иностранцев Германия открывает все это. Ни в одной другой стране мира нет такой поддержки иностранцев. <...> К тому же германо-белорусские отношения в сфере экономики и культуры очень тесны, что открывает множество возможностей для работы в Германии***. 'And finally, the most important reason is that knowledge of German opens many doors. Study programs, scholarships, master's degree, research, internships in companies, grants, just a job after all. For foreigners Germany opens all this. No other country in the world has such support for foreigners. <...> In addition, German-Belarusian relations in the sphere of economy and culture are very close, which opens up many opportunities for work in Germany'. This advertising is practical and result-oriented. It describes in detail the various benefits of learning German and the feasibility of obtaining these benefits. Everything is achievable. The message embodies the practical and pragmatic value orientation.

Last, let's compare the values of tradition and inclusiveness in educational advertising in the three linguocultures. Tradition and inclusiveness are not antagonistic, but focus on two different aspects. Educational advertising that appeals to tradition often pays more attention to

nation and country, as well as history and inheritance. In contrast, educational advertising that appeals to inclusiveness usually places more emphasis on promoting multi-ethnicity and globalization, and is more focused on openness. As China is a country with a profound history, Chinese-language educational advertising will inevitably appeal to traditional value: *彭州中学（九峰书院）的历史可以追溯到1646年，是四川省历史最为悠久的历史机构之一，校园文化以“传承文化、创新未来”为主旨，注重对学生中华优秀传统文化价值观的培养。* ‘The history of Pengzhou Middle School (Jiufeng Academy) can be traced back to 1646, and it is one of the oldest educational institutions in Sichuan Province. The campus culture takes “inheriting culture and innovating the future” as an aim, emphasizing the cultivation of students’ traditional Chinese cultural values’. This school has a long history, so this advertising appeals to tradition, highlights the value of historic past. British society also has a long history, but its modern social development is more internationalized and diversified. Therefore, English-language advertising appeals more to the values of inclusiveness, such as this example: *At Dedworth Middle School we **recognise** that it is **not necessary** for schools or individuals **to promote teachings, beliefs or opinions that conflict** with their own, but **nor is it acceptable** for schools **to promote discrimination** against people or groups **on the basis of their belief, opinion or background**. This behaviour **would not be tolerated**...* This advertising discusses the beliefs of different students in the school, with the aim of promoting the school’s inclusiveness and openness. This kind of value appeal is based on the characteristics of multi-ethnic, multi-faith society. In contrast, Belarusian society pays attention to national unity and the concept of the state. Appeal to traditional values is very common, as on the website of Mogilev Middle School № 11: *Продолжить работу по созданию условий для развития личности учащихся на основе **нравственных ценностей**, направленных на формирование **уважения к своему Отечеству, народу, языку, белорусской культуре, традициям и обычаям** через совершенствование системы работы с законными представителями.* ‘We will continue to create conditions for students’ personality development on the basis of moral values, aiming at cultivating respect for the motherland, people, language, Belarusian culture, traditions and customs by improving the system of cooperation with legal representatives’. This ad appeals to tradition and the national identity of students and parents, by referring to the concepts of morality, motherland, and customs.

Different social and cultural backgrounds have resulted in different cultural values. From the perspective of sociology, culture is mainly divided into two dimensions: material culture and spiritual culture. Therefore, the

differences and similarities of cultural value manifestation in Chinese-, English- and Russian-language educational advertising can be analyzed from this perspective. On the material level, the economy of a society affects the cultural values of the social group. The Chinese-, English- and Russian-language educational advertisements all appeal to the value of students' innovative development, which is the main aspect of social and cultural life in various countries. Speaking of the values of pragmatism vs. idealism, Russian-language educational advertising appeals to pragmatism, while Chinese- and English-language educational advertising appeal to idealism. The analyzed Chinese-language educational advertising only refers to the future, while the English-language advertising is both future-oriented and global-oriented. From the spiritual level, Chinese-, English- and Russian-language educational advertising all appeal to the value of family. And when appealing to the values of tradition and inclusiveness, English-language educational advertising is more focused on the value of inclusiveness, while Chinese- and Russian-language educational advertising appeals to tradition. The analyzed English-language advertising mentioned words such as *beliefs*, *opinion* and *(unacceptable) discrimination*, which shows that today's Great Britain society is multi-religious and multi-ethnic, and it pursues inclusiveness, peace and coexistence among its members. The words such as *inheritance*, *tradition* and *custom* used in Chinese- and Russian-language educational advertising manifest the unity, consistency and stability of the domestic societies of China and Belarus.

In general, while reflecting the society and national culture, advertising is also imperceptibly affecting people's lifestyle and values. Although educational advertising in different languages is influenced by the cultural values of different societies, value appeals are not static due to the rapid development of social economy. Educational advertising in various languages should be based on national conditions but learn from each other at the same time, so as to better achieve the purpose of advertising.

REFERENCES

1. Бельская, С. А. К проблеме определения понятия «культурная ценность» / С. А. Бельская // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 3–1. – С. 4–7.
2. Анисимов, И. О. Законодательство Российской Федерации в области языковой политики и междунар. право / И. О. Анисимов, Е. Е. Гуляева // Междунар. право. – 2022. – № 2. – С. 41–57.

3. *Schwartz, Sh.* A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications / Sh. Schwartz // *Comparative Sociology*. – 2006. – № 5. – P. 137–182.
4. *Guo, L. A.* Comparative Scale of Cultural Values / L. A. Guo. – *Scientific Socialism*. – 2002. – № 5. – P. 53–55.
5. *Guo, G.* Cultural Values and the Process of Self-validation of Cultural Values / G. Guo, Ch. Xu. – *The Journal of Jiangsu Administration Institute*. – 2017. – № 5. – P. 25–31.
6. Advertising [Electronic resource] // *Encyclopedia Britannica*. – Mode of access: <https://www.britannica.com/money/topic/advertising>. – Date of access: 10.08.2023.
7. *Goddard, A.* The language of advertising: written texts / A. Goddard. – London, N. Y. : Routledge. – 2002. – 144 p.
8. *Albers-Miller, N.* Business Advertising Appeals as a Mirror of Cultural Dimensions: A Study of Eleven Countries / N. Albers-Miller, B. Gelb // *Journal of Advertising*. – 2013. – № 25–4. – P. 57–70.
9. *Waugh, J.* Does Advertising Shape or Reflect Popular Culture? / J. Waugh. – Edinburgh : Edinburgh Napier University. – 2011. – 281 p.
10. *Gallagher, K.* Advertising and Cultural Values: Reflections in the Distorted Mirror / K. Gallagher, R. Pollay. – *International Journal of Advertising*. – 1990. – № 9–4. – P. 359–372.
11. *Богатырева, О. В.* Реклама как носитель и транслятор культурных ценностей / О. В. Богатырева // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2015. – № 8. – С. 31–33.
12. Advertising appeal [Electronic resource] // *Oxford Reference*. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803095352940>. – Date of access: 13.08.2023.

Поступила в редакцию 13.09.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**УДК 82.0-1/9****Казанцева Ксения Кирилловна**

магистрант кафедры иностранных языков
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка,
г. Минск, Беларусь

Kseniya Kazantsava

MA Student at the Department
of Foreign Languages,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus
kazantsavakseniya@mail.ru

Рогачевская Марина Станиславовна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры зарубежной
литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь,

Marina Ragachewskaya

Habilitation Doctor of Philology,
Professor at the Department of World
Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinaragachewskaya@gmail.com;

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР:
ЭВОЛЮЦИЯ И ЖАНРОВЫЕ ДОМИНАНТЫ****THE PSYCHOLOGICAL THRILLER:
EVOLUTION AND GENRE DOMINANTS**

В данной статье представлено исследование литературного жанра психологического триллера, выявляющее его комплексность и взаимосвязь с детективным и готическим жанрами. Подчеркивается, что акцент на внутреннем мире персонажей, создание атмосферы тайны и неопределенности придают психологическому триллеру специфические черты и формируют его жанровые доминанты. В статье также представлен краткий обзор эволюции романа-триллера с XIX в. до наших дней, отражающий изменения в его жанровой природе и трансформацию в психологический триллер на современном этапе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психологический триллер; саспенс; детективный жанр; готические элементы; эволюция; жанровые доминанты.

This article presents a study of the literary genre of the psychological thriller, revealing its complexity and relation to the detective and gothic genres. It discusses the fact that the emphasis on the inner world of the characters and the creation of an atmosphere of mystery and uncertainty give the psychological thriller new features and

form its genre dominants. The article also provides a brief overview of the evolution of the thriller novel from the 19th century to the present day, reflecting changes in its genre structure and transformation into a psychological thriller at the present stage.

Key words: psychological thriller; suspense; detective genre; the gothic; evolution; genre dominants.

Термин *триллер* употребляется по отношению к остросюжетным литературным произведениям еще с 1880-х годов. События в них основаны на авантюрно-приключенческой или криминальной интриге-коллизии, вокруг которой динамично и непредсказуемо развиваются (в пределах короткого промежутка времени) основные события, а персонажи действуют осознанно и мотивированно, на грани своих сил и возможностей, добиваясь важной цели [1]. Термин *триллер* является типологическим наименованием для нескольких разновидностей романов этого жанра. Рассмотрим сначала его общие жанровые доминанты.

В основе сюжета триллера заложены вечные мечты человека о достижении справедливости и повышении моральных качеств людей. Произведения этого жанра нередко строятся на событиях, связанных с терроризмом, политическими заговорами, преследованиями; также в основе сюжета может находиться романтический любовный треугольник, отношения в котором становятся предпосылкой для совершения преступления. Как правило, в триллере сюжет разворачивается вокруг действий злодея, который создает препятствия для главного героя. Наиболее частые типы персонажей – преступники, убийцы, люди с темным прошлым, психопаты, террористы и, как следствие, их жертвы, например, женщины, подвергающиеся насилию, а также частотны полицейские, герои, вовлеченные в запутанные отношения, различные маргинальные персонажи. Таковы, к примеру, романы Т. Харриса «Красный дракон» (*Red Dragon*, 1982) и «Молчание ягнят» (*The Silence of the Lambs*, 1988), где герой последнего – судебный психиатр, серийный убийца и каннибал, проявляющий черты психопата и обладающий выдающимся интеллектом. Часто в триллерах главные герои являются обычными людьми, которые не привыкли к опасностям, но вынуждены бороться с внешними силами. Им приходится столкнуться со смертью и случайно или намеренно стать заложниками опасных конфликтов. На первых порах герои-злодеи преимущественно умнее и сильнее главных героев. Среди особенностей художественного конфликта триллера – борьба не только на физическом, но и на психологическом уровне.

Триллеры описывают мир как темное, опасное и коррумпированное место, однако истории зачастую заканчиваются победой добра над злом. В качестве основной характеристики произведений этого жанра выде-

ляется то, что они вызывают внезапный прилив эмоций, чувства тревоги или возбуждения у читателя. В книге «Триллер» Дж. Паттерсон отмечает, что «если триллер не в состоянии щекотать нервы, значит, он не справляется со своей работой» [2, р. 111]. Само название пришло от английского слова *thrill*, обозначающего 'трепет', 'глубокое волнение', 'нервную дрожь' [3, с. 32–36].

Одной из наиболее характерных черт триллера является *с а с п е н с* – художественный прием, который авторы используют для поддержания интереса читателей на протяжении всего повествования. Он вызывает состояние психологической неуверенности, тревоги, неопределенности. Одна из целей использования этого художественного приема в психологическом триллере состоит в том, чтобы заставить читателей больше беспокоиться о персонажах и сформировать симпатию к ним. Напряженность интриги может усиливаться на протяжении всей книги или внезапно поражать читателя с самой первой страницы. Саспенс может начаться в любом месте текста: с названия, с начала повествования, с середины или даже возникнуть в самом конце. Такое напряжение обычно достигается путем применения определенных приемов и выразительных средств: повторов, акцентирующих семантику смерти, опасности, страха; метафор, эпитетов и сравнений, которые способствуют формированию чувства таинственности, неопределенности и угрозы; синтаксических конструкций – повторов, инверсий, бессоюзной связи, градаций и императивных конструкций; асиндетона и парцелляции; обилия кинематических речений и соматизмов [4, с. 361–363]. Например, одним из основных языковых приемов создания саспенса в романах современной британской писательницы М. Стюарт служит техника нагнетания (амплификации) за счет использования семантического повтора – лексико-тематической группы слов со значениями 'mystery', 'apprehension', 'danger', 'terror'. Таким образом, для психологического триллера характерны неопределенность и постоянный накал страстей, которые в совокупности порождают смешанное чувство тревоги, вовлеченности и даже страха.

Обычно в триллере состояние неизвестности нарастает по мере приближения истории к кульминации, за которой следует незабываемый финал. Благодаря таким эмоциональным сюжетным элементам, как тайны, преступления, заговоры и месть, триллер всегда относился к тем формам творчества (это касается не только литературы), которые на протяжении многих веков приковывали внимание зрителей и читателей: чувство тревожности, нервного ожидания, волнения или страха могут сменяться восторгом и острыми ощущениями.

Триллер как романский жанр распадается на подвиды (психологический, юридический, политический, комедийный, триллер-заговор, катастрофа, технотриллер и т.д.), иногда наблюдается «диффузия» – сочетание элементов двух и более жанров (например, криминальный триллер с элементами хоррора). Психологический триллер довольно редко «работает» в одиночку. Такие произведения часто строятся на взаимодействии различных жанров (к примеру, психологического детектива и драмы), что приводит к созданию метажанровой литературы – особого типа произведений, лишенных традиционных признаков какого-либо конкретного жанра.

Жанр психологического триллера начал развиваться в литературе с середины 1880-х годов. В качестве «образцовых» англоязычных психологических триллеров можно выделить следующие: новелла «Убийства на улице Морг» (“*The Murders in the Rue Morgue*”, 1841) Эдгара Аллана По, пьеса «Верёвка» (*Rope*, 1929) Патрика Хэмилтона, романы «Маг» (*The Magus*, 1963) и «Коллекционер» (*The Collector*, 1963) Джона Фаулза, «Реквием по мечте» (*Requiem for a Dream*, 1978) Хьюберта Селби-младшего, «Мизери» (*Misery*, 1987) Стивена Кинга, «Молчание ягнят» (*The Silence of the Lambs*, 1988) Томаса Харриса, «Бойцовский клуб» (*Fight Club*, 1996) Чака Паланика, «Хирург» (*The Surgeon*, 2001) Тесс Герритсен, «Остров проклятых» (*Shutter Island*, 2003) Денниса Лихэйна, «Эффект бабочки» (*The Butterfly Effect*, 2006) Джеймса Сваллоу, «Исчезнувшая» (*Gone Girl*, 2012) Гиллиан Флинн, «Безмолвный пациент» (*The Silent Patient*, 2019) Алекса Михаэлидеса.

Перечисленные психологические триллеры представляется возможным выделить в отдельную жанровую разновидность триллера, обладающую рядом отличительных черт. Прежде всего, это борьба с тяжелым прошлым, преследующим персонажей и вызывающим внутренний психологический конфликт. Кроме того, в этих произведениях разворачиваются различные семейные конфликты как в прошлом, так и в настоящем, существенно влияя на ход событий и характер персонажей. Таков, например, роман Г. Флинн «Исчезнувшая». Одиночество героини и непонимание со стороны окружающих усугубляют проблемы насилия и психологических манипуляций. Наличие психических расстройств (паранойя, галлюцинации, раздвоение личности) дополнительно затрудняет жизнь героев в романе «Остров проклятых» Д. Лихэйна, где также рассматривается проблема психологического насилия и манипуляции.

Помимо этого, в психологических триллерах чувство нарастающей эмоциональной напряженности создается за счет введения событий, представляющих риск для жизни главного героя, таких как появление

неизвестной угрозы, конфликта интересов, выходящих из-под контроля главного героя и других персонажей. В частности, роман «Мизери» С. Кинга изображает борьбу главного героя, писателя Пола Шелдона, за выживание и свободу после того, как его похищает его фанатка Энни Уилкс. Роман Дж. Фаулза «Коллекционер» – это также история одержимости Фердинанда Клегга, психопата, который похищает и коллекционирует женщин.

С помощью детективного расследования герой триллера часто пытается найти здравый смысл в происходящем, чтобы понять его «логику» и определить дальнейшие свои действия. В то же время тайные заговоры, ложные сведения, сокрытие информации и подозрения препятствуют ему в этом. Из-за наличия противоречивости и неопределенности ситуаций и персонажей создается атмосфера загадочности.

Рассмотрим эволюцию романа-триллера и постепенное становление жанровой разновидности психологического триллера. Этот процесс можно условно разделить на несколько этапов. Самым ранним прототипом жанра триллера можно считать «Одиссею» Гомера, так как в данном произведении автор прибегал к похожим для современного триллера техникам. Герой этой эпической поэмы, Одиссей, после Троянской войны отправляется домой в Итаку, где его ждет жена Пенелопа. В пути его ожидают многочисленные сражения и борьба за выживание: битва с Циклопом – одноглазым великаном; сражение с Сиренами – морскими созданиями, которые завлекали моряков своим пением и жестоко с ними расправлялись. Такие сюжетные ходы напоминают боевые сцены и сцены борьбы за выживание в современных триллерах. Также Гомер использует множество мифических образов, что создает атмосферу загадочности и таинственности. В «Одиссее» присутствует и тема тайных заговоров и подозрений, это является характерной чертой современных триллеров (например, когда Пенелопа пытается выяснить, кто из претендентов на ее руку является ее истинным мужем). Более того, Одиссей вынужден сражаться и выживать самостоятельно, что создает образ героя-одиночки наподобие персонажей современных произведений рассматриваемого жанра. Все эти художественные приемы «накаляют» сюжет до предела, а читателя интересуют, сумеет ли Одиссей добраться домой живым и невредимым. Из этого следует, что Гомер использовал техники и приемы, к которым обращаются и авторы современных триллеров. «Одиссею» связывают и с приключенческой литературой, романом дороги. Корни триллера, таким образом, также восходят к произведениям авантюрно-приключенческого жанра.

В качестве одного из основных этапов становления психологического триллера можно выделить расцвет популярности готического жанра, который возник в XVIII в. и был направлен на описание мрачных и таинственных событий, происходящих в замках, старинных особняках и средневековых городах. Готическое включает в себя элементы мистики, романтики, трагедии и ужаса. Одним из основных мотивов готической литературы является погружение автором читателя в темные уголки сознания героя. Готический жанр и психологический триллер имеют схожие мотивы и темы. Оба описывают внутреннюю борьбу персонажей, их темные секреты и скрытые желания, делая их поведение непредсказуемым и создавая атмосферу напряженности. Одним из наиболее заметных элементов готического жанра, оказавшим влияние на психологический триллер, является использование особых локаций, куда помещено действие, таких как замки и особняки, которые представляются символом глубинных психологических процессов персонажей. Эти локации могут стать источником опасности и угрозы для героев, что также привносит в их поведение дополнительный аспект нестабильности. Кроме того, готический жанр обычно включает в себя использование таинственных образов для создания атмосферы страха и напряжения. Психологический триллер, в свою очередь, представляет собой поджанр триллера, который также уделяет большое внимание темной психологической составляющей персонажей и позволяет читателю или зрителю глубже понимать их мотивы и поведение. Такова героиня Лора из романа Дж. Маррса «Добрая самаритянка», которая носит маску доброты и великодушия, чтобы завоевать доверие людей.

На развитие психологического триллера повлиял и детективный жанр, который берет начало с середины XIX в. (творчество Э. А. По) и продолжается в произведениях А. К. Дойла и других авторов. В основе детективного жанра заложен «полицейский» мотив: поединок между преступлением, с одной стороны, и выявлением и наказанием преступника – с другой. Под детективным произведением понимается такое эпическое повествование, в котором методом логического анализа последовательно раскрывается какая-нибудь сложная, запутанная загадка или тайна. В англоязычной литературе оставили след такие авторы-«детективщики», как Агата Кристи, Артур Конан Дойл, Дороти Л. Сэйерс, Рут Ренделл, Ник Картер, Эд Макбейн (подлинное имя – Сальваторе Ломбино), Росс Макдональд (он же Кеннет Миллар), Рекс Стаут, Сэмюэл Дэшил Хэммет, Джон Диксон Карр, Рэймонд Торнтон Чандлер и Эрл Стенли Гарднер [5]. Однако, в отличие от детектива, в психологическом триллере основной

упор делается на внутреннюю психологическую борьбу главных героев и их эмоциональное состояние, что привносит в повествование особый драматизм и напряженность.

В XX в., особенно после Второй мировой войны, синтез детективного, готического и психологического элементов романа-триллера обеспечивает его сильное эмоциональное воздействие на читателя или зрителя, удержание их в состоянии напряжения и волнения. Авторы создали новый жанр, который и стал известен как психологический триллер. В основу таких произведений заложены психологические проблемы, драматические взаимодействия персонажа с самим собой и окружающим миром, глубокий психологический анализ личности главного героя, раскрываются истоки психологических проблем, детские психотравмы и т.д.

Элементы детектива – наличие тайны и заговоров, сокрытие некоторых деталей и обстоятельств – также несколько видоизменяются. По определению Р. Макдональда, в детективе действие движется во времени назад, к разгадке, от констатации факта зафиксированного преступления к тому моменту, когда оно было совершено; триллер же направлен в будущее время, вперед, к катастрофе, а развитие сюжета и его концовка становятся ясны только в процессе чтения, благодаря чему сохраняется интрига [3, с. 32]. Для произведения этого рода характерны не столько разгадка тайны путем анализа и победы разума и добра над злом, сколько жестокость совершенных преступлений. В триллере герой должен скорее не раскрыть уже совершившееся преступление, а разрушить планы противника, личность которого известна на протяжении всего сюжета. Масштабы в триллере также значительно больше: те преступления, которые главный герой должен предотвратить, могут быть массовым убийством, террором, политическим убийством или свержением правительства. В то время как детективная история достигает своей высшей точки накала событий, когда загадка разрешена, кульминация в триллере наступает, когда главный герой побеждает врага, спасая свою собственную жизнь и зачастую жизни многих людей.

Согласно исследованию Т. А. Шошиной, действие триллера обычно происходит в необычных и экзотических местах; героями в триллерах могут быть «крутые мужчины», привыкшие к опасности. Главным героем, тем не менее, становится преступник, а детектив отступает на второй план. Он не похож на классический тип преступника прежней поры, когда оба противника были джентльменами. С течением времени образ преступника изменился: авторы триллеров сводят убийства к действиям психопатов, людей, предрасположенных к совершению зла. Сюжет в таком триллере

строится на том, что в душе преступника вспыхивает страсть к преступлению. Нагнетая атмосферу страха, автор пытается окружить убийцу и преступление атмосферой особой таинственности с целью держать читателя и зрителя в постоянном страхе и напряжении. Преступление именно потому стало основной темой психологического триллера, что оно давно уже превратилось в одну из самых ужасающих болезней человеческой психики [5].

Таким образом, жанр психологического триллера обладает определенным рядом характеристик, сложившихся в процессе его эволюции, однако не имеет четких границ: элементы триллера присутствуют во многих произведениях разных жанров, а психологический триллер включает элементы других жанров.

Литература жанра «триллер», безусловно, относится к явлениям массовой культуры, которая, как справедливо отмечает В. П. Руднев, «традиционна и консервативна, ориентирована на среднюю языковую норму, на простую прагматику, поскольку она обращена к огромной читательской аудитории» [6, с. 156]. Прагматическая направленность литературы жанра триллера легко просматривается в самом названии жанра: *to thrill* – потрясти, напугать читателя. Коммерческий успех, к которому обязательно стремится автор любого произведения массовой культуры, диктует свои требования. Произведение должно им удовлетворять, в частности «необходимым свойством продукции массовой культуры должна быть занимательность, которая задается жесткими структурными условиями текста» [6, с. 156]. Среди таких условий В. П. Руднев называет четкий сюжет с интригой и перипетиями и четкое членение на жанры, причем «необходимо, чтобы жанр мог быть опознан сразу и ожидание не должно нарушаться», потребитель произведения (зритель в кино, читатель в литературе) «не должен быть разочарован» [7, с. 223].

Каждый автор триллера использует «разнообразие литературных приемов, что позволяет не только украсить текст, но и дать читателю возможность более точно прочувствовать, что именно хотел донести автор, увидеть главных героев и понять их поступки с его позиции. Более того, такие авторские художественные приемы оказывают сильное эмоциональное влияние на читателя, что особенно важно при чтении произведений данного литературного жанра» [8, с. 365]. Эволюция психологического триллера и была обусловлена добавлением писателями новых элементов, которые выявили характерные черты жанра и способствовали его развитию.

Итак, исследование эволюции романа-триллера позволяет отнести его генезис к XIX в., проследить изменения в современном психологическом

триллере: от формирования классических детективных и готических элементов до включения более сложных психологических и эмоциональных аспектов. Можно предположить, что эволюция романа-триллера отражает изменения во взглядах и интересах читателей, что заставляет авторов искать новые подходы и темы для создания увлекательных и захватывающих историй. В то же время рассматриваемый жанр психологического триллера обладает комплексом специфических черт: саспенс; динамика сюжета и неожиданные повороты событий; фокус на персонажах (зачастую психопатических и маргинальных личностях) и их внутренних психологических конфликтах; синтаксические и лексические средства создания особой атмосферы страха, напряженности и неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стивен, М.* Остросюжетные жанры и их специфика [Электронный ресурс] / М. Стивен // Журнал «Самиздат». – 2013. – Режим доступа: http://samlib.ru/m/makgaf_s/a1-1.shtml. – Дата доступа: 04.12.2022.
2. *Patterson, J.* Thriller / J. Patterson. – Ontario : MIRA Books, 2006. – 576 p.
3. *Дьякова, Т.В.* Характеристика жанра «триллер» и его поджанры / Т.В. Дьякова // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 5 (44). – С. 32–36.
4. *Жогова, И.Г.* Языковые средства создания атмосферы напряжения в произведениях жанра триллер (на примере романов Дж. Гришэма и М. Стюарт) / И.Г. Жогова, Е.В. Кузина // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 361–363.
5. *Шошина, Т.А.* Триллер как жанр в американской культуре [Электронный ресурс] / Т.А. Шошина. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37329824>. – Дата доступа: 01.06.2023.
6. *Руднев, В. П.* Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
7. *Руднев, В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2001. – 608 с.
8. *Трегубова, Ю.А.* Литературные приемы в тексте художественного произведения жанра «юридический триллер» / Ю.А. Трегубова // сб. материалов I Всероссийской науч-практ. конф., Орёл, 28 марта 2019 г. – Орел : Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2019. – С. 364–369 с.

Поступила в редакцию 03.11.2023

Синяк Елена Петровна

кандидат филологических наук,
заместитель начальника кафедры
белорусского и иностранных языков
Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Alena Siniak

PhD in philology
Deputy Head of the Department of
Belarusian and Foreign Languages
Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus
sinyak.elenka@mail.ru

РОЛЬ СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «ЯГО БАТАЛЬЁН» В ФОРМИРОВАНИИ
ОБРАЗА СОЛДАТА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ROLE OF THE PLOT AND COMPOSITIONAL FEATURES
OF V. BYKOV'S SHORT NOVEL "HIS BATTALION" IN FORMING
THE IMAGE OF THE WORLD WAR II SOLDIER

Статья посвящена изучению сюжетно-композиционных приемов, направленных на создание художественного образа солдата Второй мировой войны в произведении В. Быкова «Яго батальён». Показано, как сюжетно-композиционные особенности повести способствуют раскрытию характера центрального персонажа.

Ключевые слова: *В. Быков; сюжет; композиция; художественный образ; солдат; Вторая мировая война.*

The article studies the plot and compositional techniques employed by the author to create the image of the World War II soldier in V. Bykov's short novel "His Battalio". The article shows how the plot and compositional features help to reveal the personality of the main character.

Key words: *V. Bykov; plot; composition; artistic image; soldier; World War II.*

Во многих произведениях В. Быкова главной остается тема героизма рядового участника военных событий. Причем писателя в первую очередь интересует не столько внешнее проявление этого героизма, сколько его мотивация, первопричины, побуждающие человека к героическому поступку. Подтверждение этой мысли находим у И. В. Шабловской, которая отмечает: «Быков заостряет мотивы собственной, внутренней детерминации личности, дает анализ процессов духовного мира, установок и ценностных критериев нравственности, психики, показывая все это как результат и момент динамики бытия» [1, с. 17]. Характерной чертой «военных» повестей В. Быкова является то, что в центре авторского внимания оказывается человек в экстремальной ситуации, персонаж,

который стоит перед выбором: с достоинством принять смерть или остаться жить, став предателем. Эту особенность одним из первых отметил А. Адамович. Он писал, что «в основе всех повестей В. Быкова лежит “стрессовая” ситуация, предельно кризисная: когда человеку в себе самом (и нигде больше) приходится искать и находить силу противостоять жесточайшим обстоятельствам» [2, с. 186]. К такому приему автор прибегает не случайно, ведь в обычной обстановке характер человека, его внутренний стержень не может раскрыться полностью.

Архитектоника повести «Яго батальён» традиционная для В. Быкова, в ней последовательно раскрывается характер центрального персонажа произведения. Действие происходит в холодные мартовские дни 1943 года. Окрыленная Сталинградской победой советская армия ведет наступательные бои. Командир пехотного батальона капитан Волошин сетует на то, что не удалось сходу взять стратегически важную высоту, и за ночь немцы могут превратить ее в серьезный оборонительный рубеж. В батальоне осталось только 76 бойцов, и опытный командир комбат Волошин понимает, что *на вайне ж сярод усіх магчымасцей, якія дазваляе сітуацыя, часцей выпадае самая горшая, плата за якую – заўжды людское жыццё* [3, с. 287].

В произведении максимально сближены голос автора и голос главного персонажа. Благодаря этому приему, по мнению К. Н. Атаровой, становится возможным раскрытие «изнутри» образа героя, избранного писателем в качестве главного действующего лица [4, с. 343]. В. Быков акцентирует внимание читателя в значительной степени на изображении и освоении внутреннего мира комбата Волошина: его мыслей, желаний, переживаний, эмоциональных состояний, нежели на событийной стороне сюжета произведения. Таким образом, в повести мы имеем адинамический сюжет. Это сюжет, в котором, как отмечает А. Б. Есин, действие развивается медленно, события сюжета не вызывают у читателя напряженного ожидания, элементы сюжета выражены не четко, общая композиция произведения содержит внесюжетные элементы (портрет, пейзаж, описание бытового уклада жизни персонажа, различные формы речи персонажа), концентрирующие на себе внимание читателя [5, с. 147]. А с точностью воссозданных картин фронтовой действительности в произведении немало. Особенно выделяются картины психологические. Психологическая же точность является одним из основных достоинств художественности.

Описание ночной подготовки Волошиным своего батальона к утреннему наступлению, небольшие вкрапления внутренней речи героя, диалоги с подчиненными и командованием позволяют автору создать психологи-

чески сложный, но в то же время достоверный и жизненный образ комбата. Очевидно, что этический выбор героя осложнен будущей экстремальной ситуацией штурма высоты, где немцы успели хорошо закрепиться. В батальоне практически каждого солдата Волошин знает лично, это действительно «его» батальон, название произведения подчеркивает авторскую магистральную идею. Степень интереса автора к персонажам второго плана говорит о том, что перед читателем не просто образы отдельных людей, а образ солдата в целом – образ армии и народа, и комбат Волошин не видит себя вне этой общности. В произведении несколько раз подчеркивается, что пережитые страдания и совместно пролитая кровь навсегда сроднили капитана Волошина с его батальоном, который *здаўна і звыкла быў яму домам, ягонай крэпасцю і аховай – іншага для сябе прытулку на вайне ён не ведаў* [3, с. 335].

Пройдя нелегкими дорогами войны, испытав на себе все лишения и тяготы выхода из окружения, бессмысленную гибель любимой девушки, Волошин не очерствел душой. Он умеет ценить прекрасное (любит стихи Есенина), с уважением относится к подчиненным. Сам много переживший и наделенный острым чувством достоинства, Волошин высоко ценит своих солдат и бережно относится к каждой человеческой жизни. Так, комбат переживает за новоприбывших необстрелянных новобранцев, которые даже русской речи не понимали: *Батальён павялічваўся ўдвая, амаль удвая ўзрастала яго агнявая моц. І тым не менш камбат не ўзрадаваўся. <...> Валашын у задуменнае заклапочанасці паглядзеў на байцоў, і яму стала самотна ад аднаго іх выгляду. Непрыношаныя камкаватыя шынялі, абвіслыя, з брызентавымі падсумкамі дзягі, змерзлыя рукі ў нязграбных каляных рукавіцах, якія неяк няўмела і бяссільна трымалі абшарпаныя ложы вінтовак. Гарбатыя ад рэчмяшкоў на спінах паставы. Па-руску яны сапраўды мала што разумелі... <...> Камбат паныла назіраў <...> і думаў, што выпеставаны яго клопатам, выхаваны і зладжаны за доўгія тыдні трывог і пакут яго батальён канаў. Як ён ні стараўся, як ні супраціўляўся таму, усё большала ў ім невядомых і менела старых надзейных байцоў, а з імі на крупінках знікала яго камандзёрская сіла і чалавечая ўпэўненасць. Гэта амаль што палохала, ён улавіў у сабе гэта непрывычнае адчуванне яшчэ там, у траншэі, калі прабіраўся сюды сярод іх – стомленых невядомасцю і благім прадчуваннем, падаўленых небяспечнаю блізасцю перадавой, абьякавых да ўсяго, што не “я” і што не несла небяспекі гэтаму “я”* [3, с. 319, 322]. Не понаслышке зная жестокие законы войны, комбат Волошин как опытный фронтовик осознает весь трагизм предстоящего боя за высоту и хочет, чтобы солдаты отдохнули перед атакой.

Характер командира раскрывается в повести последовательно: во фронтовом быту, в час затишья перед наступлением, в минуты смертельной опасности при взятии высоты и при захоронении погибших. Вспомним, например, эпизод отстранения Волошина от командования батальоном в ходе наступления: *Можа, у іншых абставінах ён бы нават уздыхнуў з палёгкай, пазбаўлены гнятлівага пачуцця адказнасці, але цяпер уздыхнуць не мог. Нават калі ён ніколі не вернецца да свайго батальёна і будзе назаўжды адзелены ад яго лёсу, ён не мог так проста і раптам вырваць са сваёй душы гэтую сотню людзей, з якімі яго зраднілі сумесна перажытыя імі пакуты і пралітая кроў* [3, с. 399]. Огромная сила воли и ответственности за «его» батальон характеризует комбата. Очевидно, что Волошина, каким его показал писатель В. Быков, можно отстранить от должности комбата, но его уже нельзя оторвать от батальона, с которым он сроднился, сросся за тяжелые дни и часы боя и который стал частью его самого.

Ретроспективные сцены (их совсем немного в произведении), раздвинув и временные границы повести, и его пространственные рамки, позволяют углубить образ Волошина, сделать его более объемным. Следует обратить внимание на включенное в текст письмо девушки, влюбленной в Волошина (комбат всегда его носит с собой как самую дорогую реликвию). В лирически окрашенных эпитетах (*Дарагі мой Валошык, мой срэбны праменьчык закатнага сонейка, які так коратка і светла бліснуў у маім жыцці, дзе ты? Дзе ты, зямная і нябесная мая радасць, мой рослы дубок, зялёная траўка палянкi, мёдам прапахлы лужок, цёплая жывая хваля, гулліва забегшая на мае далоні?...* [3, с. 355]) сконцентрирован крик отчаявшейся любящей души, обеспокоенной долгим молчанием любимого. Вставной эпизод с письмом усилен авторским скупым комментарием: *Недарэчны, страшны і дзікі франтавы лёс!*

Ён перажыў трохмесячнае акружэнне, тыф, дзесяткі разгромных баёў, цяжкое раненне ў грудзі і ўсё ж выкараскаўся з учэпістых лапаў смерці. Але калі ён атрымаў гэта пісьмо, яе ў жывых ужо не было.

Яна была забіта адзінай кулямётнай чаргой з выпадкова пралятаўшага «юнкерса» на залітай сонечным святлом паляначцы медсанбата, куды вынесла развесіць памытыя свае апраткі... [3, с. 356].

Автор-повествователь знает ровно столько, сколько знает его герой. Он совмещает свои пространственно-временные координаты с координатами комбата Волошина и таким образом выводит на первый план самого героя, передает его мысли, эмоциональное настроение. Малые пространственно-временные рамки (события развиваются в течение всего лишь одних суток) дают писателю возможность избежать экспозиции и недо-

стающую информацию передавать через опосредованные ассоциативные детали. Это в первую очередь касается сюжетных деталей, а вот детали, характеризующие поступки героя, его судьбоносные решения, В. Быков выбирает скрупулезно. Так, обстоятельно выписана В. Быковым ретроспективная сцена спасения собаки Джима: *...Валошына параніла ў галаву, і ён, неяк перавязайшы яе, ляжаў пад хвояй, чакаючы сігналу “наперад”. У поўдзень, спакутаваны ад духаты, смагі і болю, пайшоў у глыб лесу пашукаць вады і неўзабаве набрыў на зарослы ляшчыннікам равок з ледзьве жывым у траве ручайком, дзе і ўбачыў гэтага, невядома адкуль прыбрыўшага сюды, сабаку. Збочыўшы худы зад і шырока расставіўшы пярэдня лапы, Джым сядзеў над ручаём і з пакутным адчаем у вачах пазіраў на чалавека. Валошын напіўся сам, набраў цёплай вады ў трафейную пляшку і, спакойна падышоўшы да сабакі, асцярожна пагладзіў яго. Сабака нават не ўхінуўся ад яго рукі, і Валошын убачыў, што задняя яго лапа перабіта асколкам. У кішэні ў капітана была рэштка бінта, якім той асцярожна перабінтаваў пералом, затым, выламаўшы з ляшчыны дзве тонкія палачкі, наклаў іх замест шын на лапу і зноў туга абматаў бінтам. Сабака асцярожна пераступіў раз і другі і з раптам ажывелым выглядам пабрыў за чалавекам. <...> Узрушаны многім з таго, што адбывалася сёння ў зямлянцы, занепакоены лёсам батальёна і заўтрашняй атакай, Валошын спярша неяк не дужа і адчуў страту Джыма. Аднак з цягам часу жаль па сабаку ўвачавідкі рос у ім, даходзячы часам да распачы. Як ні дзіўна, а Джым быў для яго чымсь глыбока асабістым, амаль інтымным, нечым з таго, што начыста вытручвала ў чалавеку вайна і што можна было хіба адчуць і амаль немагчыма сфармуляваць словамі... [3, с. 331–332].*

Сценой с собакой в батальоне начинается повесть, и заканчивается она возвращением Джима к Волошину. Эпизоды с псом несут определенную содержательную и смысловую нагрузку. Образуется так называемая «кольцевая композиция, когда устанавливается композиционная переключка между началом и концом произведения; такая композиция часто несет в себе особый художественный смысл» [5, с. 85]. Она свидетельствует о замкнутом круге фронтовой жизни комбата Волошина, но повторенном уже на новом витке. И вполне вероятно, что этих витков в судьбе героя будет немало. На это указывает краткая архивная справка: *Камандзір 294-га стралковага палка Герой Савецкага Саюза маёр Валошын Мікалай Іванавіч забіты 24 сакавіка 1945 года і пахаваны ў брацкай магіле, што знаходзіцца ў 350 метрах на паўночны захад ад населенага пункта Штайндорф (Усходняя Прусія). Даведка з архіва [3, с. 446].* Справка стала своеобразным эпилогом произведения, где сконцентрирован его идейный

смысл. Не случайно многие писатели, В. Быков в том числе, тщательно продумывают финал своих произведений. Автор «Яго батальёна» признавался: «Как правило, работе над каждой вещью у меня предшествует, кроме максимально разработанного плана, еще и скрупулезно продуманный финал. Без ясного представления о том, чем должна закончиться повесть, я не приступаю к ее началу» [6].

Новые грани характера комбата раскрываются при взятии высоты. Мастерски используя композиционный прием противопоставления, усиленный приемом сопоставления, писатель В. Быков рисует два разных подхода к описываемым событиям – лейтенанта Маркина, назначенного комбатом для взятия высоты, и капитана Волошина. Так, например, Волошин понимает, что Маркин с его психологией будет стремиться во что бы то ни стало выполнить приказ командования, жалеть батальон не будет и за несколько часов положит всех солдат. Для комбата Волошина важен был разумный, взвешенный подход к бою: вовремя эвакуировать раненых, не уступить инициативу немцам, достойно похоронить убитых.

В повести преобладает хроникальный принцип в изложении фактов и событий. Очень подробно повествует В. Быков о ночной подготовке комбата к утреннему бою за высоту, детально описывая все, что тревожит командира: малочисленность батальона, неподготовленное пополнение, немецкие укрепления, будущая артподготовка.

Кульминационным моментом композиции сюжета повести выступает бой в задымленном блиндаже, где без противогазов в одночасье могли погибнуть все бойцы. Смелость и решительность комбата спасают ситуацию, но без жертв не обошлось.

Таким образом, сюжетно-композиционные особенности повести «Яго батальён» (прием самораскрытия, хроникальность, динамический сюжет, введение в повествование письма) способствуют созданию многогранного и цельного образа солдата Второй мировой войны. В образе комбата Волошина В. Быков воплотил тип белорусского солдата-фронтовика, который, идя суровыми дорогами войны, сохраняет лучшие морально-нравственные качества человека: доброту, человечность, честность и порядочность. Для раскрытия образа комбата Волошина В. Быков использует прием самораскрытия персонажа, этот прием помогает белорусскому писателю найти новый подход к изображению событий минувшего, сказать новое слово о войне. Хроникальность в изложении событий дает возможность последовательно следить за развитием образа персонажа. Динамический сюжет повести заостряет внимание читателя на отдельных элементах произведения, реалистично обрисовывающих быт и повседнев-

ность войны, воссоздающих тонкие психологические картины. Введение в повествование письма позволяет углубить образ Волошина, сделать его более объемным. Характер комбата Волошина В. Быков раскрывает в отношении к долгу, начальству, подчиненным, любимой девушке. Сочетание композиционного приема противопоставления и приема сопоставления позволяет показать мировоззренческий контраст персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шабловская, И. В.* Самой высокой мерой / И. В. Шабловская. – Минск : Университетское, 1984. – 203 с.
2. *Адамович, А.* Горизонты белорусской прозы : лит.-крит. очерки / А. Адамович. – М. : Совет. писатель, 1974. – 316 с.
3. *Быкаў, В.* Збор твораў : у 4 т. / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 2 : Аповесці. – 447 с.
4. *Атарова, К. Н.* Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Изв. Акад. наук СССР, Сер.: Лит. и яз. – 1976. – Т. 35, № 4. – С. 343–356.
5. *Есин, А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – 10-е изд. – М. : Флинта, 2010. – 248 с.
6. *Быков, В.* Публицистика [Электронный ресурс] / В. Быков // tululu.org. – Режим доступа: https://m.tululu.org/bread_15836_33.xhtml. – Дата доступа: 13.05.2023.

Поступила в редакцию 28.08.2023

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 6 (127), 2023

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 27.12.2023. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Ризография. Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 8,69. Тираж 100 экз. Заказ 63.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172